

МАРИ ЛЮБРОН

Она вошла во тьму
человеком.
Но тьма первой узна
кто она на самом деле

МАЭЛЬ

НА
БОДА
ОВЕСИЕ
ОНЕЧНОСТЬ

СИ

В
ЖЕ
ПРЕДАН

АЛЬКА

ИЗБРАННАЯ ТЬМОЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

•

ДЕМОНЫ

•

ВЛАСТЬ

•

СУДЬ

18+

Мари Люброн

Алька. Избранная тьмой

«Автор»

2026

Люброн М.

Алька. Избранная тьмой / М. Люброн — «Автор», 2026

Алька не искала тьму — тьма сама вошла в её жизнь. Ситри, Самаэль, опасные тайны, похищения и выборы, после которых уже невозможно вернуться к прежней себе. Ей придётся защищать тех, кого она любит, разбираться в чувствах, которым нельзя доверять, и понять, почему именно она оказалась в центре этой истории. «Алька. Избранная тьмой» — мрачный роман о страсти, власти, страхе и цене выбора.

© Люброн М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дом с характером	6
Глава 2. Посторонние	12
Глава 3. Живой мужчина	22
Глава 4. Право на выход	34
Глава 5. Гостиная комната	44
Глава 6. Условия проживания	56
Глава 7. Цена гостеприимства	67
Глава 8. Чужие желания	82
Глава 9. Цена защиты	97
Глава 10. Неосторожное желание	110
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Мари Люброн

Алька. Избранная тьмой

Мари Люброн

Алька

Избранная тьмой

Глава 1. Дом с характером

Але снилось, что на неё кто-то забрался.

Она пыталась оттолкнуть незнакомца, но руки не слушались. Тело стало тяжёлым и чужим, словно всё ещё лежало в постели, пока она сама провалилась куда-то глубже. Чужой вес прижимал её к матрасу. У самого лица чувствовалось горячее дыхание.

А потом её укусили за палец.

Боль оказалась такой резкой, что Аля проснулась.

Несколько секунд она лежала с открытыми глазами, пытаясь понять, где находится. Темнота постепенно распадалась на знакомые очертания: шкаф напротив, край комода, занавески. Её спальня. Её собственный французский дом, купленный всего две недели назад.

И никого рядом.

Она втянула воздух, но выдохнуть не успела: матрас качнулся. Медленно выровнялся у самого бедра, будто кто-то только что поднялся с кровати.

Аля замерла.

Из-под кровати донёсся шорох.

Ни повернуть голову, ни опустить ноги на пол она не могла. Смотрела в темноту и ждала, сама не зная чего. А потом хомяк в клетке заверещал так, словно к нему без приглашения заглянул граф Дракула и потребовал освободить жилплощадь.

— Твою мать...

Аля нащупала выключатель прикроватной лампы и ударила по нему ладонью.

Свет заставил зажмуриться. Когда она снова открыла глаза, в спальне всё было по-прежнему: шкаф закрыт, одежда лежит на стуле, у двери стоят домашние тапочки. Никого. Только хомяк забился в дальний угол клетки и сидел там, вцепившись лапками в подстилку.

От его неподвижности стало хуже. Лучше бы опять орал.

Аля медленно отодвинула край одеяла и посмотрела вниз. Между кроватью и полом оставалась узкая тёмная щель. Чтобы заглянуть туда, пришлось бы свеситься с матраса почти до самого пола.

Нет уж. Следствие подождёт до утра.

На электронных часах светилось 3:15.

— Какая жуть, — пробормотала она.

Большой палец ещё помнил укус. Аля потёрла его, но внимательно рассматривать не стала: сейчас ей совсем не хотелось обнаружить там что-нибудь, с чем придётся разбираться немедленно.

Она прислушалась. Ни шагов, ни дыхания. Из клетки тоже больше не доносилось ни звука.

Обычный кошмар. Очень убедительный, спасибо переутомлённому мозгу. Матрас качнулся, потому что она сама дёрнулась, а хомяк перепугался хозяйки. Вполне приличное объяснение. Другого у неё всё равно не было.

Аля оставила лампу включённой, легла и натянула одеяло до подбородка. Универсальная защита от любой нечисти, одобренная всеми детьми мира. В тридцать восемь лет можно было бы изобрести что-нибудь посерьёзнее, но в четверть четвёртого утра хотелось воспользоваться проверенным средством.

Некоторое время она следила за светлым прямоугольником у двери. Потом веки начали слипаться. Усталость возвращалась постепенно, подбирая мысли одну за другой, пока в голове не осталось ничего, кроме желания уснуть.

Утром её разбудил солнечный луч, пробившийся между шторами.

Лампа всё ещё горела.

Аля выключила её и несколько секунд смотрела в потолок. Днём ночной страх казался особенно нелепым. Ну приснилась дрянь. Вчерашняя беготня, коробки, ремонт, новая постель — удивительно, что ей вообще снилось что-то связанное.

Из клетки доносился хруст.

Хомяк сидел у входа в свой домик и сосредоточенно завтракал. Никаких следов потрясения. На его месте Аля хотя бы из солидарности выглядела испуганной.

— Предатель.

Она поднесла большой палец к глазам, повернула его к свету. Ни царапины, ни покраснения. Кожа целая.

Вот и прекрасно. Меньше надо читать на ночь.

Наклонившись за тапочками, она всё-таки заглянула под кровать. Пусто. Пыль, ножка у изголовья, ничего, что могло бы шуршать или кусаться.

Аля выпрямилась с таким облегчением, будто только что получила официальное заключение об отсутствии потусторонних жильцов.

Сегодня ей было совершенно не до мистики. В десять утра её ждали в мэрии: предстояло подписать очередную кипу бумаг. Похоже, вместе со старым домом во французской провинции она приобрела пожизненную подписку на местную бюрократию. Отменить подписку можно было, вероятно, только вместе с недвижимостью.

Дом находился в исторической части городка, и переделывать его по собственному усмотрению не разрешалось. Нужно было беречь облик фасада, согласовывать окна, осторожно обращаться с крышей. Аля уже выучила выражение «реставрационный проект» и начинала подозревать, что вскоре будет произносить его во сне.

Быстрый душ, крепкий кофе — и пора выходить.

В прихожей она проверила папку с документами, нащупала в сумке ключи от машины и уже взялась за дверную ручку, когда зачем-то обернулась.

Утренний свет лежал на старом полу. Наверху было тихо.

— Я вечером вернусь, — вырвалось у неё.

Аля нахмурилась. Прекрасно. Теперь ещё и пустым стенам отчитывается. Дом во владении две недели, а семейные отношения уже установлены.

Она захлопнула дверь и поспешила к машине.

В мэрии её ждала женщина лет пятидесяти с аккуратной короткой стрижкой. На столе перед ней лежала стопка документов, толщины которой хватило бы для реставрации небольшой крепости.

— Мадам Аля?

— Да, это я.

— Проходите, присаживайтесь.

Аля опустилась на стул. Чиновница перелистнула несколько страниц, надела очки и придвинула к себе папку.

— Итак. По вашему объекту всё в порядке. Прежде чем приступить к согласованному этапу работ, нужно подтвердить соблюдение условий проекта реставрации.

— Помню-помню.

— Фасад не менять. Окна — строго в первоначальном стиле. Крышу произвольно не переделывать. И никаких современных пристроек.

— Поняла.

— Даже если вам очень захочется, — добавила женщина, посмотрев на неё поверх очков.

— А если очень-очень?

На строгом лице мелькнула улыбка.

— Тогда вам придётся сначала прийти ко мне.

— Я так и думала.

Чиновница протянула ей документы. Аля принялась читать отмеченные места и ставить подписи. За окном кабинета кто-то разговаривал, со стороны площади слышались машины. Нормальное утро нормальных людей, у которых по ночам никто не устраивал подозрительной возни под кроватью.

— Вы планируете жить в доме во время ремонта? — спросила женщина.

— Да.

— Одна?

— Одна.

Чиновница подняла глаза. Пауза вышла чуть длиннее, чем требовалось для обычного разговора.

— Вы уверены?

Аля усмехнулась:

— Мне тридцать восемь. Я не замужем. У меня нет мужа, который уверял бы, что я сошла с ума, и нет детей, которые умоляли бы немедленно всё продать.

Женщина тихо рассмеялась.

— Что ж, аргумент. Полагаю, решение окончательное.

Аля поставила последнюю подпись и вернула ручку. Собеседница сложила листы, выровняла края папки, но убирать её не спешила.

— Только имейте в виду одну деталь.

— Какую?

— Дом очень старый.

— Я заметила.

Улыбка на этот раз не помогла. Чиновница смотрела на папку, прижав к обложке кончики пальцев.

— За время его существования многое менялось.

— В каком смысле?

— Разные владельцы. Разные переделки. Некоторые помещения не использовались десятилетиями.

— Почему?

— По самым разным причинам.

Вот теперь Але стало интересно. До этой минуты она была уверена, что самая страшная тайна дома заключалась в окончательной стоимости ремонта.

— Например?

Женщина сняла очки.

— Некоторые предыдущие владельцы просто... не доводили реставрацию до конца.

— Денег не хватало?

Прямого ответа не последовало.

— Вам лучше заглянуть в муниципальный архив. Там сохранились старые документы.

Аля посмотрела на неё внимательнее.

— Хорошо, загляну.

Она забрала свой экземпляр документов и поднялась.

У двери её снова окликнули:

— Мадам Аля?

— Да?

— Если решите делать ремонт в подвале, обязательно предупредите нас заранее.

— Разумеется.

— Особенно если наткнётесь на старую кладку. Или замурованные помещения.

Аля задержала руку на дверной ручке.

— Замурованные помещения?

Но женщина уже надела очки и придвинула следующую папку.

— Хорошего дня, мадам.

Из кабинета Аля вышла медленно.

Старые документы. Брошенные ремонты. Замурованные помещения. Великолепный набор сведений для человека, который уже заплатил за дом и перенёс туда зубную щётку.

Впрочем, если рассуждать спокойно, ничего невероятного ей не сообщили. Старые здания перестраивали, проходы закладывали, владельцы менялись. Учитывая местную любовь к согласованиям, стоило радоваться, что открывать форточки пока разрешали без письменного заявления.

Архив никуда не денется. Сначала нужно разобраться с рабочими и текущими счетами.

По дороге она заехала в булочную. После утреннего общения с мэрией полагалась компенсация: свежий багет, кофе и два пирожных. Возможно, именно так люди и разорялись на реставрации — просто никто не включал моральную поддержку выпечкой в предварительную смету.

Минут через двадцать Аля свернула к своему участку.

У дома кипела работа. Бригада собирала леса, разгружала инструменты и готовила фасад. Возле входа выстроились вёдра, мешки и свёрнутые защитные полотнища. Проход к двери оставили ровно такой ширины, чтобы хозяйка могла проникнуть в собственные владения боком, прижав к груди завтрак.

— Доброе утро! — крикнули из коридора.

— Доброе!

Она пристроила пакет на относительно чистом столе и едва успела снять куртку, как к ней подошли прораб и архитектор. Вместе они сверились с чертежами и счетами, уточнили порядок работ. Аля передала бумаги из мэрии. Всё было согласовано, можно продолжать.

Шум здесь действовал неожиданно успокаивающе. Переклички рабочих, стук металла, шаги — у каждого звука имелась причина и человек, которому при необходимости можно было высказать претензии.

Ночью с этим возникали некоторые затруднения.

Аля ушла в ванную смыть с рук пыль. Уже на выходе краем глаза заметила движение в коридоре: что-то тёмное метнулось от одной двери к другой.

Кошка.

Она сделала шаг и остановилась.

Какая ещё кошка? Из домашних животных у неё был только хомяк-предатель, и тот для такого забега должен был сначала вырасти раз в двадцать.

Аля выглянула в коридор. В дальнем конце двое рабочих несли стремянку. Между дверями никто не двигался.

— Показалось, — сказала она себе под нос.

Свет, тени, люди ходят туда-сюда. После такой ночи мозг мог дорисовать и кошку, и небольшого пони. Главное — не начинать кормить видения.

Вернувшись в спальню, она перенесла клетку хомяка на кухню, подальше от участка, где сегодня должны были шуметь. Выбрала устойчивое место, проверила воду и корм. Зверёк высунул нос из домика, обнюхал воздух и ушёл обратно.

— Да, переезд. Жалобную книгу выдаём по пятницам.

Хомяк зашуршал подстилкой. Хозяйке оставалось надеяться, что новую прописку он одобрил.

Остаток дня Аля провела за ноутбуком, отвлекаясь на вопросы рабочих. Удалённая работа никуда не исчезла из-за приобретения старинной недвижимости. За дом нужно было платить, ремонт требовал денег, а заказчиков мало интересовало, насколько живописно осыпается у неё штукатурка.

К вечеру глаза резало от экрана. Последний мастер ушёл, инструменты затихли, и тишину Аля встретила почти с благодарностью. Она заперла дверь, наспех поела и решила лечь пораньше.

Сегодня — без чтения. Без размышлений о подвале. И желательно без ночных гостей.

Едва голова коснулась подушки, усталость взяла своё.

На этот раз ей снился мужчина.

Незнакомец, но во сне его близость казалась естественной. Между ними возникло горячее, лишающее рассудка напряжение. Аля ощущала его тяжесть над собой. Когда его напряжённая плоть прижалась к тонкой ткани её трусиков, желание захлестнуло её, и она сама начала умолять его не медлить и наконец войти в неё.

В эту секунду сон оборвался.

Аля открыла глаза.

Ощущение чужого веса исчезало слишком медленно. Матрас прогнулся сбоку, у самого края, словно мужчина соскользнул с неё и собирался встать.

Она не успела даже приподняться, когда в окно резко ударили.

От стука Аля вздрогнула всем телом.

Ветка. Наверняка ветка задела стекло.

Только возле окна спальни не росло ни одного дерева.

До окна на втором этаже никакая ветка не дотягивалась.

Значит, ветер. Что-нибудь сорвало порывом, ударило в стекло.

Аля затаила дыхание, ожидая нового стука, гула снаружи, хотя бы дребезжания ставней. Но за окном было тихо. Ветер не завывал. Дождь не шёл.

Она села и прижала одеяло к груди.

Вчера матрас тоже качнулся после пробуждения.

Вчера она нашла этому объяснение.

Аля медленно перевела взгляд на занавески. Подойти, раздвинуть, посмотреть вниз — всё это представлялось разумным и совершенно невыполнимым. Голые ступни уже мёрзли под одеялом, хотя она даже не высунула их наружу.

Руку к выключателю пришлось протянуть с усилием. Когда загорелась лампа, собственная спальня стала узнаваемой, но спокойнее не стало.

— Прекрасно, — прошептала она. — Просто прекрасно.

Несколько минут Аля просидела неподвижно. Следила за тканью у окна, вслушивалась в дом и старалась дышать тише, словно шум собственного дыхания мог помешать услышать что-то необходимое.

Ничего больше не произошло.

Постепенно затекла спина. Сердце перестало колотиться с такой силой, и на место первого ужаса пришла тяжёлая усталость. В голове путались мысли о ремонте, недосыпе, случайном стуке. Каждая версия казалась достаточно правдоподобной ровно до того момента, пока Аля не вспоминала чужой вес на матрасе.

Объяснения она не нашла. Просто больше не могла сидеть.

Она легла, оставив свет включённым, и повернулась лицом к двери. Ещё немного послушает. Не станет засыпать сразу. Если звук повторится, тогда...

Мысль осталась незаконченной.

Утром первым делом Аля отправилась в ванную.

Хотелось смыть с себя эту ночь. Постояв под горячими струями, она понемногу пришла в себя: перестала вздрагивать от каждого звука, смогла думать о предстоящем дне. Внизу уже начиналась работа. Кто-то громко поздоровался с напарником, ударил инструментом по металлу, включил воду.

Люди. Хорошо.

Аля завернулась в полотенце и подошла к зеркалу. Провела ладонью по запотевшему стеклу, освобождая место для отражения.

За её плечом мелькнула тёмная фигура.

Она резко обернулась, едва не поскользнувшись.

— Да что это, блядь, такое?!

Ванная была пуста. Дверь открыта, за ней виднелся освещённый утренним солнцем коридор. Ни шагов, ни движения.

Аля так и осталась стоять, прижимая к груди полотенце.

На этот раз она видела слишком отчётливо. Не могла бы описать лицо или одежду, но кто-то стоял непосредственно за ней — достаточно близко, чтобы коснуться плеча.

— Да ну нахрен...

Она медленно повернулась обратно. В зеркале на неё смотрела испуганная женщина с мокрыми волосами и побелевшими губами.

Совсем недавно эта женщина считала себя разумным человеком. Покупала недвижимость, сравнивала предложения, разговаривала с архитектором. Теперь стояла в собственной ванной и боялась моргнуть, чтобы не пропустить чужое отражение.

— Пошло оно всё к чёрту.

И тут вспомнилась бабушка.

Если привиделось что-то нехорошее, не сжимайся. Не стой, трясясь, и не жди, чего оно от тебя захочет. Пошли его к чёрту, громко, от души. Пока не боишься — ничего с тобой не случится.

Когда-то Аля смеялась над такими наставлениями. Сейчас они показались гораздо полезнее всех её ночных рассуждений о переутомлении.

Она расправила плечи и посмотрела в зеркало.

— Ну и пошёл ты к чёрту!

На этот раз получилось громко.

Внизу продолжали работать. Ничего не разбилось, стекло не треснуло, из пустого коридора не донеслось ни слова. Но Але стало немного легче. По крайней мере, собственный голос ей подчинялся.

Она подтянула полотенце и ещё раз оглянулась на дверь.

Во всю эту чертовщину Аля, конечно, не верила.

Почти.

Глава 2. Посторонние

Одевшись, Аля решила осмотреть верхний этаж.

Нужно было занять руки и голову чем-нибудь понятным. Проверить комнаты, разобраться, куда рабочие сложили оставшиеся после переезда коробки, посмотреть на чердак. Если ходить по собственному дому, боясь каждого поворота, вскоре придётся поселиться на кухне вместе с хомяком. И ещё неизвестно, согласится ли тот потесниться.

Она затянула волосы резинкой, сунула телефон в карман и вышла из спальни.

Внизу разговаривали мастера. До неё долетали обрывки фраз, короткий смех, звяканье инструментов. Всё это успокаивало. Дом не был пустым, и сама Аля вполне могла осмотреть своё имущество при дневном свете, не прибегая к услугам экзорциста.

В конце коридора начинался короткий лестничный пролёт. Наверху, под скатом крыши, находилась тяжёлая деревянная дверь на чердак.

Аля поднялась, уже протянула руку к ручке — и замерла.

За дверью разговаривали.

Нет, ругались.

Мужчина и женщина. Она говорила быстро, резко, то повышая голос почти до визга, то переходя на шипящий шёпот. Он отвечал реже, но после каждой его реплики женщина словно заводилась заново.

Аля нахмурилась.

Может, кто-то из бригады поднялся наверх? Но женских голосов сегодня внизу она не слышала. Да и на чердаке пока не собирались ничего делать.

Она приложила ухо к прохладному дереву.

— ...ты не имел права!

— Я? Да это ты...

Дальше разобрать не удалось. Французские слова перемешались с незнакомыми, потом среди ругани прозвучало совершенно отчётливое русское выражение. Аля даже отстранилась от двери, будто так могла лучше расслышать.

Следующая фраза вообще ни на что знакомое не походила. Резкие, отрывистые звуки, длинное слово со множеством согласных. Так мог бы ругаться человек, которому подсунули средневековый молитвенник вместо инструкции по сборке шкафа.

Латынь, что ли? Они там изгоняют друг друга на скорость?

Женщина снова повысила голос. Мужчина ответил низко и так резко, что Аля почувствовала вибрацию дерева у щеки.

Она отступила на полшага.

Потом посмотрела на собственную руку, всё ещё зависшую над дверной ручкой, и разозлилась.

Вообще-то это её дом. Купленный за её деньги. Внизу работают нанятые ею люди, на кухне лежат счета, от которых хочется тихонько выть, а здесь неизвестная парочка устроила семейный скандал сразу на нескольких языках. И хозяйка почему-то должна стоять снаружи и дожидаться окончания представления.

Какого чёрта?

Аля схватилась за ручку и резко потянула дверь на себя.

— Вы вообще ошалели тут?!

Последнее слово прозвучало уже в тишине.

Чердак был пуст.

Над головой уходили под крышу толстые потемневшие балки. Солнечный свет проникал через небольшое окно, высвечивая пыль. Вдоль стены стояли старые коробки, рядом лежали

доски. В углу свисала паутина, настолько нетронутая, что даже паук, вероятно, покинул недвижимость задолго до смены владельца.

Ни мужчины. Ни женщины.

Аля не сразу вошла. Продолжала держаться за ручку, медленно переводя взгляд с одного угла на другой.

Она ведь слышала слова.

— Очень смешно, — сказала она.

И осторожно заглянула за дверь.

Там тоже никого не оказалось.

Она переступила порог, обошла коробки, посмотрела за прислонённые к стене доски. Ни спрятаться, ни проскользнуть мимо неё двое взрослых людей не могли. Дверь была одна, окно слишком маленькое и закрытое. Даже если представить, что кто-то успел вылезти через него, зачем понадобилось устраивать такие фокусы ради посторонней женщины?

Аля остановилась посреди чердака.

Эхо с улицы. Наверное, разговор донёсся откуда-то снизу, по старым перекрытиям. Старинные дома иногда странно разносят звук. Она слышала о таком.

Правда, почему это замечательное эхо оборвалось ровно в тот момент, когда она открыла дверь, объяснить было труднее.

— Да ну нахрен...

Снизу донёсся стук. Кто-то из рабочих окликнул товарища. Этот голос звучал совершенно иначе — далеко, глухо, через потолок.

Она потёрла ладонью лоб и оглянулась на выход. До лестницы всего несколько шагов. Можно спуститься, налить кофе и больше сегодня сюда не заглядывать. Прекрасный план для женщины, которая только что собиралась доказать себе, что не боится собственного имущества.

Аля сердито выдохнула.

— Если вы ещё здесь — валите нахрен отсюда!

К кому она обращалась, следовало выяснять отдельно. К незванным гостям, к призракам или к собственному разуму, который решил уволиться без предупреждения.

Ответа не было.

Она почти успела почувствовать облегчение, когда над головой зашептали.

Аля подняла глаза.

Звук шёл из-под самого ската крыши. Потом ей показалось, что от стены слева. Мужской голос перебивал женский, тот отвечал быстро, раздражённо. Слов уже не разобрать, но слышать, что это разговор, Аля могла совершенно ясно.

Она медленно повернулась.

Шёпот переместился вместе с ней — или ей так показалось. Ни одной точки, на которую можно было уверенно указать пальцем. Будто эти двое стояли рядом и одновременно оставались во всём помещении.

— Вы... вы серьёзно сейчас?

Никакой реакции.

Они продолжали спорить с таким увлечением, словно Аля зашла в чужую гостиную без приглашения и теперь мешала хозяевам выяснять отношения.

Этого она уже не выдержала.

— Эй, любители интриг, хватит шептаться! Я вообще-то всё слышу!

Тишина наступила сразу.

Так резко, что у неё заложило уши.

Аля замерла с поднятой головой. Горячая злость ещё держала её на месте, но где-то под рёбрами уже стянулось от очень нехорошей мысли: они замолчали, потому что услышали её.

— Вот именно, — сказала она, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Вы где спрятались, а? Вылезайте. И валите из моего дома со своими семейными драмами. Я сейчас жандармерию вызову, вас отсюда быстро выселят!

Она сунула руку в карман и нащупала телефон. От прохладного корпуса стало немного спокойнее.

Правда, что именно она собиралась сообщить дежурному?

Здравствуйте, у меня на чердаке двое невидимых граждан. Документы не предъявляют, на замечания не реагируют. Прошу прислать наряд и, если можно, кого-нибудь с кадилом.

Аля нервно усмехнулась.

Прямо возле её уха женщина прошептала несколько незнакомых слов.

Тихо, мягко. Почти доверительно.

Аля отшатнулась и развернулась так резко, что заболела шея.

За спиной никого не было.

Она прижала ладонь к уху, потом опустила её. Не могла отделаться от ощущения, что собеседница только что стояла вплотную и наклонилась, чтобы сообщить ей какой-то маленький секрет.

Самым страшным оказался даже не голос. То, насколько непринуждённо он прозвучал.

Аля отступила к двери. Один шаг, второй. Продолжала смотреть на пустое место возле балки, где, как ей казалось, должна была стоять женщина.

— Всё, Алька. Финита ля комедия. Тебе просто пора лечить нервы и высыпаться.

У порога она задержалась и добавила в пустоту:

— И вам тоже. Кем бы вы там, блядь, ни были.

Никто не ответил.

Она прикрыла дверь осторожно, почти бесшумно. Почему-то хлопнуть ею сейчас не решилась. Встала перед старым деревом, разглядывая тёмные полосы вокруг замочной скважины. Обычная дверь. Ни кривого лица в сучках, ни зловещего свечения.

Даже письменных извинений за испорченное утро не предлагалось.

— Прекрасно. Замечательно.

На середине лестницы Аля остановилась и обернулась.

Чердачная дверь оставалась закрытой.

Из-за неё не доносилось ни звука, но теперь тишина ничего не доказывала.

— Господи, да что со мной происходит...

Она сбежала на первый этаж и едва не столкнулась с рабочим, нёсшим свёрнутую плёнку. Отступила к стене, пробормотала извинение. Мужчина спокойно кивнул и прошёл дальше.

Пахло древесиной, влажной штукатуркой и кофе. Чьи-то обычные, совершенно материальные ботинки оставили на полу пыльные следы. Аля посмотрела на них с такой благодарностью, будто это было лучшее, что она видела за последние дни.

На кухне она включила чайник и упёрлась ладонями в столешницу.

Только здесь заметила, как сильно сжимала плечи. Шея болела. Пальцы, когда она потянулась за кружкой, дрожали.

Из клетки донеслось шуршание.

— Не начинай, — попросила она хомяка. — Хотя бы ты сегодня води себя как нормальное животное.

Зверёк занялся подстилкой. Отчёта о потусторонних явлениях не потребовал, и на том спасибо.

Аля налила воду в кружку, подождала, пока перестанет дрожать поверхность, и сделала осторожный глоток.

Вчерашняя чиновница советовала архив. Что там хранилось: старые планы, история переделок, имена владельцев? Теперь рекомендация уже не казалась праздным разговором. Если в этом доме что-то не так, лучше узнать об этом по документам, а не из шёпота над ухом.

Она достала телефон и записала коротко: «Архив. История дома. Старые планы».

Несколько обычных слов на экране немного привели мысли в порядок. У неё появилось дело, которое можно выполнить днём, среди людей.

Аля посмотрела в сторону коридора.

— Так. Спокойно. Никаких призраков. И никаких психушек.

Помолчала и добавила:

— По крайней мере, до вечера.

День пришлось прожить почти как обычный. Ответить на сообщения, открыть рабочие файлы, дважды обсудить с прорабом то, что они, казалось бы, уже обсудили накануне. Аля ловила себя на том, что следит за лестницей, и сердито возвращалась к ноутбуку.

Наверх она больше не поднималась.

Пока в доме оставались рабочие, это можно было считать удачным распределением времени. Когда они начали собирать инструменты, объяснение перестало работать.

Аля проводила последнего мастера до двери и почему-то задержалась на пороге. Смотрела, как он спускается к машине, убирает вещи, захлопывает багажник. Совсем не хотелось, чтобы шум двигателя затих за поворотом.

— До завтра, мадам!

— До завтра.

Она заперла дверь и постояла, держась за засов.

Дом быстро затихал. Больше никто не переключался, не ходил по коридору, не двигал стремянку. Аля вдруг поняла, насколько привыкла за день к чужим шагам.

— Ну вот. Теперь мы снова одни.

Собственный голос прозвучал в прихожей слишком отчётливо. Она покосилась на лестницу и немедленно уточнила:

— В смысле — я и хомяк.

На кухне зашуршала подстилка.

— Да-да, именно ты, мой пушистый соучастник.

Очень удобно. У одного совладельца дома юридическая ответственность, счета и нервное расстройство. У второго — опилки, корм и полная уверенность, что мир ему что-то должен.

Аля включила свет на кухне и достала из пакета кусок багета. Хотелось поесть, смыть с себя строительную пыль и лечь. Желательно проснуться уже в доме, где закончили ремонт и выселили всех, кого не было в договоре купли-продажи.

Телефон зазвонил, когда она тянулась за ножом.

На экране появилось имя Лины.

— О, как раз вовремя.

Аля ответила и включила громкую связь.

— Ну что, новоиспечённая владелица французского замка? — раздался знакомый голос.

— Ты там ещё жива?

— Пока в сознании.

— А твои новые владения?

Аля оглядела кухню, задержала взгляд на облупившейся стене.

— Тоже держатся.

— И как тебе жизнь во французской провинции?

— Полный восторг. Вчера был поединок с местной бюрократией, сегодня — осада стройбригады. А прямо сейчас я собираюсь беспощадно расправиться с багетом.

Лина рассмеялась.

— Скажи честно, ты ещё не пожалела, что купила эту историческую развалину?

— Попрошу! Это не развалина.

Аля подобрала с края столешницы маленький кусочек осыпавшейся штукатурки и бросила в мусор.

— Это аутентичная недвижимость с колоссальным потенциалом.

— Ага. И сколько тысяч евро уже ухнуло в твой потенциал?

— Так, давай без провокаций.

— Я просто проявляю дружескую заботу.

— А я — дружеский иммунитет к твоим подколам.

Они засмеялись одновременно, и напряжение в плечах наконец немного ослабло. Аля налила кофе, отодвинула бумаги и села за стол.

— Кстати, — спросила Лина уже мягче, — ты там совсем одна ночуешь?

— Ну да.

— И тебе не жутко?

Аля посмотрела на дверной проём.

Перед глазами вдруг с неприятной ясностью возникла пустая комната под крышей. Потом зеркало. Потом тёмное окно спальни, в которое кто-то ударил посреди ночи.

— Да нет. Всё в порядке.

Пауза получилась слишком длинной, а ответ слишком быстрым. Лина, конечно, заметила.

— Точно?

— Абсолютно.

— Аль, у тебя голос изменился. Что случилось?

Она могла бы рассказать.

Взять и сказать: в доме кто-то разговаривает. Днём. Рядом со мной. Только я никого не вижу. И ещё по ночам на моей кровати кто-то сидит.

Аля посмотрела на своё отражение в тёмном экране ноутбука. Представила тишину на другом конце связи, осторожные вопросы о сне и работе, совет немедленно куда-нибудь уехать.

Лина бы испугалась. По-настоящему. И тогда пришлось бы объяснять, почему сама Аля всё ещё сидит здесь с кофе и багетом.

— Ничего не случилось, — ответила она. — Просто дом старый. Дерево усыхает, всё подряд скрипит и вздыхает.

— Ну-ну. Смотри, чтобы ночью призраки прежних хозяев не пожаловали.

— Если придут, предъявлю счёт за аренду и всучу ведро со шпаклёвкой. А то жить они здесь любят, а реставрировать должна я.

Лина снова рассмеялась.

Аля улыбнулась, но от лестницы глаз не отвела.

— Ты хоть высыпаться успеваешь?

— С переменным успехом. Зато кофе здесь хороший.

— Кофе не считается.

— А пирожное?

— Алька.

— Всё, поняла. Ем, сплю, не разговариваю с подозрительными покойниками. Буду образцовой домовладелицей.

Разговор постепенно ушёл к обычным новостям. Лина рассказывала о знакомых, жаловалась на какие-то мелочи, спрашивала о планах. Аля отвечала, иногда смеялась, отламывала багет. Голос подруги заполнял кухню, и дом больше не казался таким пустым.

Она даже перестала считать звуки за дверью.

Когда они попрощались, за окнами уже стемнело. Экран телефона погас. Тишина вернулась сразу, будто всё это время ждала близости.

Аля отправила чашку в раковину, проверила входную дверь, включила свет в прихожей и поднялась наверх.

До спальни оставалось несколько шагов, когда сверху донёлся смех.

Она остановилась.

Женский. Тихий, мягкий, с ленивыми переливами. Такой же голос прозвучал утром возле её уха.

Аля медленно подняла голову к чердачной лестнице.

На верхних ступенях лежала тень. Дверь оставалась закрытой.

Смех повторился, теперь чуть громче, словно женщину развеселило что-то особенно удачное.

— Нет, — прошептала Аля. — Нет-нет-нет.

Руки похолодели. Ей хотелось вернуться на кухню, позвонить Лине снова и разговаривать до утра. Но телефон лежал в кармане, до спальни было ближе, а подниматься к этой двери она больше не собиралась.

— Сегодня я туда не пойду. И точка. Мне вообще по барабану, кто там устроил вечеринку.

Заявление вышло довольно убедительным. Жаль, предназначалось оно главным образом ей самой.

Аля повернулась к спальне и сделала два шага.

Мужчина что-то сказал.

Низкий голос, который она слышала утром, прозвучал приглушённо, но достаточно близко, чтобы ноги сами остановились. Женщина ответила. Слова снова ускользнули, хотя интонацию Аля разобрала: недовольство, короткое возражение.

Потом мужчина произнёс на чистом русском:

— Она нас слышит.

Аля перестала дышать.

Это прозвучало спокойно. Без удивления, без насмешки. Как замечание человека, обнаружившего незапертую дверь.

Через секунду женщина спросила:

— Почему?

Вот она удивилась.

Аля стояла посреди коридора и смотрела на светлую полосу у порога своей спальни. Ещё шаг — и можно войти. Закрыть дверь. Повернуть ключ.

Аля рванулась в спальню, захлопнула дверь и до упора повернула ключ.

Пальцы соскальзывали. Она стиснула маленькую металлическую головку обеими руками, зачем-то попробовала повернуть ещё раз и лишь потом поняла, что замок уже закрыт.

За дверью было тихо.

Она отступила, не сводя глаз с ручки.

От кого, собственно, запиралась? От женщины, которая разговаривала у неё над ухом, оставаясь невидимой? От мужчины, способного исчезнуть из пустого чердака? Очень своевременные вопросы. Особенно после двух ночей, когда матрас прогибался без всякого уважения к законам физики.

— Заткнись, — сказала Аля собственным мыслям.

Лампа осветила край постели. Она залезла под одеяло, положила телефон рядом с подушкой и открыла переписку с Линой.

Последние обычные сообщения выглядели почти издевательски. Там были планы, бытовые мелочи, смешные ответы. Ни одного слова, с которого можно было бы безболезненно перейти к невидимым жильцам.

Аля набрала: «Ты ещё не спишь?»

Посмотрела на строку и стёрла.

Лина предложит уехать, переночевать в другом месте. Но тогда нужно будет встать, открыть дверь и пройти через коридор под тем самым чердаком.

Аля посмотрела на замок.

До утра. Дождаться утра, а там решать.

Она положила телефон экраном вниз и подтянула одеяло. Ноги никак не согревались.

Спать не хотелось. Она вслушивалась в тишину, пыталась отделить обычные звуки дома от тех, которым не могла найти объяснения. Скрипнуло дерево. Снаружи проехала машина. Где-то внизу щёлкнуло — наверное, на кухне.

Никаких голосов.

Долгое время она лежала при включённой лампе. Потом глаза устали от света, и она погасила её, оставив шторы чуть раздвинутыми. Комнату освещал слабый отблеск с улицы. Можно было различить и дверь, и стул, и собственную руку на одеяле.

Она не заметила, когда ожидание начало превращаться в дремоту. Мысли ходили по одному кругу, теряли связность. На секунду ей показалось, что снова слышит голос Лины, потом она поняла: вспоминает разговор.

Ещё немного. Не засыпать. Просто полежать с закрытыми глазами.

Пружины кровати скрипнули.

По матрасу прошла ощутимая волна.

Кто-то взобрался на постель.

Аля распахнула глаза.

Над ней возвышался мужчина.

Широкие плечи заслоняли слабый свет. Лицо оставалось в темноте, но она различила жёсткий очерк челюсти и глаза, смотревшие прямо на неё.

Он был слишком близко.

Аля открыла рот, собираясь закричать, но вдох застрял где-то в груди.

Силуэт исчез.

Не отступил к двери, не скользнул за занавеску — растаял на том месте, где только что находился. Ещё мгновение назад Аля видела плечи, голову, склонённую над ней фигуру, а теперь смотрела сквозь пустое пространство на шкаф.

Она ударила по выключателю.

Лампа загорелась.

Никого.

Аля отпрянула к изголовью, вжалась спиной в стену и подтянула колени к груди.

— Кто здесь?!

Голос прозвучал хрипло. Горло пересохло так, что стало больно глотать.

Она обвела взглядом комнату. Дверь заперта. Ключ торчит в замке. Шторы не шевелятся. На стуле лежит та же одежда, которую она оставила вечером.

— Это вы? — спросила Аля громче. — Вы с чердака? Это вы там были?

Никто не ответил.

Она помнила его глаза. Не цвет, не подробности лица — сам взгляд. Он смотрел на неё, и в этом не было ничего случайного.

Но, может быть, она всё-таки успела заснуть?

Аля зажмурилась, прижала ладони к коленям. Нужно вдохнуть медленно. Выдохнуть. Перестать хватать воздух так, будто в комнате его больше не осталось.

Кошмар на границе сна. Она слышала, что такое бывает. Человек просыпается и ещё некоторое время видит то, что ему снилось.

В таком случае утренний чердак тоже следовало включить в продолжение кошмара. Заодно весь день, ремонт и Лину.

Справа, возле самого уха, прошелестел женский голос:

— Ты слишком поспешил...

Аля замерла с закрытыми глазами.

Пауза.

— Слишком рано ты к ней подошёл.

Слова были произнесены почти ласково. С лёгким вздохом, словно женщина поправляла нетерпеливого собеседника, испортившего тщательно подготовленное дело.

Аля медленно повернула голову.

Пусто.

Только стена, подушка и свет лампы на одеяле.

Если её крыша и уехала, то, по крайней мере, не в одиночку. С попутчиками обоих полов. Усмешка не получилась.

Аля потянулась к телефону, намереваясь хотя бы посмотреть на время, и вдруг почувствовала, что рука стала тяжёлой.

Сон навалился сразу.

Не та усталость, с которой она боролась несколько минут назад. Тогда можно было пошевелиться, открыть глаза шире, повернуться на другой бок. Теперь веки словно склеивались. Мысль о телефоне уходила куда-то вдаль, хотя он лежал совсем рядом.

Нет. Только не сейчас.

Она попробовала сесть ровнее, оторвать спину от стены. Не смогла. Пальцы сжали край простыни и разжались.

Аля понимала, что должна испугаться ещё сильнее. В комнате только что говорил невидимый человек, а она засыпает. Это неправильно. Нужно встать, включить верхний свет, позвонить...

Она уже не помнила, кому собиралась звонить.

Лампа расплылась в жёлтое пятно. Комната исчезла.

На этот раз Але снилась женщина.

Она никогда не видела подобной красоты. Брюнетка с точёными чертами лица, длинными тёмными волосами, тяжёлыми волнами спадавшими на плечи. Тонкая талия, высокая грудь, плавный изгиб бёдер — Аля смотрела на неё, не в силах отвести взгляд.

Женщина стояла рядом. В её облике было что-то опасно притягательное. Аля ещё пыталась вспомнить, почему должна бояться, но страх отступал, уступая место оцепенению.

Незнакомка сделала шаг.

Аля не шелохнулась.

Остановившись вплотную, женщина внимательно посмотрела ей в глаза, словно читала открытую книгу. Затем наклонилась и накрыла её губы своими.

Поцелуй был глубоким, полным необузданной страсти. Аля подалась навстречу и ответила, сама не понимая почему.

Мысли исчезли. Сопротивляться этой завораживающей магии не хотелось. Напротив, хотелось, чтобы всё продолжалось.

Женщина придвинулась ещё ближе. Её руки легли Але на плечи, затем скользнули ниже. От прохладных пальцев по коже разбежались мурашки. Аля смотрела в тёмные глаза и теряла границу между сном и реальностью. Где она находится, уже почти не имело значения.

Незнакомка улыбнулась — мягко, ласково, хотя в улыбке оставалось что-то хищное.

Когда её губы снова коснулись губ Али, та обвила руками её шею и притянула к себе. Всё происходило так естественно, будто они были знакомы вечность.

Женщина отстранилась на мгновение, провела пальцами по её щеке и прошептала:

— Ты такая красивая, когда перестаёшь бояться...

Аля хотела спросить, кто она. Почему приходит в её сны и что происходит в доме. Но вопросы исчезли, когда ладони незнакомки скользнули ниже, увлекая её за собой.

Прикосновения стали откровеннее. Женщина опустилась ниже, и, когда её губы и горячий влажный язык коснулись самого чувствительного места, Алю захлестнуло наслаждение. Каждое движение языка по клитору было точным, доводящим до безумия. Напряжение нарастало, дыхание перехватило, пальцы впились в простыню.

Оргазм накрыл её резкой волной, заставив всё тело затрепетать.

Аля проснулась от собственного стога.

Несколько секунд лежала неподвижно. Потом открыла глаза и увидела знакомый потолок. В спальню проникал утренний свет. Прикроватная лампа всё ещё горела.

Она выключила её и закрыла лицо ладонями.

— Ну всё с тобой понятно, Аля...

Тело помнило сон с такой ясностью, что смущение пришло раньше страха. Она перевернулась на спину и уставилась в потолок, пытаясь собрать мысли в хоть сколько-нибудь приличном порядке.

Безуспешно.

Похоже, организм решил устроить забастовку. Достаточно смет, согласований и хозяйственных подвигов. Она живая женщина, а не пожизненный прораб при историческом памятнике.

Секса у неё не было давно. Очень давно.

Пожалуй, стоило хотя бы иногда выходить из дома не в мэрию и не за очередной папкой документов.

Мужчина. Обычный, реальный, симпатичный мужчина. Тот, с кем можно выпить кофе, поговорить и убедиться, что он не исчезает при включении лампы.

Последняя мысль неприятно вернула её к ночи.

Ключ всё ещё торчал в замке.

Аля посмотрела на дверь и потянула одеяло выше.

Красивый сон не объяснял мужскую фигуру возле кровати. И уж тем более женские слова, сказанные, когда свет был включён. Она помнила, как сидела у стены. Помнила холод за спиной, колени, прижатые к груди, собственный вопрос.

«Слишком рано ты к ней подошёл».

К ней.

Снова говорили о ней так, будто она не могла вмешаться в разговор. Будто им достаточно обсудить всё между собой.

Аля села и спустила ноги на пол. При солнечном свете сделать это оказалось несложно. Тапочки стояли на месте, под кроватью ничего не шуршало.

Она выдохнула.

Личная жизнь сама собой, а домом всё равно придётся заняться. Нельзя бесконечно объяснять одни события недосыпом, а другие — слишком долгим воздержанием. Даже у удобных объяснений должен быть предел.

— Алька, тебе тридцать восемь, а не сто восемь, — пробормотала она с кривой усмешкой. — Может, завяжем с монашеским постригом?

И тут в руке отозвалась боль.

Несильная, но отчётливая. Несколько коротких пульсирующих толчков.

Аля нахмурилась и подняла ладонь.

Большой палец.

Тот самый, за который её укусили в первую ночь.

Она поднесла его к окну, повернула, провела по коже ногтем. Ни следа. Ничего, что могло бы объяснить боль.

Но палец продолжал ныть.

Глава 3. Живой мужчина

Из дома нужно было выйти.

Аля поняла это, когда в третий раз повернула большой палец к свету, пытаясь найти на коже след укуса. Следа не было. Боль понемногу стихала.

Ещё немного — и она проведёт всё утро, разглядывая собственную руку. Прекрасное занятие для взрослой женщины. Особенно когда в соседней комнате ждёт ноутбук, а внизу — очередные вопросы по ремонту.

Хватит.

Аля быстро оделась, проверила сообщения и отправила несколько ответов, которые не могли ждать. Остальное подождёт. Она не обязана круглосуточно находиться при строительной бригаде в должности хозяйки, кассира и тревожного привидения.

На кухне хомяк деловито перебирал подстилку.

— Остаёшься за старшего, — сообщила ему Аля, проверяя поилку. — Недвижимость не продавать. Посторонних не впускать. Хотя с последним у нас уже имеются сложности.

Зверёк нырнул в домик, предоставив ей самостоятельно разбираться с кадровой политикой.

Аля взяла сумку и вышла.

Воздух на улице показался особенно свежим. Она задержалась у машины, подставила лицо солнцу и только теперь заметила, что всё утро дышала вполсилы. Словно боялась вместе с воздухом впустить в себя что-то ещё.

Во дворе разговаривали рабочие. Один придерживал длинную доску, другой что-то объяснял, указывая на фасад.

Аля поздоровалась, сказала, что вернётся позже, и села за руль.

Ей хотелось кофе в месте, где его готовит незнакомый человек. Хотелось слышать чужие разговоры, не сомневаясь, существуют ли собеседники. Смотреть на лица, двигаться среди людей, хотя бы на несколько часов перестать быть женщиной из дома с говорящим чердаком.

Через полчаса она уже сидела в небольшом кафе в историческом центре.

Выбрала столик у широкого окна: отсюда было видно улицу, витрину соседнего магазина и людей, которые торопились по своим делам. Официантка принесла эспрессо и пирожное с ягодами.

Пирожное Аля покупать не собиралась.

Она вообще планировала вести себя разумно: кофе, небольшая прогулка, возвращение к работе. Но в витрине стояло маленькое произведение кондитерского искусства, и пройти мимо после пережитой ночи было бы жестоко по отношению к себе.

Пусть совесть занимается чем-нибудь полезным. Например, ищет мастера, который не увеличивает смету при каждом визите.

Аля подцепила вилкой край пирожного. Тот не поддался. Пришлось придержать тарелку и надавить сильнее, одновременно стараясь выглядеть женщиной, которая умеет изящно завтракать во французских кафе.

— Простите, здесь свободно?

Она подняла голову.

Перед столиком стоял мужчина лет сорока. Высокий, подтянутый, с тёмными волосами и аккуратной щетиной. В руке держал чашку, на губах — открытую, чуть вопросительную улыбку.

Аля посмотрела на свободный стул напротив. Потом снова на мужчину.

— Свободно. Если вас не пугает моё соседство.

— Пока нет.

— Вы рано делаете выводы.

Он улыбнулся шире.

— Тогда рискну и проверю.

Аля кивнула, и он сел. Не попытался немедленно завладеть разговором, не представился человеком, способным решить все её проблемы. Просто поставил чашку и дал ей закончить поединок с десертом.

Это понравилось.

Некоторое время они молчали. Мужчина смотрел в окно, Аля пила кофе. Их взгляды встретились раз, другой. На третий он улыбнулся уже совершенно откровенно, и она не удержалась от ответной улыбки.

— Вы здесь путешествуете? — спросил он.

— Нет. Недавно купила дом.

— Серьёзно?

— К сожалению для моей нервной системы.

Он рассмеялся.

— Почему к сожалению?

— Вы просто не видели его до начала реставрации.

— А сейчас?

— А сейчас я надеюсь дожить до момента, когда увижу его после.

— Значит, пока вы на стадии надежды?

— Надежды, счетов и лёгкого желания придушить кого-нибудь рулеткой.

Мужчина с притворной осторожностью посмотрел на её сумку.

— Рулетка с собой?

— Сегодня нет. Так что можете продолжать пить кофе спокойно.

Его звали Жюльен. Он жил в двух кварталах и часто заходил сюда по утрам. Аля представлялась, рассказала немного о доме, пожаловалась на бесконечные согласования. Жюльен слушал, иногда задавал вопросы, но не пытался объяснить, какую глупость она совершила и как следовало поступить на её месте.

Редкое качество. Уже за него полагалась вторая чашка кофе.

Беседа пошла сама собой. Оказалось, что не всякое молчание нужно срочно заполнять, не каждую фразу — обдумывать заранее. Аля смотрела на его руки, на то, как он слегка наклоняет голову, когда слушает, и ловила себя на простом удовольствии от чужого внимания.

Ей было хорошо.

Рядом сидел мужчина, который ей нравился.

Очень нравился.

Ночной сон всплыл в памяти некстати — лицо незнакомки, её тёмные глаза, собственное пробуждение. Аля отвела взгляд к чашке и мысленно покачала головой.

Судя по всему, организм окончательно отказался от монашеского образа жизни. Причём согласовать реформу с хозяйкой даже не потрудился.

Сегодня она, пожалуй, была не против.

Когда они вышли из кафе, никто не поспешил попрощаться. Жюльен придержал дверь, Аля остановилась на солнце и поправила сумку на плече.

— Если у вас есть ещё немного времени, я мог бы кое-что показать, — предложил он.

Она приподняла бровь.

— Что именно?

— Вы здесь недавно. Наверняка ходили только по самым очевидным маршрутам.

— Вы предлагаете экскурсию по секретному городу?

— Именно.

— И сколько стоит ваше молчание, если я устану через десять минут?

— Ещё один кофе.

— Разумная цена. Тогда я в вашем распоряжении.

Они свернули с центральной улицы в переулок, потом прошли под аркой. За ней оказался тихий двор, который Аля наверняка пропустила бы, даже если бы прожила здесь несколько лет. Между стенами висели верёвки для белья, у двери стояли горшки с цветами. На подоконнике грелся рыжий кот.

Настоящий. Вполне видимый. Аля с неожиданным удовольствием проводила его взглядом, когда он поднял голову и лениво зевнул.

Жюльен показывал ей дома, мимо которых она уже успела несколько раз пройти, ничего о них не зная. Рассказывал с таким увлечением, что она перестала следить за временем.

Иногда он сам останавливался, чтобы рассмотреть старый наличник или надпись над входом, предлагал свернуть, если ей становилось интересно. Аля то и дело задавала вопросы.

— Вот этот почти никто не замечает, — сказал он, остановившись возле приземистого каменного здания в тени плюща.

Аля подняла голову.

— Что в нём особенного?

— Около трёхсот лет. По крайней мере, так здесь рассказывают. Точную дату я не назову.

Он положил ладонь на шершавый камень.

— Здесь был постоянный двор. Торговцы, крестьяне, повозки. Внизу держали лошадей, наверху размещались люди.

Аля рассматривала потемневшую кладку. Когда-то в эти окна смотрел кто-то живой, ждал знакомого экипажа, сердился на шум снизу. Потом люди ушли, сменились другие, третьи, а стена осталась.

— А теперь?

— Теперь почти забытое здание. Пойдём, кое-что ещё сохранилось.

Они обошли дом с торца. Жюльен указал на массивную каменную ёмкость у стены, почти сросшуюся с окружающей кладкой.

— Вот.

— Что это?

— Поилка для лошадей.

Аля присела и провела пальцами по гладкому краю. Камень был прохладным, местами стёртым так, будто его долго полировали. В углублении лежали сухие листья.

— Представляешь, сколько здесь народу прошло? Сколько историй.

— Некоторые, наверное, лучше не знать.

Она подняла на него глаза.

Жюльен улыбался. Обычная шутка, совершенно без задней мысли. Аля заставила себя улыбнуться в ответ.

Не каждый разговор о старом доме обязан иметь отношение к её спальне.

— Ты знаешь историю каждого здания в городе?

Переход на «ты» случился так незаметно, что они оба поняли это только после её вопроса.

— Конечно нет, — рассмеялся он. — Но мне нравится их придумывать.

Аля выпрямилась.

— Так. А поилка хотя бы настоящая?

— Поилка настоящая.

— Уже хорошо. А я-то решила, что встретила серьёзного мужчину.

— Я умею быть серьёзным.

— И когда же?

— Когда это действительно необходимо.

Он сделал шаг ближе, чуть сократив расстояние между ними. Аля заметила это и не отступила.

— Надеюсь, местную историю ты всё-таки не целиком сочинил?

— Не целиком. Но проверять лучше по документам. Устные истории здесь любят улучшать при каждом пересказе.

Аля вспомнила записку в телефоне.

— Мне в мэрии тоже посоветовали архив. Хочу узнать больше о своём доме.

— Из-за ремонта?

Она помедлила.

— И из любопытства. Странное чувство: платишь за здание, а о людях, которые жили в нём до тебя, почти ничего не знаешь.

Жюльен кивнул без попытки немедленно придумать красивую легенду.

— Тогда тебе нужны старые планы и имена владельцев. Я могу показать, куда свернуть к мэрии, но за архивариуса работать не возьмусь.

— То есть с поилки врать перестал?

— Решил беречь репутацию.

Аля рассмеялась. Искренне, легко, без привычного напряжения в груди.

В архив она сходила бы одна, вооружившись папкой и конкретными вопросами. А сейчас хотелось продолжить прогулку. Послушать ещё несколько историй, даже если половина окажется выдумкой. Здесь чужое воображение не пугало.

Они шли мимо домов с заколоченными ставнями, заглядывали в проходы, которые казались тупиками и неожиданно выводили на другую улицу. Жюльен рассказывал о бывших хозяевах, о перестройках, о том, как менялся город. Где знал — говорил уверенно, где начинал сочинять — улыбался так, что Аля уже могла отличить одно от другого.

Она тоже рассказывала о себе: о работе, о покупке дома, о том, как в какой-то момент перестала просто рассматривать объявления и поняла, что действительно хочет этот дом.

— Что тебе в нём понравилось? — спросил Жюльен.

Аля задумалась.

— Наверное, возможность сделать всё по-своему.

— Мэрия уже объяснила, насколько по-своему?

— Подробно. Теперь моя свобода заканчивается там, где начинается исторический фасад.

— Зато внутри хозяйка ты.

Она посмотрела на него и ответила не сразу:

— Именно.

Очень хотелось, чтобы это было правдой.

К середине дня они успели проголодаться. Сели перекусить, потом снова пошли пешком. Аля проверила телефон, ответила на сообщение по работе и убрала его, впервые за последние дни не испытывая желания каждую минуту смотреть на экран.

День перестал распадаться на срочные дела и неприятные ожидания. Он просто шёл. Было солнце, город, мужчина рядом — и этого хватало.

Когда они оказались на маленькой площади, между домами уже лежали длинные тени.

Жюльен посмотрел на часы.

— Ничего себе. Я обещал немного пройтись.

— Я тоже собиралась выйти ненадолго.

— Ты не жалеешь?

Аля покачала головой.

Нет. Жалела она только о том, что прогулка заканчивалась.

Они повернули к центру. Разговор давно перестал быть обменом вежливыми вопросами. Аля ловила его взгляд, смеялась, иногда перебивала, а когда их руки соприкасались на ходу, никто не спешил отодвинуться.

Возле машины Жюльен остановился.

— Спасибо за прекрасную прогулку, Аля.

— Это тебе спасибо. Без твоих бак я бы пропустила половину города.

— Тогда, может быть, как-нибудь продолжим?

Она посмотрела на него снизу вверх.

А с какой стати «как-нибудь»?

Мысль была дерзкой, ясной и вполне взрослой. Ей нравился этот мужчина. Она провела с ним целый день и не устала от его общества. Не хотелось сейчас садиться в машину, возвращаться в пустой дом и считать часы до следующего утра.

Аля представила свою гостиную, бутылку вина, два бокала вместо одного.

И почти сразу — дверь на чердак.

Улыбка на мгновение ослабла.

Можно было попрощаться и договориться о встрече в кафе. Разумно, спокойно. Дом останется отдельно, Жюльен — отдельно. Но признать, что она боится впустить туда человека, означало признать и нечто другое: там действительно есть опасность.

Аля ещё не была готова произнести это даже про себя.

С ним ведь будет иначе. Рядом окажется живой человек. Если она что-то услышит, можно будет спросить, слышит ли он тоже. И не придётся до утра убеждать себя, что за окном стучат несуществующие ветки.

Она понимала, что цепляется за его присутствие. Но хотела его рядом не только поэтому.

— Жюльен...

— Да?

Аля выдержала короткую паузу и улыбнулась:

— У меня дома есть отличная бутылка французского вина. И совершенно плохой штопор.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Это прямое приглашение?

— А ты как думаешь?

— Думаю, от таких приглашений отказываются только сумасшедшие.

— Тогда садись. Поехали.

Она открыла машину и впервые за эти дни почувствовала нетерпение при мысли о возвращении домой.

По дороге они продолжали разговаривать. Жюльен спрашивал о ремонте, Аля заранее предупреждала о пыли и инструментах. Получалось почти нормальное свидание, если не считать необходимости оговорить безопасность прохода к дивану.

У дома она заглушила двигатель и посмотрела на окна.

Рабочие уже закончили. Во дворе было тихо, инструменты собраны, проход к двери свободен. Ни одна занавеска не двигалась.

— Впечатляет, — сказал Жюльен.

— Подожди оценивать. Ты ещё смету не видел.

Он рассмеялся и пошёл за ней.

Аля открыла дверь. Внутри пахло старым деревом и штукатуркой. Теми же запахами, которые ещё утром заставляли её скорее выйти наружу.

Сейчас за спиной стоял Жюльен, и прихожая казалась обычной.

— Добро пожаловать. Если увидишь что-нибудь подозрительное, сначала уточни, не несущая ли это конструкция.

— Постараюсь ничего не уронить.

— Уже нравишься мне больше некоторых мастеров.

Она включила свет и повела его в гостиную.

Со штопором пришлось повозиться. Жюльен осмотрел его с такой серьёзностью, что Аля расхохоталась ещё до того, как он приступил к бутылке.

— Теперь понимаю, почему понадобился сопровождающий.

— Я предупреждала: бытовая необходимость.

— А экскурсия была проверкой квалификации?

— Разумеется. Мужчина, не сумевший отличить поилку от клумбы, к моему вину не допускается.

Пробка наконец поддалась. Аля принесла бокалы, освободила место на столике, и они устроились в гостиной.

Поначалу разговор шёл так же легко, как днём. Жюльен разглядывал комнату, спрашивал, что она собирается оставить, а что заменить. Аля показывала на старые детали, которые успела полюбить, и на те, к которым пока испытывала исключительно финансовые претензии.

— Самый загадочный особняк в округе, — заключил он, когда она закончила перечислять всё, что ещё предстояло выяснить о ремонте.

Аля замерла с бокалом у губ.

— Почему загадочный?

— Судя по твоему рассказу, здесь каждый снятый слой штукатурки задаёт новый вопрос.

Она выдохнула и усмехнулась.

— И требует отдельной оплаты за ответ.

Жюльен не заметил её заминки. Или сделал вид, что не заметил. Он сидел свободно, спокойно, не прислушивался к потолку и не косился на дверь.

Аля понемногу перестала делать это сама.

Вино медленно убывало. За окном окончательно стемнело, и в стекле отразились двое людей на диване. Аля посмотрела на это отражение, потом перевела взгляд на Жюльена и поймала себя на том, что уже некоторое время не слушает, о чём он говорит.

Просто любит.

Он заметил и приподнял бровь.

— Что?

— Ничего.

— Ты смотришь на меня.

— Разве?

— Очень внимательно. Будто сканируешь.

Аля не стала отводить глаза.

— Может, мне интересно выяснить, действительно ли ты такой серьёзный и правильный мужчина, каким стараешься казаться.

Жюльен поставил бокал на стол.

— А если я перестану казаться?

Она почувствовала, как изменилось расстояние между ними, хотя никто ещё не двинулся.

— Тогда мне придётся проверить.

Он посмотрел прямо ей в глаза. Улыбка исчезла, и разговор остановился без малейшей неловкости. Впервые за вечер молчание занимало их обоих сильнее слов.

Жюльен протянул руку и накрыл её ладонь своей.

Аля не отстранилась. Переплела их пальцы и придвинулась ближе.

Перед ней сидел живой мужчина. Тёплый, желанный, с чуть шершавой кожей на пальцах. И сейчас она хотела именно его.

Жюльен поднялся, не выпуская её руки. Аля встала следом.

Он поцеловал её осторожно, вопросительно, оставляя возможность отстраниться. Она сама подалась навстречу, обвила руками его шею, и поцелуй стал горячее. Бокалы остались на столике. Ещё несколько минут назад ей было что сказать; теперь слова только мешали.

Они поднялись по лестнице, не размыкая объятий.

На повороте Аля на мгновение посмотрела в сторону чердачного пролёта. Там было темно и тихо. Жюльен коснулся её руки, привлекая внимание, и она повернулась к нему.

Сегодня она не собиралась стоять под чужой дверью и слушать.

В спальне Жюльен опустил её на кровать и склонился над ней. Целовал шею, плечи, грудь, касался с трепетной нежностью. Аля отвечала на ласки, чувствуя, как постепенно исчезает напряжение, с которым она прожила последние дни.

Его пальцы и губы скользили ниже, заставляя дыхание сбиваться. Он развёл её бёдра и приник к самой чувствительной точке. Жюльен ласкал её языком чутко и искусно; первая волна оргазма накрыла Алю быстро, вызвав стон наслаждения.

Затем он осторожно развернул её спиной к себе, поставил на четвереньки и плавно вошёл.

Движения были глубокими, мощными и неторопливыми. Напряжение нарастало с каждым толчком, пока Аля не ощутила второй оргазм. Обессилив, она опустила лицо в подушки.

Жюльен лёг следом, тяжело дыша и покрывая её шею и лопатки поцелуями.

Ей было хорошо. Так хорошо, что на несколько мгновений она не могла ни пошевелиться, ни сказать что-нибудь связное.

Он перекатился на бок, притянул её к плечу. Аля устроилась рядом и закрыла глаза.

Постель, в которой она несколько ночей подряд боялась опустить ноги на пол, снова казалась просто постелью. Можно было лежать, чувствовать чужое тепло и не прислушиваться к каждому движению матраса.

Жюльен дышал ровно. Его ладонь оставалась у неё на спине.

И уснула.

Вместо спальни вокруг оказался каменный зал.

Аля стояла одна под высокими сводами, терявшимся в темноте. Серый свет не имел источника. Ни окон, ни ламп, ни огня — только тусклое освещение, при котором стены выглядели плоскими, будто нарисованными.

Воздух был холодным. Вдохнуть полной грудью не получалось: что-то мешало, словно грудную клетку стянули тугой лентой.

Она сделала шаг.

Потом ещё один.

За спиной раздалось дыхание.

Тяжёлое, хриплое, слишком близкое в пустом зале.

Аля остановилась. Ещё до того, как повернула голову, поняла: смотреть нельзя. Но оставаться спиной к тому, кто стоял позади, было ещё страшнее.

Она обернулась.

Из полумрака выступил мужчина.

Очень высокий, широкоплечий, с густыми чёрными волосами. Его лицо поражало неподвижностью — бледное, застывшее, с тёмными глазами, в которых она не различала ни блика, ни движения.

Он смотрел на неё.

Аля отступила.

Во сне не возникало вопроса, кто он и почему здесь находится. Всё существо требовало одного: оказаться как можно дальше. Не дать подойти. Не позволить этим длинным пальцам коснуться себя.

Мужчина сделал шаг.

Камень под ногой не скрипнул, не отозвался стуком. И всё же Аля почувствовала его движение — так, словно зал чуть сжался вокруг них.

— Не подходи...

Голос прозвучал слабо.

Он продолжал идти.

Аля отступала, глядя на его лицо. Пыталась уловить хоть что-нибудь человеческое: злость, насмешку, раздражение. Тогда можно было бы заговорить. Уговорить. Понять, чего он хочет.

Но лицо оставалось неподвижным.

— Пожалуйста, нет.

Мужчина замер и слегка склонил голову набок. От этого медленного, почти заинтересованного движения у неё похолодело внутри.

Он слышал её.

И продолжал приближаться.

Аля развернулась и бросилась бежать.

Зал растянулся перед ней. До стены, которая только что казалась близкой, теперь было невозможно добраться. Ноги вязли, колени с трудом сгибались. Она пыталась рвануться вперёд, но тело не поспевало за усилием, словно воздух стал густым и держал её со всех сторон.

Из горла вырывалось беспомощное сипение.

Сзади приближались шаги.

Теперь она их слышала. Медленные, размеренные. Он никуда не торопился.

Аля попыталась закричать, но не хватило воздуха. Сделала ещё несколько мучительных движений и оглянулась.

Мужчина уже был рядом.

Его рука потянулась к её горлу. На коже будто осел ледяной обруч.

Аля закричала.

И проснулась от собственного крика.

Она рывком села на кровати, вцепившись в простыню. Воздух входил в грудь с присвистом. Несколько секунд перед глазами стояла серая стена, хотя Аля уже видела сквозь неё очертания спальни.

Потом зал исчез окончательно.

Утро.

Полосы солнца между шторами. Шкаф напротив. Одежда на стуле.

Жюльен лежал рядом, уткнувшись лицом в подушку, и спал.

Аля посмотрела на его плечо. Оно поднималось при каждом вдохе. Тёплая кожа, смятая ткань, тёмные волосы на подушке.

Он здесь.

Она прижала ладонь к груди, потом ощупала шею. Ни раны, ни следов чужой хватки. Только холод, который будто остался под кожей.

— Господи...

Жюльен даже не проснулся от крика.

Ей казалось, она закричала так, что должен был проснуться весь дом.

Может, только во сне?

Нет. Горло саднило.

Она опустила лицо к коленям, стараясь выровнять дыхание.

Холод на горле держался упрямо, будто чужие пальцы только что разжались и кожа ещё не успела этого понять.

Жюльен что-то пробормотал в подушку. Повернулся, приоткрыл глаз и сонно посмотрел на неё.

— Ты чего не спишь?

Аля выпрямилась.

— Сон приснился.

Он нахмурился, заметив её лицо.

— Плохой?

— Дурацкий.

Она попыталась улыбнуться. Получилось не сразу.

Жюльен приподнялся на локте, коснулся её спины.

— Ты вся дрожишь.

— Сейчас пройдёт.

Он ещё немного посмотрел на неё, потом потянулся и поудобнее устроился на подушке.

— А я, кажется, дрых без задних ног. Как убитый.

Аля усмехнулась. Сравнение он выбрал потрясающе удачное.

— Заметно невооружённым глазом.

— Давно так не высыпался. Ни одной мысли в голове.

— Безумно за тебя рада.

— Честно. Будто провалился в темноту с вечера и вынырнул только сейчас.

Аля машинально коснулась шеи.

— Ты вообще ничего не слышал?

— Ночью?

Она кивнула.

Жюльен задумался, словно действительно попытался что-то вспомнить, и покачал головой.

— Ничего. Что я должен был услышать?

— Мне показалось, я крикнула, когда проснулась.

— Возможно, поэтому и проснулся. Я не понял.

Он говорил спокойно, без тревоги.

Аля заставила себя убрать руку от горла.

— Значит, всё в порядке.

— Более чем, — улыбнулся он. — Вот это я понимаю — идеальная ночь.

Она посмотрела на него с невольной завистью.

Да уж. Ночь удалась. Только сценарии им достались из разных жанров, а предупредить об этом зрителей никто не потрудился.

Аля снова легла рядом. Жюльен притянул её к себе, поцеловал в висок, и на какое-то время она позволила себе просто полежать. Его тепло понемногу возвращало телу чувствительность. Холод на шее ослаб, хотя окончательно не исчез.

Они переговаривались о пустяках. Аля отвечала, иногда улыбалась, но разговор то и дело распадался: перед глазами возникало бледное лицо из сна.

Она не стала описывать его Жюльену.

Вчерашний вечер был хорошим. По-настоящему. Не хотелось превращать утро в объяснение того, что она сама не могла понять. Пусть хотя бы у него сохранится простое воспоминание о женщине, прогулке и ночи вместе.

Наконец он взглянул на время и нехотя сел.

— Мне пора.

— Уже убегаешь?

- Увы. Сегодня работаю. Ещё немного — и придётся объяснять, куда пропал.
- Какая досадная неприятность для нас обоих.
- Я сам безутешен, поверь.

Аля подперла подбородок рукой и наблюдала, как он одевается. Жюльен поднял рубашку, продел руки в рукава, застегнул пуговицы. Совершенно обычные движения. Почему-то ей хотелось продлить именно их: пока он ищет носок, поправляет воротник и проверяет карманы, она здесь не одна.

- Он подошёл к кровати, опёрся коленом о матрас и наклонился к ней.
- Поцелуй был мягким, неспешным. Аля обняла его за шею и не сразу отпустила.

— Мне очень понравился вчерашний вечер, — сказал Жюльен.

— Мне тоже.

В этом она нисколько не лгала.

— Значит, могу надеяться, что это была не разовая акция гостеприимства?

На её губах появилась улыбка.

— Придётся наведаться ещё раз, чтобы получить точный ответ.

— Принято.

Они обменялись номерами. Жюльен записал её имя, показал экран, проверяя, правильно ли написал. Аля взяла его телефон и поправила запись.

Эта маленькая бытовая подробность неожиданно растрогала. У всего произошедшего появилось продолжение, которое не требовало ни тайных знаков, ни невидимых собеседников. Можно просто позвонить.

Жюльен заказал машину, убрал телефон и снова поцеловал её.

— Наберёшь, когда разгребёшь дела?

— Обязательно.

Она накинула халат и проводила его до лестницы. Пока внизу он обувался, задержалась на площадке, прислушиваясь к его голосу. Он сказал что-то о следующей прогулке. Аля ответила и ещё раз улыбнулась, когда он поднял на неё глаза.

Потом хлопнула входная дверь.

Аля посмотрела в окно, увидела, как Жюльен идёт к машине, и отступила.

Дом затих.

Не произошло ничего особенного. Не погас свет, не скрипнула дверь, не прозвучал смех. Просто человеческие шаги исчезли, и всё остальное сразу стало слышнее.

Аля посмотрела на лестницу, ведущую к чердаку.

— Даже не думайте, — сказала она негромко.

Никакого ответа.

Она спустилась на кухню. Нужно было поесть. Нормально позавтракать, выпить кофе, вернуться к обычным делам. Желудок, по крайней мере, не интересовался загадками дома и требовал вполне определённого решения.

Аля поставила сковороду на плиту, достала продукты и принялась резать овощи. Нож стучал по доске. Из клетки доносилась возня. Солнечный свет лежал на столе, высвечивая пыль на краю стопки бумаг.

Всё было таким обыденным, что она понемногу расслабилась.

У неё появился его номер, и он хотел встретиться снова.

Неужели нельзя хотя бы немного порадоваться этому?

Возле уха прозвучал женский шёпот:

— Спасибо за прекрасного любовника...

Нож замер над доской.

Аля не сразу поняла слова. Голос узнала мгновенно, а смысл словно задержался, не желая складываться во что-то настолько недопустимое.

Женщина продолжила с тихим, сытым удовольствием:

— Мне он очень понравился. Приведи его ещё раз...

Аля перестала чувствовать пальцы.

Кисть застыла в воздухе. Она смотрела на лезвие, на тонкую полоску овощной кожуры у доски и не могла заставить себя положить нож.

Потом пальцы разжались сами.

Металл звякнул о столешницу.

Обернуться не получалось. Голос доносился так близко, что, повернув голову, она должна была увидеть чужое лицо вплотную к своему.

Но она уже знала, что не увидит ничего.

В этой уверенности было что-то особенно мерзкое. Женщина могла стоять рядом, говорить, смотреть — а Аля не могла даже определить, где заканчивается пустое пространство и начинается чужое присутствие.

Над плечом раздался короткий смешок.

— Он, конечно, будет против...

Тишина.

Аля стояла, глядя в стену. В кухне что-то негромко потрескивало. Потребовалось несколько секунд, чтобы понять: нагревается оставленная на плите сковорода.

Она выключила конфорку.

Это простое движение далось с трудом. Но после него смогла хотя бы отступить от столешницы и повернуться.

Никого.

Пустая кухня, открытый проход, солнечная полоса на полу.

— Кто здесь?

Голос вышел тихим, почти сиплым.

Ответа не последовало.

Аля прижала ладони к краю столешницы и попыталась сделать медленный вдох. Воздуха не хватало, хотя окна были открыты на проветривание, а кухня оставалась прохладной.

Женщина знала о Жюльене.

Аля почувствовала, как скрутило желудок.

Чужие слова вторглись в воспоминание о вчерашней ночи, и теперь она не могла просто вспомнить, как Жюльен улыбался, касался её руки, поднимался следом по лестнице. Рядом с этим возникало невидимое лицо женщины, которая говорила так, словно всё предназначалось и для неё тоже.

Что значит — понравился?

Она наблюдала?

Или...

Аля резко оборвала мысль.

Жюльен спал. Утром говорил, что никогда так хорошо не выспался. Ничего не слышал, ничего не помнил. Выглядел довольным, собирался на работу, целовал её у кровати.

Она потянулась к телефону и остановилась.

Позвонить? Спросить, всё ли в порядке?

И что потом? «Кстати, пока ты был у меня, к тебе во сне случайно не приходила незнакомая брюнетка?» Великолепное начало отношений. Мужчина ещё не успел добраться до работы, а хозяйка уже проводит допрос по делу о потусторонней измене.

Аля опустила руку.

Сначала нужно понять, что вообще происходит.

— Спокойно, — сказала она. — Дыши.

Сделала вдох, выдох. Посмотрела на дверь, на окно, на клетку.

Хомяк не подавал признаков тревоги. Возможно, спал в домике. Возможно, считал, что справляться с невидимыми нахлебниками должна та, чьё имя стоит в документах на жильё.

— Очень вовремя ты устранился, — пробормотала Аля.

Злость помогла выпрямиться.

Но не помогла понять.

Жюльен был здесь, она не провела ночь в одиночестве, а кошмар всё равно пришёл. И голос прозвучал уже после его ухода, среди бела дня.

Аля не спала.

«Приведи его ещё раз».

В этом была самая неприятная часть: просьба прозвучала как хозяйственное распоряжение. Будто Аля сама того не ведая выполнила какую-то полезную работу, а теперь ей объясняли, как продолжать.

Она медленно обвела кухню взглядом.

— Нет. Так просто не бывает.

Произнесла громко, почти сердито.

Но впервые даже не попыталась себе поверить.

Глава 4. Право на выход

Аля всё-таки приготовила себе завтрак.

Сковорода осталась на выключенной плите. Возиться с овощами больше не хотелось. Она отрезала хлеб, положила сверху сыр, налила кофе и села, стараясь не смотреть туда, откуда только что прозвучал женский голос.

Руки ещё дрожали. Пришлось поставить чашку обеими ладонями, чтобы не расплескать.

Еда. Кофе. Обычное утро.

Если бросить всё и начать метаться по комнатам, станет только хуже.

Аля откусила бутерброд.

Соседний стул отодвинулся.

Медленно. Ножки прошелестели по полу, спинка чуть повернулась к столу — так, словно кто-то выбирал, как удобнее сесть.

Аля замерла.

Посмотрела вниз. Её ноги были под собственным стулом. До соседнего она не дотрагивалась ни коленом, ни ступнёй.

Стул стоял пустой.

Деревянное сиденье плавно прогнулось. Сухо скрипнуло крепление у спинки.

Кто-то сел.

Аля не могла проглотить хлеб. Смотрела на выдавленное углубление посреди сиденья, на спинку, которая ещё немного качнулась, и чувствовала, как во рту становится сухо.

На этом стуле вчера сидел Жюльен, пока она доставала бокалы. Такой же скрип, то же короткое движение дерева под человеческим весом.

Только человека не было.

Бутерброд выпал из пальцев на тарелку.

Чашка стояла в нескольких сантиметрах от руки, над кофе ещё поднимался пар. Солнце освещало край стола. Всё, на что можно было опереться, оставалось прежним: утро, кухня, мебель.

Аля попыталась вдохнуть и не сразу смогла. Ей казалось, что тот, кто устроился рядом, смотрит прямо на неё. Сидит совершенно спокойно. Не прячется, не торопится исчезнуть — ждёт, пока она окончательно поймёт.

Она вскочила.

Собственный стул отлетел назад, ударился о буфет. Внутри звякнула посуда.

Этот грохот вернул ей способность двигаться, но не помог отвести взгляд. Аля пятилась от стола, следя за пустым местом. Воздух на кухне стал холоднее. По крайней мере, её голые ноги под халатом зябли так, будто она оказалась на сквозняке.

После шёпота ещё оставалась возможность заставить себя сомневаться. Теперь она видела.

Пятка зацепилась за коврик. Аля качнулась, выбросила руку и ухватила за край столешницы. На мгновение пришлось закрыть глаза, чтобы удержаться на ногах.

Когда она посмотрела снова, сиденье выпрямилось.

Стул больше не двигался.

Аля застыла, вцепившись в столешницу. Смотрела на дерево, на свет между ножками, на собственную тарелку, оставшуюся слишком близко к чужому месту.

Кто-то встал?

Значит, теперь он мог быть где угодно.

Она отступила к дверному проёму, больше не позволяя себе зажмуриться. Нащупала спиной косяк и выскользнула в коридор.

Сердце колотилось так сильно, что приходилось переживать каждый удар, прежде чем удавалось вдохнуть. Аля прижалась к стене и посмотрела на открытую дверь кухни.

Никто не вышел следом.

Это ничего не значило.

Аля поняла, что больше не останется ни на минуту.

Нужно выйти на улицу. К машине. К людям. В любое место, где на стульях сидят видимые граждане, а к кофе не подадут свидетельство того, что мир окончательно сошёл с ума.

Она торопливо поднялась в спальню, оглядываясь на повороте лестницы. Сорвала халат, влезла во вчерашнюю одежду, не заботясь о том, как она выглядит. На пальцах путалась молния. Аля выругалась и дёрнула её сильнее.

Телефон. Ключи. Сумка.

Спускаясь обратно, она держалась у стены, стараясь не смотреть на пролёт, ведущий к чердаку. Если сейчас услышит там голос, может просто не добраться до двери.

В прихожей быстро обулась. Подхватила сумку и провернула ключ в замке.

Механизм щёлкнул.

Аля нажала ручку и потянула дверь на себя.

Та не сдвинулась.

Она моргнула. Проверила замок. Может, от страха повернула не в ту сторону?

Ещё щелчок. Ключ легко двигался в пальцах. Ручка опускалась.

Дверь стояла намертво.

— Нет...

Аля взялась за ручку обеими руками и рванула сильнее.

Ничего.

Совсем недавно отсюда вышел Жюльен. Она слышала, как хлопнула дверь. Видела, как он шёл к машине.

Аля снова заперла замок и отперла. Медленно, следя за каждым движением, чтобы не ошибиться. Ручка вниз. Потянуть.

Тяжёлое полотно даже не дрогнуло.

Она отступила и посмотрела на дверь целиком, сверху вниз, словно на ней могла появиться инструкция. Засов открыт. Ключ повернут. Ничто не мешает.

Аля рванула ручку ещё раз, уже всем весом.

— Откройся! А ну откройся, тварь!

Металл скрипнул под ладонями.

Ответа не было.

Она бросилась в гостиную. Окно первого этажа выходило во двор; если раму удастся открыть, до земли можно спуститься. Плевать, что подумают соседи. Пусть обсуждают хозяйку сколько захотят.

Аля откинула запор, потянула створку.

Та подалась на сантиметр и остановилась.

Щель оставалась. С улицы пахло прохладой. Аля вцепилась в край рамы, дёрнула, упёрлась ногой в стену под подоконником.

Дерево затрещало.

Створка не открывалась дальше.

Будто с другой стороны её придерживали. Не задвижкой, не застрявшей деталью — рукой.

Она метнулась к соседнему окну. То же самое.

На кухне утром было открыто на проветривание. Аля помнила, как чувствовала движение воздуха после разговора с невидимой женщиной. Теперь ручка повернулась, но ни открыть створку шире, ни сдвинуть её толком не удалось.

Аля зажала рот ладонью.

Через стекло был виден её двор. Обычный, залитый солнцем. За оградой кто-то прошёл, не посмотрев в сторону дома. До чужой жизни оставалось несколько метров и тонкое стекло.

Она ударила по нему ладонью.

— Эй!

Прохожий скрылся за краем окна.

Она не знала, услышал ли он.

Нужно звонить.

Аля вытащила телефон. Пальцы попадали не туда, экран дважды сменился прежде, чем она открыла нужный контакт. Лина была ближе любого знакомого здесь человека — не расстоянием, а тем, что не пришлось бы сначала объяснять, кто звонит.

Пошли гудки.

— Возьми, — прошептала Аля. — Лин, ну возьми...

Никто не ответил.

Она опустила телефон, собираясь набрать прораба. Он знает дом. Приедет, посмотрит замок. Скажет, что она не туда дёргает. Скажет что угодно, лишь бы оказался снаружи и открыл эту проклятую дверь.

Наверху скрипнула половица.

Аля застыла.

Медленный, тяжёлый шаг.

Ещё один.

Телефон остался зажат в ладони. Она смотрела в сторону лестницы и не могла опустить глаза на экран.

Кто-то шёл по чердаку.

В доме было тихо до странности. Даже уличные звуки больше не проникали сквозь стекло. Аля видела, как снаружи шевелятся листья, но слышала только дерево под чужими ногами.

Шаг.

Долгая пауза.

Следующий.

Сумка соскользнула с плеча. Аля неловко сунула в неё телефон, попыталась поправить ремень, но не удержала. Сумка упала на пол возле прихожей.

Она не наклонилась за ней.

Скрип раздался на верхней площадке.

Потом ниже.

Нечто спускалось.

Аля отступила к входной двери, хотя уже знала, что та не откроется. Спина упёрлась в дерево. Она прижалась к нему всем телом, как будто могла продавить его собой.

С лестницы никто не появлялся.

Только ступени поскрипывали одна за другой. Медленно, с промежутками, которых хватало, чтобы Аля успела представить следующее движение.

Ей хотелось не смотреть.

Но ещё сильнее она боялась того, что произойдёт, если отведёт взгляд.

Теперь скрип звучал уже с нижнего пролёта. Дубовые ступени гнулись под невидимым весом, и у Али мелькнула совершенно нелепая, отчаянная мысль: они выдерживали рабочих с мешками смеси. Сколько же должно весить то, что спускается сейчас?

В горле пересохло. Она попробовала сглотнуть и не смогла.

Нижняя ступенька щёлкнула.

Наступила тишина.

Аля смотрела на пустой коридор.
Солнечный свет лежал на полу между нею и лестницей. В нём кружились пылинки. Ни тени человека, ни движения воздуха.
Половица в нескольких метрах от неё прогнулась.
Потом соседняя.
Аля прижала руки к двери, распластав пальцы по дереву.
Каждый сухой скрип приближал невидимого гостя. Она могла проследить его путь до самой себя, хотя не видела ни ног, ни фигуры.
Остановись.
Сказать это вслух не получилось.
Последняя доска просела возле носков её обуви.
Нечто замерло.
Аля почувствовала холод у лица. Воздух словно вытеснили, оставив ей совсем немного места для короткого, беспомощного вдоха.
Она подняла глаза.
Пусто.
По левой щеке скользнули пальцы.
Медленно, от скулы к подбородку. Ледяное касание оказалось почти бережным, и именно от этого страх стал невыносимым.
Аля открыла рот, но не издала ни звука.
Коридор потемнел. Дверь за спиной словно отделилась, колени перестали держать.
Она провалилась во тьму.
Перед Алей стоял мужчина.
Совсем близко. Он смотрел на неё пристально, с таким глубоким вниманием, что перехватывало дыхание. Холода в его глазах не было.
Она хотела отступить по инерции, но не смогла сдвинуться с места. Да и не захотела.
Его руки легли ей на талию. От прикосновения по телу прокатилась волна жара. Мужчина наклонился и коснулся губами её губ — сначала осторожно, потом со страстью.
Аля подалась навстречу, обвила руками его шею и притянула ближе. Между ними возникло притяжение, которому она не могла сопротивляться.
Его поцелуи становились требовательнее. Он целовал её губы, шею, ключицы, заставляя забыть обо всём.
Затем плавно и глубоко вошёл в неё.
Аля ощущала каждое движение, силу его тела и нарастающее наслаждение. Напряжение усиливалось, пока не разрешилось оргазмом, вызвавшим протяжный стон.
Она прижималась к нему, растворяясь в чувственном тумане.
Просыпаться не хотелось.
Первое, что она почувствовала, возвращаясь в сознание, — холодный пол под щекой.
Аля открыла глаза.
Перед лицом проходил шов между двумя досками. В нём застряла светлая пылинка. Какое-то время она смотрела на неё, не понимая, почему лежит так низко и отчего болит плечо.
Потом увидела входную дверь.
Всё вернулось сразу.
Аля резко села. От движения закружилась голова, и пришлось упереться ладонью в пол.
Она упала.
А тот мужчина...
Воспоминание о сне оказалось таким ясным, что её бросило в жар. Тело ещё помнило близость, хотя щеку охлаждал паркет, а плечо ныло от удара.
Аля обняла себя руками и посмотрела на лестницу.

Пусто.

Она не сразу смогла встать. Сначала повернулась на колени, потом ухватила за стену и поднялась, осторожно перенося вес с одной ноги на другую. Одежда была на месте. Сумка лежала неподалёку. Из кухни доносилась еле слышная возня хомяка.

Аля коснулась лица. Левого щеки, скулы, подбородка.

Холода больше не было.

Она повернулась к входной двери и взялась за ручку.

Не дёрнула. Нажала осторожно, почти не надеясь.

Дверь открылась.

Легко. Так же, как всегда.

В прихожую вошёл свежий воздух.

Аля замерла, не отпуская ручку. Смотрела на порог, на дорожку, на солнечное пятно возле собственных ног.

Вот он, выход.

Она шагнула наружу и с силой вдохнула.

Где-то лаяла собака. За оградой разговаривали люди, мимо проехала машина. Обычные звуки, от которых подступили слёзы.

Аля постояла, держась за косяк. Потом, не закрывая дверь, вернулась к ближайшему окну в гостиной и попробовала открыть его.

Створка распахнулась без усилия.

Ни заедания, ни сопротивления.

Она провела пальцами по краю рамы, посмотрела на запор. Всё цело.

Теперь ей позволяли выйти.

Аля отошла от окна и подняла сумку. Телефон был внутри, экран не разбился. Среди последних вызовов стояло имя Лины — исходящий, без ответа.

Она посмотрела в сторону кухни. Её стул по-прежнему стоял криво у буфета, куда отлетел, когда она вскочила. На тарелке лежал недоеденный хлеб.

Аля села на край дивана.

Удобная мысль о переутомлении ещё пыталась пробиться к ней. Недосып, стресс, слишком много работы. Она так долго пугала себя, что наконец потеряла сознание. А остальное могло присниться перед падением, после него, в какие-то секунды, которых она не помнит.

Могло?

Аля закрыла лицо ладонями.

Очень хотелось согласиться. Можно перестать работать до ночи, поспать в другом месте, позвонить тому, кто поможет разобраться.

С невидимым человеком, который запирает двери и касается её лица, договариваться было гораздо труднее.

Она опустила руки.

В одном Аля была уверена: это повторяется. И само по себе не заканчивается.

Телефон зазвонил у неё в руке.

Аля вздрогнула так, что едва его не выронила.

Лина.

Она ответила сразу.

— Привет.

— Ну наконец-то, пропащая душа! Видела, ты звонила. Всё нормально?

Аля посмотрела на открытую входную дверь.

— Сейчас — да.

— Что значит «сейчас»?

— Просто хотела тебя услышать.

На другом конце ненадолго замолчали.

— Аль, у тебя голос пришибленный. Что стряслось?

Она могла бы опять отшутиться. Рассказать о работниках, ценах на плитку, собственном героическом противостоянии штукатурке. Но ни одного подходящего слова не нашлось.

— Я очень плохо сплю, Лин.

— Это я уже поняла.

— И дом...

Аля замялась.

— Что дом?

— Здесь странные звуки. Не просто скрип. Иногда кажется, что кто-то разговаривает. А сегодня я всерьёз перепугалась.

Лина не рассмеялась.

От этого стало одновременно легче и тревожнее.

— Рабочие?

— Нет. Когда я одна.

— Ты сейчас где?

— В гостиной. Дверь открыла. Всё нормально.

— Ты уже второй раз говоришь, что всё нормально, таким голосом, что я начинаю сомневаться.

Аля провела рукой по лицу.

Полного рассказа всё равно не получилось. Про стул не сказала. Про то, как ходила от двери к окну, тоже. Стоило попытаться облечь происходящее в слова — и она снова видела медленно прогибающийся пол возле собственных ног.

Лина вздохнула.

— Аль, я тут подумала...

— Ой. Звучит пугающе. Что на этот раз?

Шутка вырвалась по привычке, и Аля обрадовалась уже тому, что сумела её произнести.

— Очень смешно, оценила. А теперь слушай серьёзно. Я беру билеты и еду к тебе.

Аля выпрямилась.

— В смысле?

— В прямом географическом. На пару-тройку дней. Проинспектирую твою французскую авантюру, оценю масштабы бедствия и помогу уничтожить стратегические запасы вина.

— Лин, половина комнат у меня сейчас в состоянии «разбомблено строителями».

— Идеально. Будет о чём сплетничать под шпаклёвку.

— Лина...

— Что Лина?

— Ты правда готова сорваться?

Голос подруги стал мягче.

— Я соскучилась. И мне до смерти любопытно посмотреть, во что ты вляпалась. Только, судя по всему, затягивать с визитом уже не стоит.

Аля посмотрела в окно.

Лина здесь. Её чемодан в прихожей, голос на кухне, вечные вопросы, смех, музыка с телефона. Кто-то, кто знает Алю много лет и сможет сказать, слышит ли то же, что она.

Облегчение пришло настолько сильное, что она почти сразу ответила согласием.

Почти.

Потом вспомнились слова о Жюльене.

«Приведи его ещё раз».

Аля крепче сжала телефон.

Приглашать Лину только потому, что самой страшно оставаться одной, было бы слишком удобно. Подруга не обязана становиться средством от чужих кошмаров.

Но и объяснить, от чего именно её нужно уберечь, Аля не могла. Она видела утром Жюльена: здорового, довольного, торопящегося на работу. Всё необъяснимое происходило с ней самой.

— Лин, только учти: если мне здесь совсем не понравится, ночевать поедем в другое место.

— Да хоть в гостиницу. Я еду к тебе, а не к твоим балкам.

Аля закрыла глаза.

Можно будет уехать вдвоём. И не заставлять подругу оставаться, если та тоже что-то услышит.

— Ладно. Приезжай. Буду счастлива.

— Вот, уже голос живого человека. А то я начинаю представлять, как извлекаю тебя из-под рухнувшей люстры.

— Люстры пока не трогают. У тебя ещё есть время.

— Когда встречать? — тут же передразнила её Лина, не дожидаясь вопроса. — Если с рейсами всё сложится, завтра ближе к вечеру буду на месте. Пришлю подробности, как возьму билет.

Завтра.

Всего одна ночь.

Аля посмотрела на лестницу и отвела глаза.

— Договорились. Буду ждать.

— И только попробуй не выделить мне приличную гостевую комнату.

— На чердаке устроит?

Она осеклась сразу после этих слов.

От собственного голоса по спине пробежал холод. Шутка пришла легко, а следом возникло воспоминание о женщине, говорившей у самого уха.

Нет. На чердак Лина не пойдёт.

— Не устроит, — беззаботно отозвалась подруга. — Я не для того тащу себя через пол-Европы, чтобы ночевать между чемоданом прежней хозяйки идохлым голубем. Готовь лучшую кровать.

— Хорошо. Будут тебе покои с видом на сад.

— Вот и славно. До завтра, владелица родового поместья.

— До завтра, стихийное бедствие.

Аля улыбнулась. На этот раз улыбка вышла почти настоящей.

После разговора она ещё немного держала телефон в ладони. Потом положила его на колени и посмотрела на комнату.

Но теперь у завтрашнего дня появилось конкретное содержание. Нужно подготовить комнату, купить еду, встретить подругу. Обычные дела, за которые можно ухватиться, пока всё остальное отказывается укладываться в голове.

Телефон снова подал голос — на этот раз коротким сигналом сообщения.

Прораб уточнял список материалов. Сегодня бригада была занята на другом объекте, завтра возвращалась к её дому, и до этого следовало определиться с несколькими вещами. Он перечислял позиции, прикладывал фотографии, задавал вопросы так спокойно, будто у хозяйки не было никаких иных забот, кроме оттенка плитки.

Аля перечитала сообщение дважды.

Значит, сегодня никто не придёт.

Она могла бы попросить его заехать посмотреть дверь. Уже потянулась набирать ответ, но остановилась и перевела взгляд на открытый проём.

Что она покажет? Исправный замок? Створку, которая ходит так легко, будто над ней только что поработал лучший мастер в департаменте?

Прораб проверит петли, пожмёт плечами и вернётся к списку материалов.

Аля всё же написала, что входная дверь утром заедала, и попросила проверить её на следующий день. Пусть посмотрит.

Затем открыла вчерашнюю записку.

«Архив. История дома. Старые планы».

На этот раз она не ограничилась обещанием себе заняться этим позже. Составила короткий запрос в муниципальный архив: указала адрес дома, попросила сообщить, какие сохранились планы и документы о прежних владельцах и как с ними ознакомиться.

Без голосов. Без невидимых гостей. Без рассказа о том, что её имущество периодически перестаёт выпускать хозяйку наружу.

Отправила и некоторое время смотрела на экран.

Одно дело сделано.

Ничего не объяснилось, зато она перестала просто ждать следующего случая.

В доме было тихо. Входная дверь всё ещё стояла открытой, и Аля не спешила её закрывать. Сначала сходила на кухню, поставила на место свой стул, убрала недоеденный завтрак и проверила клетку.

Хомяк сидел в домике. На хозяйку взглянул без особого интереса.

— Если ты всё это видел и молчишь, имей в виду: это сокрытие информации от руководства.

Он занялся собой.

— Понятно. Адвокат посоветовал.

Разговаривать с ним было проще, чем с пустотой. По крайней мере, здесь можно было увидеть, кому именно до неё нет дела.

Аля забрала сумку, положила внутрь список материалов и вышла из дома. На пороге задержалась, посмотрела на замок, потом на ручку.

Дверь послушно закрылась.

Она заперла её, сразу отперла и проверила ещё раз.

Открылась.

Аля выругалась себе под нос. Не знала, радоваться этому или злиться.

В конце концов снова закрыла дверь и пошла к машине. Сегодня хотя бы несколько часов она проведёт там, где выходы предусмотрены администрацией и обозначены крупными зелёными табличками.

Поездка по строительным магазинам заняла остаток дня.

Аля собиралась быстро выбрать несколько вещей. Купить необходимое, взять образцы, вернуться. Всё, разумеется, оказалось гораздо сложнее.

Сначала она заблудилась среди стендов с плиткой. Потом обнаружила, что бежевый — это не цвет, а целая система испытаний для психики. Тёплый бежевый, холодный бежевый, песочный, кремовый, ещё какой-то, выглядевший в электрическом свете как грязноватая овсянка.

На фотографиях все образцы казались одинаковыми. Вживую — издевательски разными.

Аля отправила прорабу два снимка. Получила уточняющий вопрос. Посмотрела на ценник и на мгновение забыла о невидимых жильцах.

Вот это было настоящее чудовище. Напечатанное чёрным по белому, с указанием стоимости за квадратный метр.

У стенда со светильниками стало не легче. То, что нравилось, стоило слишком дорого. То, что помещалось в бюджет, хотелось повесить исключительно в помещении, где никто не задерживается добровольно.

Собственный чердак пришёл в голову первым.

Аля мрачно усмехнулась и взяла каталог. Пусть выбирают сами. Если уж живут без аренды, могли бы хотя бы поучаствовать в закупке освещения.

Потом были молдинги, карнизы, образцы покрытий и короткий спор с собой о том, сколько вещей действительно нужно приобрести сейчас. Тележка наполнялась. Ноги гудели. Желудок напомнил, что сегодняшний завтрак закончился слишком рано.

Аля села перекусить. Достала телефон, увидела сообщение Лины с подробностями дороги и ещё раз перечитала.

Завтра вечером.

Аля ответила, что встретит, и спросила, что та хочет на ужин.

Лина прислала такой список, что ей стало смешно.

«Ты на три дня или пережить осаду?»

Ответ пришёл почти сразу:

«Всё зависит от качества твоего вина».

Аля убрала телефон, допила кофе и вернулась к покупкам.

К дому она подъехала на закате.

Прежде чем выйти, несколько секунд сидела за рулём и смотрела на фасад. Окна отражали вечернее небо. Дом выглядел именно так, каким она его когда-то захотела: старым, немного уставшим, но красивым. Со стенами, которые можно восстановить, комнатами, которые можно обжить.

На минуту ей стало горько.

Она купила себе место, где хотела чувствовать себя спокойно. Вкладывала деньги, время, силы. А теперь собиралась с духом, чтобы подойти к собственной двери.

Аля взяла телефон. Палец задержался над поиском гостиницы.

Можно было уехать. Завтра забрать Лину и вместе решить, что делать дальше.

Она посмотрела на пакеты с образцами, потом снова на окна.

Дверь открывалась. Никаких звуков сейчас не было. Она устала так, что мысль о сборе вещей, поиске номера и ещё одной поездке казалась почти непосильной. И очень хотелось верить, что этот вечер обойдётся спокойно.

— Сегодня тихо, — сказала Аля, обращаясь к дому через стекло машины. — Договорились?

Ответа, разумеется, не последовало.

Она вышла и перенесла покупки внутрь. Пакеты с каталогами, веерами оттенков и тяжёлыми образцами опустились на кухонный стол с таким стуком, что хомяк возмущённо зашуршал.

— Вот именно. Сама в восторге.

Аля дошла до гостиной и рухнула на диван.

— Всё. Мозг официально ликвидирован. Я больше не способна выбрать даже цвет носков.

Некоторое время лежала, уткнувшись лицом в подушку. Слушала дом. Просто тишина. Ни шагов, ни голоса, ни скрипа рядом.

Потом поднялась, разогрела себе еду и наконец поела нормально. Не стала садиться на тот стул, который утром отодвигался сам, и постаралась не придавать этому значения. Выбрала другой, ближе к выходу.

Завтра придет Лина.

Эту мысль она повторяла каждый раз, когда взгляд невольно уходил в коридор. Можно будет сказать вслух: «Ты слышала?» — и дожидаться ответа живого человека.

После душа Аля проверила дверь и окна. Все ручки двигались свободно.

Она ещё раз попробовала входную дверь, постояла на пороге и вернулась внутрь.

Наверх поднялась с телефоном в руке. На площадке не задержалась, к чердаку не пошла. В спальне положила телефон возле подушки, оставила лампу включённой и села на край кровати.

Сил почти не осталось.

Она собиралась полежать несколько минут, потом ещё раз написать Лине. Уточнить, как удобнее добраться, что взять с собой. Что-нибудь обычное, не связанное с домом.

Не успела.

Едва голова коснулась подушки, мысли поплыли. Аля ещё чувствовала край одеяла в пальцах, слышала собственный выдох — а потом уже оказалась во сне.

Брюнетка была там.

Та самая женщина с точёной фигурой и внимательными тёмными глазами. Она приблизилась с полуулыбкой, и всё вокруг перестало занимать Алю.

Остались близость, тепло, скользящие по коже руки.

Ласки становились смелее и требовательнее. Тело откликалось, мысли путались. Аля запрокинула голову, чувствуя нарастающее наслаждение.

Из темноты появился мужчина.

Высокий, с властным взглядом — тот, которого она уже видела. Одним резким движением он встал между ними и оттолкнул женщину.

Аля не успела понять, что произошло.

Лишь почувствовала обиду — острую, почти детскую. Только что всё её существо тянулось к близости, и теперь её оборвали без объяснений. Из груди вырвался тихий стон досады.

Брюнетка отступила на несколько шагов и прищурилась.

Они смотрели друг на друга с такой яростью, что даже сквозь сон Аля почувствовала напряжение. Мужчина заслонял её собой. Женщина не отводила от него глаз.

Ни один не посмотрел на Алю.

Они снова что-то решали между собой.

Сон оборвался.

Глава 5. Гостевая комната

Утром Аля некоторое время лежала, глядя на лепнину потолка.

Сон оставил после себя досаду, которой она стеснялась уже наяву: ей хотелось только одного — чтобы ей вернули прерванную близость.

При дневном свете собственная реакция казалась чужой.

Аля выключила оставленную на ночь лампу и села. За окном начинался обычный день. Сегодня вернутся рабочие, нужно разобрать покупки, а к вечеру приедет Лина.

Она взяла телефон. Сообщение подруги уже ждало на экране: та собиралась в дорогу и требовала подтвердить, что обещанная кровать существует не только в рекламном описании поместья.

Аля улыбнулась и ответила, что кровать имеется, испытана и выдержит даже её характер.

Потом спустилась проверить входную дверь.

Та открылась легко.

Без пяти девять приехала бригада.

Дом наполнился голосами и стуком инструментов. Снаружи загревели леса, внутри начали переносить мешки со смесями и готовить стены под проводку. Аля встретила прораба со списком покупок, но прежде, чем обсуждать розетки, показала ему замок.

— Вчера не могла открыть. Вообще.

Он несколько раз повернул ключ, осмотрел ручку, проверил петли. Потянул дверь на себя, отпустил, закрыл и открыл снова.

Всё работало.

Аля стояла рядом, наблюдая за его руками. Ей даже захотелось, чтобы механизм заело прямо сейчас. Чтобы мужчина нахмурился, достал инструмент и нашёл причину.

Прораб ничего такого не нашёл.

— Возможно, перекосило при закрывании. Дерево старое. Если повторится, позовите, посмотрим сразу.

Аля кивнула.

Окна она тоже попросила проверить. Мастер прошёл с ней по комнатам, убедился, что створки открываются, поправил одно крепление и вернулся к делам.

Никакого объяснения вчерашней ловушке не появилось.

— Ну что у вас с материалами? — спросил прораб, открывая блокнот.

Она молча указала на пакеты.

Следующий час ушёл на обычные хозяйственные споры. Светильник оказался не совсем подходящим, место одной розетки снова пришлось обсуждать, а выбранный оттенок при дневном свете выглядел иначе, чем в магазине.

— Отлично, — сказала Аля. — Значит, вчера я потратила полдня, чтобы сегодня узнать, что выбрала новый оттенок отчаяния.

Прораб улыбнулся, решив, что это шутка.

Она не стала уточнять.

Потом пришлось открыть ноутбук и заняться работой. Между письмами Аля проверила почту: ответа из архива пока не было.

С каждым часом голосов вокруг становилось больше, а напряжение понемногу ослабело.

На лестничной площадке Аля всё ещё смотрела вверх.

Чердачная дверь была закрыта. Сегодня оттуда не доносилось ни звука.

К приезду Лины она подготовила комнату с окнами в сад, как и обещала. Перестелила постель, убрала с подоконника пыль, освободила место для чемодана. Потом обнаружила развод на зеркале и протёрла его ещё раз.

Собственное отражение выглядело усталым.

Аля задержала на нём взгляд, невольно проверяя пространство за плечом.

Никого.

— Даже не пробуйте, — пробормотала она и отложила тряпку.

Продукты были куплены. В холодильнике лежало всё, что Лина успела потребовать в переписке, и ещё немного сверху — на случай, если аппетит подруги пережил перелёт лучше её багажа.

Ближе к вечеру рабочие ушли. Аля ещё раз прошлась по гостевой, поправила полотенца и принялась поглядывать на время.

Около шести телефон сообщил, что Лина уже подъезжает.

Аля вышла на площадку второго этажа, к окну, выходившему на ворота.

Такси остановилось у ограды. Водитель открыл багажник, и на тротуаре появилась Лина — с внушительным чемоданом и баулом через плечо.

Аля хмыкнула.

На пару-тройку дней, разумеется. Если судить по багажу, подруга предусмотрела ещё зимовку и возможное переселение небольшой семьи.

Лина оживлённо разговаривала с водителем на своём французском, заменяя недостающие слова жестами. Расплатилась, взялась за ручку чемодана и сразу вытащила телефон.

У Али завибрировал карман.

— Ты где там замуровалась?

— В доме. Вижу тебя.

— Тогда изволь открыть, графиня замка Иф! Я стою с чемоданами и начинаю чувствовать себя бедной родственницей.

— Бегу. Не шуми.

— Поздно предупреждаешь.

Аля сбежала по лестнице. На секунду рука задержалась на входной двери, но замок послушно щёлкнул, и она вышла во двор.

Через минуту Лина уже обнимала её у порога.

— Ну привет, Алька!

— Привет, стихийное бедствие.

Знакомые духи, тёплое плечо, громкий голос рядом. Аля обняла её крепче, чем собиралась, и задержалась так на несколько секунд.

Лина слегка отстранилась, заглянула ей в лицо.

— Ты и правда устала.

— Сначала занесём вещи. Потом можешь начинать осмотр пострадавшей.

— Я бы начала с еды, но твой вариант тоже рассмотрим.

Чемодан грохотал по полу так, что слышно было, наверное, даже на чердаке. Аля почему-то испытала от этого злорадное удовольствие.

Получайте. Теперь здесь тоже умеют шуметь.

Обзорная экскурсия началась с предупреждений.

— Сюда пока не прислоняться. Здесь свежая штукатурка. Через этот провод переступай. А если захочешь что-нибудь передвинуть — сначала спроси.

Лина оглядела строительные козлы, мешки и стену с размеченными линиями проводки.

— Скажи честно, санэпидемстанция и Гаагский трибунал в курсе, что здесь живут люди?

— Формально всё законно.

— А по совести?

— По совести помоги с чемоданом и не задавай лишних вопросов.

Подруга рассмеялась, подхватила баул и пошла следом.

Гостевая ей понравилась. Лина подошла к окну, оценила сад, надавила ладонью на матрас и с серьёзным видом вынесла заключение:

— Жить можно. Если кормить будут регулярно.

— Ванная здесь. Кухню сейчас покажу.

Лина выглянула в коридор и заметила лестницу наверх.

— А там?

— Чердак. Пыль, коробки, старые доски. Пока туда не ходи.

— Это там у тебя разговаривают?

Аля замерла у двери.

Лина спросила без насмешки, но и особенной тревоги в её голосе не было.

— Иногда.

Подруга подняла глаза. Обе помолчали, прислушиваясь.

В доме было тихо.

— Если что-нибудь услышу, скажу, — произнесла Лина. — А ты не будешь делать вид, что ничего не происходит. Мы договорились?

Аля кивнула.

— Договорились.

— Вот и хорошо. Теперь показывай кухню. Меня по дороге кормили чем-то настолько небольшим, что я до сих пор считаю это недоразумением.

Через десять минут на столе стояли бутылка бордо, сыр, виноград, багет и несколько тарелок с тем, что Аля достала из холодильника.

Они сели друг напротив друга.

Аля проследила за тем, как Лина отодвигает стул, садится, устраивается удобнее. Дерево негромко скрипнуло.

Теперь звук имел объяснение.

Она поймала себя на том, что смотрит слишком пристально, и потянулась за бокалом.

— Ну, хозяйка, за что пьём? — спросила Лина.

— За то, что ты добралась и выдернула меня из строительного анабиоза.

— И за то, что ты ещё не выставила это вековое гнездо на аукцион.

— Ключевое слово — ещё.

Они чокнулись.

Поначалу Аля чаще слушала. Лина рассказывала о дороге, о попутчиках, о том, как пыталась объяснить водителю адрес. Потом разговор перешёл к работе, знакомым и бесконечным мучениям с плиткой.

Аля достала из пакета веер оттенков и протянула подруге.

— Выбирай.

Лина сосредоточенно изучила образцы.

— Этот.

— Именно его прораб сегодня забраковал.

— Значит, меняем прораба.

Аля расхохоталась.

Давно никто не предлагал настолько простого решения её проблем.

Первый бокал опустел незаметно. За ним второй. Они вспоминали старые университетские истории, людей, о которых давно не говорили, и собственные решения, когда-то казавшиеся исключительно разумными.

Ничего разумного, как выяснилось, в большинстве этих решений не было. Именно поэтому вспоминать их оказалось так весело.

Лина смеялась громко, запрокидывая голову. В какой-то момент Аля машинально шикнула:

— Тише. Соседей переполошишь.

— Каких соседей? У тебя за таким забором можно прятать небольшое правительство.

Кто нас тут услышит?

Аля на секунду посмотрела в коридор.

Лина проследила за её взглядом, но сразу отвлеклась на падающую с вилки виноградину. Подруги начали ловить её у края стола и опять расхохотались.

Тревога отступала понемногу. Иногда возвращалась при случайном скрипе, потом тонула в разговоре. Аля всё реже смотрела на часы, всё чаще перебивала Лину, спорила, вспоминала что-то сама.

Дом наполнился их голосами. И на несколько часов она снова почувствовала себя хозяйкой.

Когда бутылка опустела, Лина посмотрела на часы и зевнула.

— Всё. Отбой. Если сейчас не упадём в подушки, утром на стройке появятся два восстановивших зомби.

— Они уже видели меня в таком состоянии. Тебе ещё есть шанс спасти репутацию.

— Тогда спать немедленно.

Они убрали еду, сполоснули бокалы и поднялись наверх.

У гостевой Лина остановилась.

— Если что — стучи. Только по возможности не раньше кофе.

— Постараюсь согласовать график с местной нечистью.

— Вот и умница. Спокойной ночи, графиня.

— Сладких снов.

Аля вошла к себе. Через минуту из коридора донёсся звук закрывающейся двери, потом шаги в соседней комнате. Лина что-то передвигала, укладывала вещи, негромко разговаривала сама с собой.

Обычное присутствие другого человека действовало лучше включённой лампы.

Аля легла и некоторое время слушала эти звуки. Потом всё стихло.

Сегодня она не одна.

Очень хотелось поверить, что этого достаточно.

Ночью незнакомец снова появился в её сне.

Аля оказалась рядом с ним, погружённая в знакомое ощущение близости. Здесь его присутствие не вызывало страха. Напротив — рядом с ним было спокойно, и она тянулась к нему сама.

Он подошёл, положил ладони ей на талию. По телу разлилось тепло. Всё становилось отчётливее: взгляд, руки, расстояние между ними, сокращающееся с каждым мгновением.

И вдруг сон оборвался.

Без звука, без вспышки. Мужчина исчез, будто изображение выключили.

После этого Аля спала глубоко и спокойно до самого утра.

Проснувшись, она несколько секунд лежала, не понимая, чего не хватает.

Страх.

Она просто открыла глаза и увидела солнечный свет.

Тело отдохнуло.

Аля потянулась, потом вспомнила о Лине и улыбнулась. Интересно, в каком состоянии подруга после вчерашнего вина. Судя по последним репликам на лестнице, та была уверена, что утром её придётся собирать из отдельных частей.

Аля накинула халат, умылась и заглянула в гостевую.

Постель была заправлена. Чемодан стоял у стены, на спинке стула висела одежда.

Лины не было.

— И куда тебя с утра унесло?

Из коридора донёлся шорох, потом тихий смешок.

Аля повернулась и пошла обратно.

Лина сидела посреди её кровати, обложившись подушками. Укуталась в одеяло почти до подбородка и выглядела так, будто всё лучшее в этой жизни уже получила, а теперь снисходительно дожидалась завтрака.

— Доброе утро, ваше высочество, — сказала Аля, прислонившись к косяку.

— Я к тебе пришла, а тебя нет. Решила подождать в хороших условиях.

— У тебя своя кровать есть.

— Но здесь теплее.

— Ты же только из ванной?

— И что? Я должна отказаться от подушек из принципа?

Аля усмехнулась. Подруга напоминала кота, который добрался до оставленной без при-
смотра сметаны и теперь не собирался извиняться за своё счастье.

Лина посмотрела на неё сияющими глазами.

— Алька... Ты не представляешь, что мне приснилось!

Аля подошла и села на край постели.

— Судя по лицу, содержание явно восемнадцать плюс.

— Бери выше. На все двадцать один.

Лина зажмурилась и довольно откинулась в подушки.

— Мужчина. Боже, я таких в жизни не видела. Ни в кино, ни на обложках.

— Так-так. Интрига.

— Высокий, широкоплечий. И взгляд... Тяжёлый, прямо насквозь. Я от одного взгляда чуть на молекулы не распалась.

Аля ещё улыбалась.

— И как развивались события в твоём кинотеатре?

— Подошёл ко мне. Вплотную. И знаешь, никакого стеснения. Вообще. Спокойно с ним было, тепло, безопасно... Будто я его всю жизнь знаю.

Аля медленно выпрямилась.

Лина этого не заметила. Смаковала воспоминание, перебирала край одеяла.

— Начал целовать. Обнимать. Всё чувствовала так ясно, до каждой клеточки. Аль, я проснулась и первые минуты шарил по постели. Была уверена, что он рядом лежит.

— Понятно, — произнесла Аля.

Уже не так весело, как собиралась.

— Ничего тебе не понятно! Это была лучшая ночь за... даже не знаю, за сколько. Если такие мужчины существуют, заверните мне одного.

— Может, высшие силы прислали трейлер будущего мужа.

Лина рассмеялась.

— Вот. Именно. Я считаю это знаком свыше.

Аля опустила глаза на её руки.

То же внезапное чувство безопасности рядом с незнакомцем. Прикосновения, которые казались настоящими.

Отдельно всё это могло присниться кому угодно. Мужчина во сне не обязан быть маленьким, некрасивым и неприятным, чтобы сон считался нормальным.

Но подробности складывались слишком знакомо.

— Глаза какие? — спросила Аля.

— Чёрные. Очень тёмные. А руки...

Лина продолжила рассказ, не замечая её молчания.

Аля вспомнила собственный сон. Незнакомец появился и вдруг исчез. После этого она впервые за долгое время спала спокойно.

В соседней комнате была Лина.

Аля посмотрела на подругу — и заметила серебристую нить возле виска.

Потом ещё одну.

— Лин, подожди.

— Что?

Она придвинулась, осторожно отвела волосы над левым ухом.

В каштановых прядях отчётливо белело несколько волосков.

— У тебя седина появилась?

— Где?

Лина дёрнула головой, перехватила прядь и попыталась рассмотреть.

— Здесь. Возле виска.

— Господи, напугала.

Подруга с преувеличенным облегчением выдохнула.

— Три с половиной волосины. Мне теперь в монастырь или сразу место на кладбище бронировать?

— Раньше я не замечала.

— Потому что раньше не исследовала мой скальп с утра пораньше. Между прочим, мне тридцать пять. Я не обязана всю жизнь оставаться безупречной рекламой краски для волос.

Аля убрала руку.

Тридцать пять. Несколько седых волос. Ничего невероятного.

— Всё, не порть мне утро, — попросила Лина и снова устроилась в подушках. — Я только что пережила прекрасный роман. Хотя бы кофе дай выпить, прежде чем отправлять на заслуженный отдых.

Аля улыбнулась.

Следующие дни обманули её своим спокойствием.

В доме больше никто не передвигал мебель и не запирали двери. Рабочие приходили по утрам, спорили о размерах и сроках, уходили вечером. Лина устраивала на кухне маленькие праздники из круассанов, сыра и новостей, которые непременно требовали немедленного обсуждения.

Аля работала, занималась ремонтом, а потом они выбирались в город. Бродили по улочкам, сидели на террасах, перебирали безделушки в лавках. Лина умела заинтересоваться любым предметом, если продавец рассказывал о нём достаточно вдохновенно. И с таким же восторгом через пять минут забыть, что собиралась его купить.

— Тебе это куда? — спрашивала Аля, глядя на очередную вазу.

— Пока не знаю.

— Отличное начало.

— У тебя целый дом. Что-нибудь придумаем.

— Я тебя позвала в гости, а не назначила поставщиком лишней мебели.

— Вазу мебелью не считаю. Претензия отклонена.

Они смеялись. Аля иногда ловила себя на том, что уже полчаса не вспоминала о чердаке.

Ночью она спала. Не всегда сразу, не всегда без тревоги, но тяжёлые пробуждения прекратились. Лина, наоборот, встречала каждое утро с таким выражением лица, что спрашивать о снах уже не требовалось.

При этом она ничего не слышала наяву.

Аля несколько раз осторожно заводила разговор. Не скрипело ли что-нибудь? Не казалось ли, что наверху кто-то ходит?

— Дом как дом, — отвечала Лина. — Старый. Шумит иногда. Но я людей на чердаке пока не обнаружила.

— Я не про людей...

— Аль, я помню, что ты рассказала. Если услышу что-нибудь странное, скажу. Правда. На второй день у виска Лины появилась светлая прядь.

Аля заметила её на улице, когда они остановились перед витриной. Солнце падало сбоку, и волосы казались выцветшими от самого корня.

Она попросила подругу повернуться.

Лина послушалась, потом посмотрела на собственное отражение в стекле и пожала плечами.

— Что опять?

— Волосы.

— Ну да. На голове. Всё ещё там, где положено.

— Здесь гораздо больше седины, чем вчера.

Лина наклонилась к витрине, придирчиво оглядела себя и выпрямилась.

— Алька, это блик. Пойдём. Я обещала себе сегодня не таскать тебя от каждого зеркала силой.

Аля посмотрела ещё раз.

Прядь оставалась белой и в тени.

Вечером она предложила переночевать в гостинице.

Лина отложила вилку.

— Здесь опять что-то было?

— Нет. Просто сменим обстановку.

— Мы весь день меняем обстановку. В доме я только сплю и ем.

— Ты же сама говорила, что можем уехать.

— Можем, если тебе здесь страшно. Тебе сейчас страшно?

Аля посмотрела на её лицо. Подруга сидела напротив — довольная прогулкой, голодная, слегка загоревшая. Ни усталости, ни боли, ни малейшего признака того, что с ней происходит что-то дурное.

Только эта прядь, которую видела Аля.

— Мне не нравится, как ты меняешься.

Лина непонимающе нахмурилась.

— Опять волосы?

Аля промолчала.

— Послушай, я себя хорошо чувствую. Лучше, чем до поездки. Мы можем хоть сейчас собрать вещи, если ты совсем не можешь здесь находиться. Но ехать в гостиницу из-за того, что ты нашла у меня седину...

Она не договорила. В её голосе ещё не было злости, только усталое недоумение.

Аля отвела взгляд.

Ей хотелось предъявить что-нибудь бесспорное. Показать трещину в стене, сломанный замок, чужую вещь. Нечто, что Лина увидит вместе с ней.

Аля уступила.

Позже она будет вспоминать именно этот вечер — спокойный голос Лины, собственное молчание, нетронутую мысль о гостинице. Сейчас же сказала себе, что не должна пугать подругу тем, в чём не уверена сама.

Первоначальные два-три дня постепенно превратились в неделю.

Лина сама предложила задержаться: дорога была длинной, а они ещё ничего толком не успели. Хотелось съездить в соседний город, пройтись по магазинам, посидеть без спешки. Аля

согласилась, потому что несколько спокойных ночей уже начали казаться доказательством, что худшее осталось позади.

А потом изменения стало невозможно не замечать.

Седина расплзалась дальше от виска. Аля видела её, когда Лина собирала волосы, наклонялась над тарелкой, поворачивалась к окну. Отдельные белые нити уже не терялись в каштановых прядях.

Однажды утром, собираясь на прогулку, Аля не выдержала:

— Лин, посмотри внимательно. Пожалуйста.

Подруга подкрашивала ресницы перед зеркалом.

— Куда?

Аля подошла и отвела волосы над её ухом.

— Вот. Прямо сюда.

Лина посмотрела в зеркало, потом на неё.

— Что я должна увидеть?

— Белые пряди.

— Аль, у меня каштановые волосы.

— Я вижу.

— И я вижу.

Они замолчали.

Аля держала прядь между пальцами. В зеркале она была такой же светлой, как в её руке. Никакого блика. Никакой тени, которую можно принять за другой цвет.

Лина осторожно высвободила волосы.

— Ты зациклилась на тех нескольких волосках. Правда. Каждый день проверяешь, уже сама себя пугаешь.

— Их больше.

— Я не вижу.

Лина произнесла это без колебаний.

И Аля поняла, что подруга не притворяется. Не отшучивается из кокетства, не скрывает тревогу. Она действительно смотрела на то же самое отражение и видела другое.

Аля отступила от зеркала.

Хуже всего было, что дело уже не ограничивалось волосами.

В уголках глаз Лины появилась тонкая сетка морщинок. Лицо будто потеряло прежнюю мягкость, заострилось. Улыбка оставалась знакомой, но складки возле рта стали глубже.

Когда подруга шла впереди, Але иногда казалось, что её движения сделались тяжелее. Потом Лина оборачивалась, махала рукой, звала посмотреть на какую-нибудь витрину — живая, энергичная, вполне довольная собой.

Аля всё чаще отставала на несколько шагов, разглядывая её.

Не выглядела Лина больной. Она оставалась красивой женщиной.

Только женщиной лет сорока пяти.

Але приходилось напоминать себе её возраст. Тридцать пять. Она помнила, какой Лина вышла из такси, как смеялась в первый вечер, убирала волосы с лица.

Остальные, казалось, ничего не замечали. В магазинах с Линой разговаривали как обычно, официанты улыбались, продавцы предлагали примерить платья. Никто не спрашивал, хорошо ли она себя чувствует. Никто не задерживал на её лице встревоженного взгляда.

Днём пришёл ответ из архива. Ей сообщили, какие материалы о доме удалось найти, и приложили копии двух планов с пояснениями к перепланировкам. Аля открыла письмо, увеличила старые линии на экране.

На одной схеме нижние помещения соединялись проходом, которого на более поздней уже не было. Возле него стояла пометка о закладке. Именно о таких переделках предупреждали в мэрии.

Она сохранила документы отдельно и сверила общий контур с нынешним планом.

Но ни один чертёж не объяснял, что происходит с Линой.

Аля не стала спускаться в подвал или расспрашивать рабочих о кладке. Этим можно заняться позже. Подруга находилась здесь сейчас.

Вечером они сидели на террасе. Лина рассказывала, куда предлагает съездить на следующий день, перебирала покупки и пыталась выяснить, не слишком ли много вещей у неё получится на обратную дорогу.

Аля почти не слушала.

Смотрела на её лоб, на серые нити у виска, на лицо, в котором всё ещё безошибочно узнавала Лину и одновременно видела незнакомую женщину.

— Скажи честно, — перебила она. — Ты совсем ничего не чувствуешь?

— В каком смысле?

— Не устаёшь? Ничего странного?

Лина подняла брови. На лбу появилась глубокая складка.

Аля замерла.

— Да что именно, Аль? Я не понимаю, о чём ты спрашиваешь.

Решение пришло сразу.

Больше не нужно было спорить о волосах, подбирать убедительные слова и ждать, пока подруга увидит то же самое. Если Аля ошибалась, они поссорятся из-за её страхов. Если не ошибалась — ещё одна ночь могла стоять Лине слишком дорого.

— Тебе пора возвращаться домой.

Лина положила покупку на стол.

— Что?

— Думаю, тебе лучше уехать.

— Алька, ты сейчас серьёзно?

Аля кивнула.

— Что случилось?

Аля посмотрела на её волосы и тут же отвела глаза.

— Здесь тебе оставаться нельзя.

— Почему?

— Мне... мне нужно разобраться с домом. Со всем, что навалилось.

— Мы же можем разобраться вместе.

Аля покачала головой.

— Нет, Лин.

Она сама предлагала гостиницу. Можно было вернуться к этому разговору, уехать вдвоём и посмотреть, станет ли что-нибудь иначе. Но теперь, глядя на лицо подруги, Аля не хотела тратить ещё сутки на проверку очередной догадки.

Пусть Лина окажется дома. Далеко отсюда, от этих комнат, от мужских снов, после которых она просыпалась такой счастливой.

— Ещё на одну ночь ты здесь не останешься, — сказала она.

Лина медленно откинулась на спинку стула.

— Прекрасно.

В одном слове оказалось столько обиды, что Аля едва не отступилась.

Но посмотрела на седые пряди и осталась на месте.

Билет она нашла в тот же вечер.

Проверила время, дорогу до аэропорта, ещё раз перечитала условия и оплатила. Всё делала быстро, пока страх не превратился обратно в сомнения.

Лина поначалу считала это нелепой ссорой, которая сейчас закончится. Когда Аля показала подтверждение покупки, лицо подруги изменилось.

— Ты действительно купила?

— Да.

— За меня решила, когда мне лететь?

Аля проглотила ком в горле.

— Прости.

— Мы собирались ещё столько всего сделать. Я задержалась, потому что мы договорились. А теперь ты внезапно отправляешь меня обратно?

— Знаю.

— Не «знаю», Алька. Объясни.

Она могла произнести правду так, как видела её: ты стареешь у меня на глазах. С каждым утром. Я боюсь, что виноват дом и тот, кто приходит к тебе во сне.

Но они уже говорили о волосах. Лина смотрела на себя в зеркало и ничего не видела. Любая новая попытка упиралась бы в тот же тупик, только теперь Аля собиралась добавить к седине ещё и чудовищное объяснение.

Она струсила перед этим разговором.

И выбрала слова, за которые Лина имела полное право её возненавидеть.

— Ремонт, работа, сроки... Я ничего не успеваю. Мне нужно побыть одной.

Подруга смотрела на неё несколько секунд.

— Вот как.

— Лин...

— Так и сказала бы. Без этого спектакля про то, что мне здесь нельзя оставаться.

Аля молчала.

Лина поднялась и пошла в гостевую. Через минуту оттуда донёсся звук раскрываемого чемодана.

Аля осталась возле стола, глядя на экран с билетом. В груди болело. Хотелось пойти следом, обнять подругу, сказать, что передумала. Что они останутся, поедут завтра гулять, всё будет хорошо.

Именно это она уже делала последнюю неделю — выбирала слова, после которых становилось легче.

Больше нельзя.

Она поднялась помогать с вещами.

Лина складывала одежду резко, молча. Не отказывалась от помощи, но не смотрела на неё. Аля подавала вещи, убирала мелочи в боковые карманы и старалась не задерживать взгляд на висках подруги.

— Ты в последние дни какая-то совершенно ненормальная, — сказала Лина, застёгивая чемодан.

— Возможно.

— Я не для того приехала, чтобы мешать тебе жить.

Аля подняла глаза.

— Ты мне не мешаешь.

— Тогда что я сейчас делаю?

Ответить было нечего.

До аэропорта ехали почти молча. Лина смотрела в окно, изредка проверяла телефон. Аля следила за дорогой и держала руль крепче, чем требовалось.

Город остался позади. Потом и знакомые повороты. С каждым километром становилось немного легче дышать, хотя лицо подруги не менялось.

Аля ловила себя на желании проверить это снова и снова. Посмотреть на профиль, на волосы, на руки.

Она заставила себя смотреть на дорогу.

У входа в терминал Лина остановилась.

— Я всё равно не понимаю, какая муха тебя укусила.

Аля невольно сжала большой палец в ладони.

— Прости меня.

— Ты могла по-человечески сказать, что хочешь побыть одна. Зачем всё это?

— Могла.

— Я бы не стала навязываться.

— Знаю.

Лина отвернулась, потом снова посмотрела на неё. На мгновение показалось, что сейчас она задаст другой вопрос, тот самый, на который Аля всё-таки сумеет ответить.

Но подруга лишь тяжело вздохнула.

Объятие вышло коротким, сухим. Аля обняла её в ответ, задержала ладонь на спине и отпустила, когда Лина отстранилась.

— Наберёшь хоть?

— Обязательно. Напиши, когда доберёшься.

— Напишу.

Лина взялась за чемодан.

— И когда-нибудь расскажешь, с какого перепугу так спешно выставила меня за дверь?

Аля попыталась улыбнуться.

— Расскажу.

Подруга развернулась и пошла к раздвижным дверям. Один раз оглянулась, потом ещё раз — уже из потока людей.

Аля стояла, пока не перестала её видеть.

Вокруг спешили пассажиры, гремели колёса чемоданов, кто-то обнимался, кто-то спорил по телефону. Всё это было до боли обычным. Здесь люди уезжали из-за отпусков, работы, семьи. Не потому, что кто-то незримый забирал у них жизнь, пока они спали.

Она дошла до машины, села и не сразу завела двигатель. Посмотрела на пустое пассажирское сиденье.

Неделю назад ей казалось, что присутствие подруги спасёт её от страха.

Теперь Аля надеялась только на то, что успела спасти подругу от дома.

Она написала короткое сообщение: «Я тебя люблю. Прости, что так получилось». Несколько секунд смотрела на него, потом отправила.

Объяснением это не было. Но оставлять последними словами ложь о том, что Лина ей мешает, она не хотела.

Обратная дорога показалась длиннее.

Возле дома Аля задержалась в машине. Наверху не горел свет. Окна гостевой темнели так же, как до приезда подруги.

Лина уже была далеко. Именно за это она держалась, выходя из машины и подходя к двери.

В прихожей Аля бросила ключи на тумбу. Звук получился слишком громким.

После аэропорта тишина давила на уши. Никто не звал с кухни, не спрашивал, куда она положила сыр, не требовал признать, что выбранная плитка всё-таки отвратительна.

Аля прошла к раковине и налила воды.

Очень хотелось пить. Горло саднило, плечи ныли от дороги. Она поднесла стакан к губам.

Возле уха прошелестело:

— Он очень зол...

Стакан замер.

Знакомый женский голос. Такой же близкий, как прежде.

Аля не повернулась. Смотрела на воду, на отражение света у самого края и чувствовала, как холодеют пальцы.

Потому что она увезла Лину?

Женщина больше ничего не сказала.

Аля поставила стакан на столешницу. Осторожно, чтобы не стукнуть. Потом отступила в коридор.

Нужно было добраться до спальни. Закрыться. Она знала, что замок не гарантирует ничего, но всё равно хотела оказаться за дверью, в комнате, которую могла окинуть взглядом целиком.

Аля поднялась по лестнице.

До спальни оставалось несколько шагов, когда прямо за спиной прозвучал мужской голос:

— Лины нет... значит, будешь ты.

Она остановилась.

Аля смотрела на собственную дверь и понимала: отправив подругу домой, она действительно что-то у него отняла.

И теперь он пришёл к ней.

Глава 6. Условия проживания

Аля рванулась к спальне.

Пальцы соскользнули с ручки. Она схватилась снова, толкнула дверь, влетела внутрь и захлопнула её за собой. Повернула защёлку.

Щелчок прозвучал отчётливо.

Заперто.

Аля прижалась спиной к дереву, задыхаясь.

Ни шагов, ни стука снаружи не последовало.

Она отодвинулась от двери и продолжила пятиться, не сводя глаз с латунной ручки. Между ней и коридором оставалась преграда. Деревянная, ненадёжная, но хоть какая-то.

Ручка опустилась.

Медленно, до самого конца.

Аля остановилась.

Внутри замка сухо щёлкнуло. Дверь приоткрылась, потом пошла дальше, впуская в спальню полоску света из коридора.

Никого.

Аля слышала только собственное дыхание. Створка остановилась, так и не коснувшись стены.

За спиной изменился воздух.

Она почувствовала это раньше, чем сумела повернуть голову: возле затылка стало холодно, по плечам пошли мурашки. Как если бы кто-то подошёл вплотную и заслонил собой всю комнату.

Аля медленно обернулась.

И подняла глаза.

Существо было огромным. Его голова почти достигала высокого потолка, и Але пришлось запрокинуть голову, чтобы увидеть лицо. Угольно-чёрная кожа отливала тусклым, резиновым блеском. Под ней перекачивались мышцы: широкая грудь, тяжёлые плечи, мощные предплечья. Длинные руки заканчивались когтями.

Он не походил на уродливую фигуру из дешёвого фильма. Пропорции были пугающе совершенными — словно человеческое тело взяли за образец, а потом придали ему размеры и силу, которых в человеческом мире не существовало.

Лицо ещё сохраняло знакомые черты: резкие скулы, полные губы, раскосые глаза. Над линией волос выступали небольшие рога.

Аля опустила взгляд ниже и тут же снова подняла.

Между мощными бёдрами темнел огромный член — неправдоподобных, пугающих размеров, такого же сплошного угольно-чёрного цвета, как всё тело. От одного взгляда на эту плоть её прошиб холодный пот.

Но страшнее всего были глаза.

В них горела ярость.

Аля упёрлась лопатками в стену и застыла. Существо стояло достаточно близко, чтобы различить движение его губ.

— Как ты посмела?

Голос оказался тем самым. Низким, тяжёлым, с вибрацией, которую Аля чувствовала в груди.

Он сделал шаг.

— Сначала дать мне... а затем отнять то, что уже принадлежало мне по праву.

Лина.

Она пригласила подругу, потом отвезла в аэропорт. Ни в одном из этих действий не было обещания что-либо отдать стоящему перед ней существу.

Он ждал ответа.

Аля попыталась разомкнуть губы. Нужно было сказать, что Лина никому не принадлежит. Что она уехала. Что он не имеет права...

Ни звука.

Давление его взгляда было таким, что даже мысли складывались с трудом. Она смотрела снизу вверх, чувствуя холод стены сквозь одежду, и не могла заставить себя сделать что-нибудь ещё.

— Отвечай!

Аля вздрогнула.

— Я сказал — отвечай!

От голоса задрезжалось что-то на туалетном столике. Она открыла рот, но смогла лишь втянуть воздух.

Аля скользнула взглядом к открытой двери. До неё было несколько шагов, но существо находилось ближе. Даже если получится добежать, куда дальше? Он уже вошёл в запертую комнату, не воспользовавшись дверью.

Воздух между ними пошёл рябью.

Из неё выступила женщина.

Брюнетка.

Аля узнала её сразу — лицо, волосы, губы, которые помнила слишком хорошо. Незнакомка из снов стояла здесь, в спальне, рядом с высоким чёрным существом.

Женщина посмотрела на него без малейшего испуга. Потом перевела глаза на Алю, и на её лице мелькнуло раздражение.

— Зачем ты её так напугал?

Он не ответил.

— Посмотри на неё, — продолжила брюнетка. — Она не готова к таким кошмарам. Спала бы — хотя бы попыталась вырваться из царства Морфея. Но сейчас она не спит. Мы наяву.

Наяву.

Женщина говорила об этом с той же интонацией, с какой прораб утром объяснял расположение розеток. Очевидный факт, необходимый для продолжения разговора.

— Она прекрасно знает, что сделала, — отозвался чёрный.

— Знает, что отправила подругу домой. Остального она не понимает.

Аля переводила взгляд с одного на другую.

Брюнетка ещё раз осмотрела её лицо.

— Ты же видишь: она даже ответить тебе не может.

В его взгляде появилось раздражённое недоверие.

Женщина смерила его фигуру взглядом сверху вниз и скептически приподняла бровь.

— А ты зачем вообще явился в таком виде? Прекрасно можешь выглядеть нормально.

Чёрный повернул к ней голову.

— Я слишком зол.

— Это мы уже заметили.

— Настолько, что не могу держать себя в руках.

Он снова посмотрел на Алю.

— Если бы мог... разорвал бы эту дрянь прямо здесь.

Он даже не поднял руку.

Брюнетка выждала несколько секунд.

— Тогда исчезни туда, где тебе комфортно. Желательно на чердак.

Аля не сразу поверила, что женщина действительно приказала ему уйти. Таким существам не указывали на чердак, как недовольным родственникам, мешающим разговору.

Но он промолчал.

Его силуэт потемнел, потерял очертания и исчез.

Комната снова стала видна целиком.

Аля смотрела на место, где он только что стоял. Шкаф, край ковра, отражение в зеркале. Ни следа огромной чёрной фигуры.

Значит, и прежде они могли находиться вот так — посреди комнаты, в шаге от неё. Тогда, когда она включала свет, заглядывала под кровать, разглядывала себя в зеркале.

Аля вспомнила, как угрожала жандармерией, стоя под балками, и злилась на то, что её игнорируют.

Если бы она знала, кому именно предъявляет претензии...

Но дом она купила без приложенной инструкции о том, как разговаривать с рогатым жильцом и его подругой.

Брюнетка приблизилась. Аля выпрямилась у стены, пытаясь не дать ей зайти за спину, однако женщина двигалась так уверенно, словно любое расстояние между ними зависело только от её желания.

Прохладные пальцы коснулись волос. Ладонь опустилась на плечо.

Аля вздрогнула.

— Кто вы?

Голос наконец появился. Хриплый, слабый, но свой.

— И что здесь происходит?

Женщина поймала её взгляд в зеркале.

— Пока тебе этого знать не нужно.

Аля посмотрела на её отражение. Оно было чётким. Красивое лицо, тёмные волосы, рука на её плече. В зеркале они выглядели почти как две женщины, стоящие слишком близко друг к другу.

— Не нужно? — переспросила она. — В моём доме...

— Если хочешь и дальше спокойно засыпать и просыпаться здесь, тебе придётся кое-что для нас сделать.

Пальцы женщины оставались на её плече.

Аля очень хотела их сбросить. Пока не решилась.

— Что?

— Привести мужчину. И женщину.

Аля медленно повернула к ней голову.

— Каких?

Брюнетка снова перебрала прядь у её виска.

— Ты, конечно, нам подходишь. Но не настолько.

— Кому вам?

Ответа не последовало.

Вместо него женщина продолжила:

— И даже не думай, что сможешь просто собрать чемодан, уехать или выставить дом на продажу.

Аля почувствовала, как сжались мышцы живота.

Именно об этом она собиралась думать. Как только сможет выйти из комнаты, перестать дрожать, взять телефон.

— Почему?

— Не веришь? Попробуй.

Брюнетка наклонилась к её лицу, и Аля снова вспомнила голос возле уха. Теперь могла видеть, как произносятся слова, но легче от этого не становилось.

— Только помни: чёрный достанет тебя повсюду. Даже глубоко во сне.

Аля замерла.

— Он может переломать тебе рёбра и задушить там так же, как наяву.

Перед глазами возник каменный зал. Вязкий воздух, ноги, которые не слушались, рука возле горла.

Она не знала, был ли это он. Но знала, как страшно просыпаться, всё ещё чувствуя чужую хватку.

— Так что бежать тебе, Алька, по сути некуда.

Женщина убрала руку с её плеча.

— Откуда вы знаете моё...

Брюнетка исчезла прежде, чем Аля закончила вопрос.

Ещё мгновение — и в зеркале осталась только она сама. Бледная, с приоткрытым ртом, прижатая к стене.

Аля медленно повернулась, оглядела комнату.

Дверь всё ещё стояла открытой. За ней был виден коридор, дальше — поворот лестницы.

Можно уехать.

Нельзя перестать спать.

Она дошла до кровати и села. Некоторое время смотрела на пальцы, лежавшие на коленях. Те всё ещё мелко дрожали.

За окном стояла ночь.

Она взяла телефон.

На экране было сообщение Лины: «Долетела. Всё нормально».

Аля перечитала его. Ещё раз.

Подруга добралась.

Хотелось позвонить, услышать голос, спросить, как она себя чувствует. Но после сегодняшней ссоры и короткого сообщения Аля не решилась устраивать ещё один разговор среди ночи.

Написала: «Спасибо, что сообщила. Отдыхай. Завтра наберу».

Осталась сидеть с телефоном в руке.

Галлюцинация — слово ещё возникало в голове, но больше не успокаивало.

Она поднялась и закрыла дверь спальни.

Замок снова щёлкнул. Работал, как и раньше. Только теперь Аля знала, чего стоит эта защита.

Вернувшись к кровати, она положила телефон рядом и легла поверх покрывала.

Завтра нужно уходить.

Не рассуждать весь день, не выбирать плитку, не ждать ещё одного предупреждения. Собрать вещи и уехать. Сдать дом, продать, оставить стоять пустым — с этим она разберётся позже.

Брюнетка могла лгать.

Могла пугать именно потому, что не хотела её отпускать. Иначе зачем вообще объяснять, что побег бесполезен?

Аля ещё не проверяла, действительно ли он способен прийти к ней в другом месте.

Она повернулась на бок, подтянула покрывало.

До утра. Потом — чемодан и выход.

Закрывать глаза было страшно. Но она устала после дороги, после ссоры, после того, что происходило в комнате. Постепенно мысли начали путаться. Аля ещё видела свет от лампы сквозь веки, ещё пыталась перечислить, что нужно взять с собой.

Потом список исчез.

В полупрозрачном мареве сна к ней приближался мужчина.

Он шёл не спеша, с плавной, гипнотической грацией. Остановился вплотную и протянул раскрытую ладонь, словно без слов предлагая довериться ему. Не в силах сопротивляться этому зову, Аля вложила пальцы в его тёплую руку.

Мужчина поднёс её руку к губам и поцеловал.

Затем опустился перед ней на колени.

Начиная с пальцев и изгибов ступней, его губы и горячее дыхание поднимались по её ногам. Аля судорожно ахнула. От этой нежности по телу прокатилась волна восторга; ласки были настолько чувственными, что мысли растворились.

Поднявшись выше, он бережно стянул с неё бельё. Каждое прикосновение было наполнено жадным желанием, и Аля отдалась ему без остатка.

Его пальцы мягко и уверенно проникли внутрь, задавая плавный, тягучий ритм. Она подалась навстречу руке, ловя каждое движение. Мужчина ускорил темп, сочетая ласки пальцев с горячими касаниями языка, и Алю накрыл первый оргазм.

Но он не дал ей перевести дух.

Едва схлынула волна, как мужчина подхватил её на руки. Ноги Али обвились вокруг его бёдер. Одним плавным движением он вошёл в неё целиком и начал двигаться.

Наслаждение накрывало снова и снова. Одна волна сменяла другую без пауз и передышек. Аля потеряла счёт оргазмам — десять, двадцать... Казалось, этому не будет конца, будто тело непрерывно наполнялось электричеством и удовольствием.

Но стоило ей попытаться взглянуть сквозь пелену блаженства, наконец различить черты лица незнакомца, как его образ подёрнулся рябью и растаял.

Вместе с ним оборвался сон.

Аля открыла глаза и увидела знакомый потолок.

Она улыбалась.

Поняла это не сразу. Лежала, ощущая тепло внизу живота, вспоминала поцелуи, руки, собственные ноги, обхватившие его бёдра. И только потом осознала, насколько это не соответствует тому, что происходило вечером.

Ей угрожали.

Сейчас же чувствовала себя отдохнувшей и почти счастливой.

От этого стало не по себе.

Она села, провела ладонями по лицу. Нельзя позволять приятному сну отменить всё остальное.

Сны могли быть приятными и прежде. У Лины тоже были. Это не помешало тому, что Аля увидела потом.

Она посмотрела на телефон, перечитала короткое сообщение подруги и поднялась.

В ванной включила горячую воду. Некоторое время стояла под душем, давая себе окончательно проснуться. Мысли постепенно становились яснее. Нужно собрать чемодан, взять документы, найти жильё хотя бы на несколько ночей.

Ремонт можно остановить. Деньги, уже вложенные в дом, всё равно никуда не исчезнут оттого, что она ещё неделю проведёт здесь в страхе. А вот с ней самой за эту неделю может случиться что угодно.

Аля выключила воду, завернулась в полотенце и подошла к зеркалу.

Провела по запотевшему стеклу ладонью.

Замерла.

На неё смотрело собственное лицо — и в то же время не совсем то, к которому она привыкла.

Аля подалась ближе.

Привычные складочки возле глаз исчезли. Кожа выглядела гладкой, свежей, словно за одну ночь с неё сняли следы усталости последних лет. Черты стали отчётливее, щёки слегка порозовели.

Сначала она решила, что дело в воде и освещении.

Отступила, повернула голову, посмотрела сбоку.

Нет.

Улыбнулась, затем нахмурилась, наблюдая, как меняется отражение. Провела пальцами под глазами. Коснулась шеи.

Кожа была упругой.

Аля ослабила полотенце и опустила его ниже.

Грудь тоже изменилась. Стала выше, полнее, упруге — такой она помнила её гораздо раньше. Она знала собственное тело и перепутать такие вещи не могла.

Она медленно повернулась перед зеркалом.

Отражение повторило движение.

И первая, совсем непрощенная реакция была приятной.

Аля нравилась себе.

Сильнее, чем нравилась в последнее время. Захотелось расправить плечи, посмотреть ещё раз, убедиться, что всё действительно так. Она успела испытать эту радость — короткую, почти детскую — прежде, чем вспомнила седину у виска Лины.

В груди неприятно сжалось.

Подруга менялась в одну сторону.

Она — в другую.

Аля не знала, связано ли это. Не знала, что именно случилось ночью. Но стоять перед зеркалом и наслаждаться переменами стало невозможно.

Она подтянула полотенце и туго закрепила его.

Уходить.

Сейчас.

В спальне Аля распахнула шкаф, вытащила чемодан и принялась бросать внутрь вещи. Бельё, платья, свитер, косметичку. Не складывала — просто заполняла пространство, стараясь ничего необходимого не забыть.

Документы лежали отдельно. Она проверила их первой, положила в сумку. Там же были банковская карта и ключи от машины.

Найти комнату. Гостиницу. Что угодно.

Не нужно сразу решать судьбу всей недвижимости. Сначала провести одну ночь в другом месте и посмотреть, сможет ли он действительно туда добраться.

Аля потянулась за очередной вещью и увидела в дверях женщину.

Брюнетка стояла, прислонившись к косяку, и наблюдала за её сборами с ленивым интересом.

Аля замерла с блузкой в руках.

— Куда собралась?

Она заставила себя ответить:

— Отсюда.

На губах женщины появилась слабая улыбка.

— Выйти отсюда ты не сможешь.

— Вчера смогла. И сегодня дверь открывается.

— Он тебя не отпустит.

Аля сжала ткань в кулаке.

— Я сниму другое жильё.

— Ты ничего не поняла.

— Тогда объясни нормально.

Голос дрожал, но слова всё-таки складывались. Без чёрного существа перед глазами она могла говорить. Могла даже злиться.

Женщина посмотрела на раскрытый чемодан.

— И продать этот дом ты не сможешь.

— Это ещё почему?

— Видимо, невнимательно читала договор при покупке.

Аля медленно выпрямилась.

— Какой договор?

— Тот, который подписала у нотариуса.

— Ты приобрела особняк без права перепродажи. Неужели проглядела такую маленькую строчку?

Аля смотрела на неё, не веря услышанному.

Она читала документы. Задавала вопросы. Проверяла суммы и условия, потому что вкладывала в покупку основные сбережения. Не подписывала случайную бумажку за кофе, не ставила подпись на бегу.

Ничего такого она не помнила.

— Покажи.

Брюнетка приподняла бровь.

— Что?

— Эту строчку. Покажи мне, где она.

— Бумаги у тебя. Можешь перечитать.

Аля невольно посмотрела на папку с документами.

Неужели пропустила? Что-то неверно поняла, не заметила оговорки, доверилась тому, кому не следовало? Страх мгновенно начал подсовывать объяснения, в каждом из которых она оказывалась либо глупой, либо обманутой.

Но сказала это женщина, только что возникшая в её спальне.

Аля не обязана принимать её слова за установленный факт.

— Я разберусь с договором, — произнесла она. — Это не значит, что обязана жить здесь.

Улыбка брюнетки почти не изменилась.

— Он всё равно придёт к тебе.

— Ты уже говорила.

— Во сне, Аля.

Она помолчала, давая словам подействовать.

— Где бы ты ни спряталась.

Аля почувствовала, как пальцы ещё сильнее сжали блузку.

В памяти возникло вчерашнее лицо, когти, голос. Потом каменный зал. Холод возле горла после пробуждения.

— И когда он явится, — добавила брюнетка, — вряд ли будет так же терпелив, как вчера. Терпелив.

Аля посмотрела на неё с такой ненавистью, что та едва заметно усмехнулась.

— Все мои деньги здесь, — сказала Аля.

Она не собиралась жаловаться. Слова вырвались сами, когда взгляд упал на стены, шкаф, чемодан. Дом, ремонт, счета. Жизнь, которую она так старательно выстраивала.

— Знаю.

— Но я найду на комнату. Пусть всё это стоит пустым.

Брюнетка посмотрела на неё уже внимательнее.

— А эта ночь тебе совсем ничего не дала?

Аля промолчала.

Женщина скользнула взглядом по её лицу, шее, открытым плечам.

— Ты получила первую награду.

Утреннее зеркало всплыло в памяти с неприятной ясностью.

Значит, это сделала она? Или он? Значит, могли так просто изменить её тело, пока она спала, не спросив, хочет ли она этого?

Но ведь хотела.

Не именно этого вмешательства, не такой платы — а возможности снова выглядеть так. На мгновение в ванной Аля испытала радость, и теперь женщина будто смотрела прямо в это воспоминание.

— Если будешь выполнять условия, это станет только началом.

— Каким началом?

— Молодость. Красота. Деньги.

Брюнетка перечисляла неторопливо.

— Ты станешь богатой, Аля. Настолько, что перестанешь думать о стоимости каждой мелочи в этом доме.

Аля опустила взгляд на чемодан.

Угроза пугала.

Обещание тоже.

Потому что одной части её сознания очень хотелось спросить, сколько именно денег и насколько далеко можно вернуть время назад.

Аля разжала пальцы. Блузка упала на край чемодана.

— Как долго?

Женщина ответила сразу:

— Пять лет. Для начала.

— Пять лет?

— Дальше посмотрим. Возможно, решим, что можем тебя отпустить.

Аля медленно подняла голову.

Ей было тридцать восемь.

Пять лет — до сорока трёх. Пять зим, пять дней рождения, сотни вечеров, когда нужно будет ждать, чего они захотят.

А затем «посмотрим».

— А если к тому времени вам опять покажется мало?

— Не торопись так далеко заглядывать.

— Это моя жизнь.

Брюнетка посмотрела на неё без улыбки.

— Именно поэтому тебе стоит внимательно слушать.

Аля умолкла.

Ей нужно было узнать условия. Хотя бы понять, что именно от неё требуют, прежде чем соглашаться, спорить или искать способ нарушить их правила.

— Что я должна делать?

— Приводить людей. Мужчин и женщин.

— Каких? Кого именно?

— Решай сама. Главное, чтобы они переступали этот порог и оставались ночевать.

Лина. Жюльен.

— А дальше?

— Дальше тебя не касается.

— Что с ними будет?

— От тебя требуется выполнить свою часть.

Аля шагнула ближе, забыв на мгновение о страхе.

— Лина уехала другой. Я видела. Ты понимаешь, о чём я?

Женщина не отвела глаз.

И не ответила.

— Что вы с ней сделали?

— Она добралась домой, верно?

Аля почувствовала холод в животе.

Лина написала ей. Только ей.

— Ответь на вопрос.

— Тебе незачем знать, что происходит с гостями после того, как они засыпают.

Брюнетка говорила всё так же ровно, словно Аля не имела права задавать этот вопрос.

— Пока гости будут приходить, ты сможешь спать спокойно. Никаких кошмаров. Никаких чудовищ в спальне. Никаких попыток добраться до тебя.

Аля посмотрела на место возле стены, где стоял чёрный.

Вчера он требовал ответа.

Сегодня его отсутствие предлагали ей как награду.

— И ты продолжишь получать то, что уже попробовала, — добавила женщина.

Её взгляд задержался на лице Али.

— Молодость. Красоту. Деньги. До тех пор, пока соблюдаешь правила.

Несколько секунд они молчали.

Аля могла сказать «нет». Произнести это слово у неё бы получилось.

Только женщина не спрашивала, нравится ли ей предложение. Объясняла, как будет устроена её жизнь, если она хочет пережить следующую ночь.

И рядом с этим страхом существовало искушение. Маленькое, стыдное, слишком человеческое. Не думать о счетах. Не следить в зеркале за тем, как прибавляется усталость. Получить всё это ценой действий, смысл которых ей предлагают не выяснять.

Очень удобно не выяснять.

Особенно когда ответ заранее пугает.

Брюнетка отступила от косяка, словно собиралась закончить разговор, но остановилась.

— И последнее.

Аля устало посмотрела на неё.

— Что ещё?

— Больше никаких людей в твоей постели.

— Что?

— Секс у тебя может быть только со мной. Или с ним.

Аля смотрела на неё, не сразу находя ответ.

Потом посмотрела на кровать. На той самой стороне сидел Жюльен, застёгивая рубашку. Улыбался, спрашивал, увидятся ли они ещё.

— Он не потерпит соперников, — продолжила женщина. — И не станет тебя делить.

— Я его не выбирала.

Брюнетка чуть склонила голову.

— Теперь ты знаешь условие.

Аля стиснула зубы.

Её тело помнило ночной сон. Но это не означало, что она согласилась отдать этим двоим всю остальную жизнь. Возможность встретить человека, пригласить его, поцеловать — или не поцеловать. Решить самой.

Женщина посмотрела на неё пристально.

— Ты принадлежишь дому так же, как дом принадлежит тебе. И нам — так же, как мы принадлежим тебе.

Аля нахмурилась.

— Что значит — вы принадлежите мне?

Впервые за разговор прозвучало что-то, что не укладывалось в простое требование подчиниться.

Если это не просто издевательство, за словами могло скрываться что-то важное.

— Объясни.

Брюнетка отступила ещё на шаг.

— Ты слышала достаточно.

— Нет. Подожди.

Силуэт женщины подёрнулся рябью. Аля видела сквозь него коридор, свет на стене, открытую дверь соседней комнаты.

Через мгновение брюнетка исчезла.

Аля осталась возле чемодана.

Она долго смотрела в дверной проём.

«Мы принадлежим тебе».

Аля повторила это про себя.

Они почему-то хотели, чтобы она сама приводила людей. Не шли на улицу, не открывали дверь прохожим. Требовали от неё приглашений.

Но слова стоило запомнить.

Аля подошла к кровати и села рядом с раскрытым чемоданом.

Потом подняла блузку.

Медленно повесила её обратно в шкаф. Следом платье, свитер. Разложила бельё.

Каждое движение ощущалось как уступка.

Аля не собиралась называть это добровольным решением.

Но и делать вид, что деньги и молодость совсем её не задели, тоже не могла.

Папку с договором она из сумки не убрала. Положила отдельно на стол. Разобраться в ней всё равно нужно. Если брюнетка врёт хотя бы в одном, это будет иметь значение.

Когда Аля потянулась за последним платьем, возле уха прозвучал мужской голос:

— Время у тебя до завтра.

Она застыла.

— Люди нужны уже завтра ночью.

Платье выскользнуло из пальцев.

Аля обернулась.

Никого.

На этот раз она не стала проверять за дверью или искать отражение в зеркале.

До завтра.

Аля посмотрела на упавшее платье. Поднимать его не было сил.

Где взять мужчину и женщину, которые согласятся ночевать здесь? Как объяснить приглашение? И главное — что случится, когда они уснут?

Аля обхватила себя руками.

Что, если однажды утром гость не проснётся? Если ей придётся зайти в комнату и обнаружить последствия того, о чём сейчас запрещают спрашивать?

Дом с садом. Гостиные спальни. Улыбчивая хозяйка.

И трупы под яблонями.

От этой мысли её передёрнуло.

— Нет. Вот этого не будет.

Сказала тихо, но отчётливо.

Взгляд невольно поднялся к потолку.

Они слышали её и раньше. Пусть услышат теперь.

Ответа не последовало.

Аля опустилась на край кровати и закрыла лицо руками. Ещё недавно она выясняла у рабочих, когда можно будет нормально жить в доме. Теперь ей объяснили: нормально — это если каждую ночь здесь остаются чужие люди.

Она привезла Лину, потому что нуждалась в подруге. Жюльена — потому что хотела его видеть.

Следующих гостей ей предстояло позвать, уже зная, что в этом доме есть кто-то ещё.

И что приглашение нужно именно ему.

Аля сидела неподвижно, слушая, как далеко внизу щёлкнула старая доска.

До завтра.

Глава 7. Цена гостеприимства

Алька долго бродила по комнатам, то останавливаясь у окна, то возвращаясь к лестнице. В кабинете оставался раскрытый чемодан. На столе лежали документы на дом.

Она села и снова перелистала договор. Прямого запрета перепродажи, которым её припугнула брюнетка, Аля так и не нашла. Несколько формулировок требовали пояснений.

От этого стало немного легче.

Совсем немного. Мужчина, способный появиться посреди запертой спальни, вряд ли собирался судиться с ней за нарушение договора.

Аля сложила бумаги обратно. Их следовало показать нотариусу, задать вопросы, получить внятный ответ. Только нотариус не мог обеспечить ей безопасную ночь. До завтра она должна была найти мужчину и женщину, согласных остаться под этой крышей.

Двух совершенно посторонних людей.

Взгляд скользнул по дверям гостевых спален, и Аля замерла.

— А что, если...

Туристы.

Люди, которые путешествуют налегке, меняют города, ищут ночлег и потом спокойно едут дальше. Она ведь сама когда-то читала о площадках, где местные жители принимали у себя приезжих. Бесплатно, ради знакомства, разговоров, возможности однажды так же остановиться у кого-нибудь в другой стране.

Каучсёрфинг.

В их городке туристов хватало. Летом на узких улицах постоянно останавливались машины с чужими номерами, возле старых фасадов фотографировались пары, по вечерам приезжие заглядывали в кафе с картами на экранах телефонов. Кому-то наверняка требовалась комната на одну ночь.

А у неё пустовали две.

Аля подошла к компьютеру. Открыла сайт, нашла раздел для хозяев жилья, начала читать условия. С каждым новым полем анкеты задача приобретала почти успокоительный, деловой вид. Адрес. Описание дома. Количество спальных мест. Возможные даты.

С этим она справлялась.

Никого не пришлось бы хватать за рукав на улице и заманивать непонятно чем. Люди сами искали ночлег. Сами выбирали бы её предложение. Она встретила бы их, накормила, дала чистую постель...

Пальцы остановились над клавиатурой.

Лина тоже приехала сама.

Аля откинулась на спинку кресла и потёрла лицо. Перед глазами сразу возникла седая прядь у виска подруги. Вчерашняя ссора. Её обиженный взгляд перед отъездом.

«Но Лина прожила здесь неделю. А эти останутся на одну ночь».

Мысль была удобной. Слишком удобной, чтобы ей безоговорочно верить. И всё же Аля ухватилась за неё. Жюльен уехал довольным, отдохнувшим, она не заметила в нём ничего странного. Может быть, дело действительно в сроке? Может быть, брюнетке и её спутнику достаточно чужого присутствия, а подругу она просто слишком долго держала в доме?

Пока оставалось хотя бы одно такое «может быть», нажать нужную кнопку было легче.

Она зарегистрировалась на нескольких площадках и составила объявление. Просторный старинный дом. Тихий городок. Две гостевые спальни. Можно остановиться одному или вдвоём. Ночлег бесплатный, на одну-две ночи.

Аля перечитала последнюю строчку и исправила: на одну ночь.

Потом добавила про ванную, возможность пользоваться кухней и сад. На фотографиях дом получился красивым — светлые окна, зелень, дорожка к крыльцу. Чужому человеку здесь наверняка захотелось бы задержаться.

Под описанием она начала печатать: «Никаких скрытых условий...»

Посмотрела на слова и стёрла их.

— Ну да. Искреннее радушие хозяйки, — проговорила Аля. — Ещё тапочки с логотипом чердака предложить.

Смешно не стало.

Она отправила объявления и осталась сидеть перед экраном. Формально первый шаг был сделан. Возможно, никто не ответит. Возможно, свободные путешественники уже нашли себе других гостеприимных идиотов с домами.

С одной стороны, Аля очень на это надеялась.

С другой — сверху мог в любой момент спуститься тот, кому она обещала результат.

Она поднялась, пошла на кухню, проверила воду у хомяка. Тот деловито копался в подстилке и на человеческие трудности не отвлекался. Аля насыпала ему корм, вымыла чашку, поставила чайник. Потом вернулась к компьютеру и обновила страницу.

Ничего.

Ещё через два часа телефон звякнул.

Семейная пара искала ночлег на сегодняшний вечер. Они ехали на автомобиле, могли добраться к сумеркам и спрашивали, не слишком ли поздно написали.

Мужчина. Женщина. Одна ночь.

Аля прочитала сообщение дважды.

Слишком быстро. Слишком точно.

Она невольно подняла голову к потолку. Там было тихо. Впрочем, тишина уже ничего не доказывала.

В профиле гостей нашлись фотографии из поездок и отзывы прежних хозяев. Обычная пара. Никакой загадки, которую можно было бы заметить заранее. На одном снимке женщина смеялась, прижимая к груди бумажный пакет с выпечкой. На другом её спутник стоял у машины и держал развёрнутую карту вверх ногами.

Аля зачем-то увеличила этот снимок.

Потом закрыла.

«Да, конечно. Буду рада вас принять».

Пока сообщение не ушло, его ещё можно было удалить. Вместо этого она нажала отправку, следом переслала адрес и объяснила, как найти ворота.

Ответ пришёл сразу: благодарность, время приезда, улыбающийся значок.

В дом действительно ехали люди.

Теперь следовало готовить комнату.

Аля сорвала бельё с постели, хотя оно оставалось чистым. Достала другой комплект, долго расправляла простыню, взбивала подушки. Протёрла тумбочки. Разложила полотенца. Проверила кран в ванной и замок на двери.

На замке задержалась.

Для кого он здесь вообще существовал?

Она повернула ключ, потянула ручку, открыла обратно. Механизм работал исправно. Это не помешало бы брюнетке войти сквозь воздух. Мужчине — появиться у кровати.

Аля положила ключ на тумбочку так, чтобы гости сразу его увидели.

Делать что-то руками было необходимо. Стоило остановиться, и мысль неизбежно возвращалась к ночи: что произойдёт, когда они уснут? Будут ли они слышать те же голоса? Увидят ли чёрную фигуру? Проснутся ли утром такими, какими приехали?

Она ещё раз разгладила покрывало и спустилась готовить ужин.

Весь день ей хотелось потребовать у брюнетки хотя бы одного обещания. Чтобы никто не умер. Чтобы никому не сделали больно. Аля дважды останавливалась у подножия лестницы на чердак, собираясь позвать её, но так и не решилась.

Услышать отказ было страшнее, чем продолжать надеяться.

* * *

Гости позвонили, когда ужин был почти готов.

— Мы у ваших ворот.

— Сейчас выйду.

Аля выключила плиту, вытерла руки и задержалась у зеркала в прихожей. После утреннего омоложения лицо по-прежнему выглядело непривычно свежим. Ни следов недосыпа, ни тревоги. Глядя на неё, никто бы не догадался, чем она занималась последние несколько часов.

Удобно устроено.

Она вышла во двор.

Возле ворот стояла запylённая машина. Мужчина лет сорока доставал из багажника сумку. Его спутница расправляла затёкшую спину и с интересом рассматривала дом.

— Добрый вечер! — сказала Аля. — Вы быстро нас нашли?

— Да, спасибо, вы всё понятно объяснили.

Женщина протянула руку и назвала себя, мужчина представился следом. Аля ответила, улыбнулась и тут же поняла, что от волнения почти не запомнила имён.

Они были настоящими. Не фотографиями в профиле и не подходящей под требование парой. У женщины чуть сторел нос, на пальце мужчины виднелся след от недавно снятого кольца. После долгой дороги им хотелось умыться, вытянуть ноги, поесть.

— Как у вас красиво, — сказала гостья, проходя по дорожке. — И тихо.

— Да. С этим здесь... всё хорошо.

Аля открыла входную дверь, пропустила их и на мгновение задержала ладонь на ручке. Потом закрыла за собой.

Мужчина поставил сумку и спросил, снимать ли обувь.

Этот вопрос едва не заставил её рассмеяться.

— Как вам удобно. Проходите, я покажу комнату.

Они поднялись на второй этаж. Аля открыла гостевую, объяснила, где ванная, показала полотенца. Женщина сразу подошла к окну, мужчина осторожно поставил сумку на пол, подальше от светлого покрывала.

— Ключ на тумбочке, — сказала Аля. — Если хотите, можете запереть дверь на ночь.

— Спасибо. У вас очень уютно.

Она кивнула и уже на пороге добавила:

— Я приготовила ужин. Присоединитесь?

Гости переглянулись.

— С удовольствием. Только руки вымоем.

— Конечно. Я буду внизу.

Спускаясь, Аля провела ладонью по перилам. Из гостевой доносился голос женщины: она что-то говорила мужу о саде. Тот отвечал вполголоса, возился с молнией сумки. Они обживались, устраивались на одну короткую ночь.

Аля накрыла стол на троих.

За ужином стало легче. Гости оказались разговорчивыми, без той назойливой общительности, от которой хочется немедленно уйти в соседнюю комнату. Они путешествовали по Европе на машине, старались выбирать небольшие дороги и городки. До Франции целый месяц ездили по Германии. Теперь собирались добраться до Марселя, а потом возвращаться домой, в Карелию.

Мужчина открыл карту на телефоне и подвинул его к Але. Экран пестрел отметками.

— Вот здесь мы задержались на три дня. Думали, на один, но жена нашла озеро.

— А ты нашёл рыбака, с которым два часа разговаривал на смеси русского, немецкого и жестов, — заметила его спутница.

— Мы прекрасно поняли друг друга.

— Особенно когда он объяснял, что рыбу здесь ловить нельзя.

Аля невольно улыбнулась.

— Ничего себе маршрут. Вы уже пол-Европы объехали.

— Пока скромную половину, — ответила женщина. — Мы не торопимся. Когда ещё получится выбраться так надолго?

Они рассказывали о дороге, о маленьком семейном кафе, которое едва не проехали, о ночлеге с невероятно скрипучей кроватью. Аля слушала, подкладывала еду и постепенно включилась в разговор. Ей нравилось, как они перебивают друг друга: без раздражения, с привычной уверенностью, что сейчас дадут договорить.

Обычная близость людей, проживших вместе достаточно долго.

Она вдруг подумала, что завтра утром они продолжат путь. Будут спорить, где завтракать, выбирать поворот, фотографировать очередную башню. У них останется это путешествие, фотографии и воспоминание о красивом доме с русской хозяйкой.

Пусть только так и будет.

— Вы давно здесь живёте? — спросила женщина.

— Недавно. Ещё привыкаю.

— Одной в таком доме не страшно?

Аля взяла чашку, чтобы выиграть секунду.

— Иногда.

— Вам собаку надо, — уверенно сказал мужчина.

Она посмотрела на него и неожиданно хмыкнула.

— Боюсь, обычной собаки здесь не хватит.

Гости засмеялись. Шутка получилась вполне хозяйской: большой дом, большой пёс, понятные всем хлопоты. Аля улыбнулась вместе с ними и отпила уже остывший чай.

После ужина женщина предложила помочь с посудой. Аля отказалась, проводила их до лестницы и напомнила, где включается свет в коридоре.

— Если что-нибудь понадобится, позовите меня. Я напротив.

— Спасибо вам. Правда, очень выручили.

Она подождала, пока они поднимутся, и вернулась на кухню.

На столе остались две чашки, крошки хлеба, сложенная салфетка. Аля убирала медленно, прислушиваясь к потолку. Сначала шумела вода. Потом скрипнули половицы. Приглушённые голоса постепенно стихли.

Она закончила с посудой и тоже пошла наверх.

В своей комнате оставила халат у кровати, телефон положила экраном вверх. Легла, выключила бра.

Ночь началась.

Аля лежала на спине и слушала. От слишком долгого ожидания даже дыхание казалось громким. Она то задерживала его, то с раздражением выдыхала и меняла положение, стараясь устроиться так, чтобы сразу встать.

Что именно она собиралась делать, если из соседней спальни закричат, лучше было не представлять. Бежать туда с настольной лампой? Требовать от рогатого исполина немедленно прекратить? Звонить в полицию и объяснять, что в комнате бесплатного ночлега завёлся демон?

Но остаться лежать она бы не смогла.

Прошло минут двадцать. Потом ещё столько же.

Дом молчал.

Аля села, накинула халат и вышла в коридор. Половица возле её двери тихо отозвалась под ногой. Она замерла, переждала и пошла дальше.

Гостевая дверь осталась приоткрытой. Ключом никто не воспользовался.

Аля остановилась сбоку, не заглядывая внутрь. Прислушалась.

Из спальни донёсся храп.

Низкий, уверенный, совершенно человеческий. Он на секунду прервался, кровать скрипнула, женщина сонно пробормотала что-то мужу. Тот затих, а потом начал снова, чуть тише.

Аля прижала ладонь ко рту.

Ей хотелось заплакать от облегчения. И одновременно — рассмеяться над собой, крадущейся по собственному дому в ожидании кровавой расправы, пока люди по ту сторону двери всего лишь пытаются выспаться.

Она осторожно отступила.

Криков не было. Борьбы тоже. Возможно, они вообще ничего не почувствуют. Возможно, утром всё окажется нормально.

Вернувшись в постель, Аля ещё некоторое время смотрела в потолок. Храп не давал ответа на её вопросы, она это понимала. Но сейчас ей очень нужно было принять его за добрый знак.

В конце концов усталость оказалась сильнее.

Она уснула.

* * *

Утро было солнечным.

Аля проснулась без привычного рывка, без чужих рук, голоса или прикосновения, задержавшегося на коже после сна. За окном шумели листья. Телефон лежал там, где она оставила его вечером.

Она прислушалась к себе.

Ничего.

Обычная ночь. Наконец-то.

На кухне Аля поставила чайник, достала кофе и открыла окно. Пока вода нагревалась, проверила сообщения. Лина больше не писала. Позвонить ей следовало сегодня — Аля сама обещала. После завтрака, когда гости уедут, можно будет спокойно поговорить.

Она взяла три чашки. Подумала, чем накормить путешественников, и как раз наливала себе кофе, когда на лестнице послышались шаги.

Гости появились с сумками, уже одетые в дорогу.

— Доброе утро! — Аля обернулась. — Вы так рано?

— Да, решили выехать пораньше, пока дороги свободнее, — ответил мужчина.

— Я думала, вы позавтракаете. Хотя бы кофе?

Женщина виновато улыбнулась.

— Спасибо вам огромное, но мы по пути остановимся. Уже собрались, пока опять всё не растеряли.

Она слегка приподняла сумку, мужчина проверил карман с ключами.

— Хорошо спали? — спросила Аля.

— Замечательно.

Ответ прозвучал так просто, что у неё отлегло от сердца.

— Тогда хорошей вам дороги. Я провожу.

Она пошла впереди, открыла дверь и отступила, пропуская гостей. Утреннее солнце легло женщине на лицо.

Аля перестала улыбаться.

У глаз гостьи собралась тонкая частая сеточка морщин. Глубокие складки обозначили уголки рта. В тёмных волосах блеснула седая прядь.

Вчера её не было.

Аля перевела взгляд на мужчину. Он стоял рядом и надевал тёмные очки, поэтому она успела увидеть глаза, тяжёлые веки, изменившуюся кожу. Лицо стало старше. Намного.

Лет на десять.

Оба.

— У вас всё хорошо? — спросила женщина.

Аля отступила, словно гостья подошла слишком близко.

— Вы... себя нормально чувствуете?

— Да. А что?

Та обернулась к мужу. Он с недоумением пожал плечами.

Ни один не испугался. Они смотрели друг на друга и ничего не замечали — точно так же, как Лина смотрела на собственное отражение.

Аля облизнула пересохшие губы.

— Просто... вы ещё с дороги. Я подумала, может, устали.

— Так мы же отдохнули! — Мужчина улыбнулся. — Спасибо вам за это.

Она могла бы сказать им сейчас. Про лица, про седину, про подругу. Попросить вернуться в прихожую и посмотреть в зеркало. Только Лина уже смотрела. Аля помнила, с каким удивлением та перебирала волосы и не понимала, чего от неё хотят.

Ещё одна попытка объясниться удержала бы этих людей здесь. А ей вдруг до боли захотелось, чтобы они немедленно вышли за ворота.

Пока можно.

Гостья коснулась её руки.

— Вы и сами берегите себя. С таким домом хлопот, наверное, полно.

Аля кивнула.

Они прошли по дорожке, убрали сумки в багажник. Женщина помахала ей перед тем, как сесть. Мужчина завёл двигатель.

Аля стояла в дверях, пока машина не скрылась за поворотом.

Потом закрыла дверь и прислонилась к ней спиной.

Кофе остыл на кухонном столе. Две чистые чашки так и остались рядом с её чашкой. Наверху ждала пустая комната, в которой всего за несколько часов произошло то, на что с Линой понадобилась неделя.

Значит, одной ночи было достаточно.

Никакой безопасной короткой остановки она не придумала.

— Ох, боже мой...

Аля закрыла рот ладонью. Храп. Она услышала храп и позволила себе успокоиться. Решила, что если никто не кричит, значит, всё в порядке.

И крепко проспала до утра.

В горле встал комок. Несколько секунд Аля пыталась его проглотить, а потом оттолкнулась от двери и пошла на кухню.

Страх никуда не делся. Только теперь под ним было столько злости, что молчать стало невозможно.

— Ты, чёртова сука!

Голос ударился о потолок. В клетке зашуршал перепуганный хомяк.

Аля вцепилась в край стола.

— Ты меня слышишь?! Вылезай!

Тишина.

— Я видела их лица! Что вы с ними сделали?

Она запрокинула голову, глядя туда, где над перекрытиями прятался чердак.

— Хватит отмалчиваться. Я привела вам людей. Выполнила ваше условие. Теперь объясни, что происходит!

Никто не ответил.

Аля схватила телефон, открыла своё объявление и выключила приём новых заявок на ближайшие даты. Потом сделала то же на второй площадке. Пальцы дрожали, она дважды промахнулась по нужной кнопке.

— Больше никого. Слышишь? Пока ты не объяснишь, сюда никто не придёт.

Произнести это оказалось легче, чем удержать телефон в руке после сказанного. В памяти сразу возникли чёрная кожа, рога, тяжёлая поступь в спальне. Аля положила телефон на стол, чтобы не было видно дрожи.

Но слов не забрала.

— Лина уехала такой же. Я не знала, что с ней. А эти... они даже не заметили! Смотрели друг на друга и ничего не видели!

В глазах защипало. Она зло вытерла щёку тыльной стороной ладони.

— Я не буду таскать сюда людей вслепую. Вылезай и разговаривай со мной.

Брюнетка возникла возле стола.

Аля вздрогнула, отшатнулась и тут же выпрямилась. Женщина выглядела раздражённой. Прикрыла рот ладонью, зевнула.

— Какого хрена ты разоралась?

От её сонного недовольства хотелось швырнуть в стену чашку.

— Что вы делаете с людьми?

— Узнаешь.

— Сейчас.

Брюнетка посмотрела на неё без всякого интереса.

— Я объясню. И покажу. После того как ты ещё несколько раз приведёшь гостей.

— Они постарели за ночь!

— Ты слишком много кричишь.

— А ты слишком мало отвечаешь!

Они замолчали. Аля слышала собственное дыхание. Женщина больше не зевала, но это почему-то не обнадеживало.

— Ты будешь их приводить, — сказала она.

— Я закрыла объявления.

— Откроешь.

— А если откажусь?

Брюнетка чуть склонила голову, будто вопрос и вправду требовал размышления. Потом произнесла:

— Ты не откажешься.

Тихо. Уверенно. Без необходимости повторять вчерашние угрозы.

Аля почувствовала, как ногти впиваются в ладони.

— Мне хотя бы нужно знать, что они не умрут, как только выедут из города.

— Перестань придумывать то, чего не видела.

— Я видела достаточно.

Брюнетка усмехнулась.

— Поверь, нет.

Аля ждала продолжения. Объяснения. Хоть чего-нибудь, за что можно было бы зацепиться. Женщина выдержала паузу и совершенно другим тоном добавила:

— А пока иди за наградой.

— Какой ещё, к чёрту, наградой?

— Одевайся. Пойдёшь в табачный магазин, где принимают ставки. Сегодня будут скачки. Несколько секунд Аля просто смотрела на неё.

— Ты издеваешься?

— Поставишь полторы тысячи евро на двенадцатую лошадь в четвёртом заезде.

— Я у тебя про людей спрашиваю.

— А я тебе отвечаю про деньги. Ты ведь и их хотела.

Аля прикусила губу. Деньги ей были нужны. После покупки дома и ремонта запас сократился до неприятного остатка. Полторы тысячи составляли почти весь резерв, который она берегла на случай срочных расходов.

Поставить его на лошадь.

По совету существа, которое только что отказалось объяснить, что произошло с её гостями.

— А если она не выиграет?

Брюнетка медленно повернула к ней голову.

— Выиграет.

— Откуда ты знаешь?

— Я, по-моему, уже всё сказала.

Аля ненавидела этот тон. Больше всего — за то, что он действовал. Под ним привычные язвительные ответы застревали в горле, а тело вспоминало, как опасно здесь спорить.

Она отвела взгляд первой.

Брюнетка довольно улыбнулась.

— Вот и хорошо.

Ещё мгновение — и возле стола никого не осталось.

Аля стояла неподвижно, глядя на пустое место. Потом взяла чашку, вылила холодный кофе в раковину и долго держала руки под водой.

Ответа она так и не получила.

Зато теперь знала номер лошади.

* * *

Перед выходом Аля позвонила Лине.

Она уже собиралась сунуть телефон в сумку, когда вспомнила обещание. Нельзя было опять отложить разговор. После того, как сама выставила подругу из дома, продолжать прятаться за дела было бы совсем подло.

Лина ответила не сразу.

— Привет.

По голосу ещё чувствовалась обида.

— Привет. Как добралась?

— Я же написала. Нормально.

— Я видела. Хотела услышать тебя.

На другом конце помолчали. Аля стояла у окна в прихожей, прижимая телефон к уху и глядя на пустую дорожку за стеклом.

— Ты сама-то как? — наконец спросила Лина.

— Разбираюсь.

— С ремонтом?

Аля закрыла глаза.

— И с ним тоже.

Она не могла сейчас рассказать всё. Даже не знала, с чего начать.

— Прости меня за вчера, — сказала она. — Я очень плохо всё устроила.

Лина вздохнула.

— Ты могла просто сказать, что хочешь побыть одна. Зачем было ждать до последнего и выпроваживать меня чуть ли не с чемоданом в руках?

— Могла. Прости.

— Ладно. Я уже дома.

В её голосе стало меньше холода. Лина рассказала, как долго ждала багаж, пожаловалась на духоту в дороге. Говорила привычно, иногда усмехалась. Никаких жалоб на здоровье, никакого испуга. Аля слушала, цепляясь за каждую обыденную подробность.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

— Да. Господи, Аль, что ты всё спрашиваешь?

— Волнуюсь.

— Вот и прекращай. Я живая, целая. Лучше сама отдохни. У тебя голос какой-то...

— Не выпалась.

На этот раз ложь далась особенно противно: она-то как раз выпалась прекрасно.

Они поговорили ещё несколько минут. Перед тем как попрощаться, Аля сказала, что позвонит снова. Лина ответила: «Звони» — уже без прежней сухости.

Связь оборвалась.

Аля опустила телефон. Подруга была дома. Разговаривала, строила планы, сердилась на неё.

Она убрала телефон в сумку. Проверила паспорт, банковскую карту, ключи. Налила воды хомяку с запасом, задержалась у клетки.

— Ты хотя бы никого не приглашай, пока меня нет.

Хомяк умывался, сидя на задних лапках, и выглядел так, будто сомнительные знакомства заводила здесь исключительно хозяйка.

Аля закрыла за собой дверь.

На улице было тепло. Возле соседнего дома человек поливал цветы. По дороге проехал велосипедист. До табачного магазина можно было дойти пешком, и она пошла медленно, стараясь привести мысли в порядок.

Пока брюнетка стояла перед ней, приказ о ставке казался продолжением угроз. Теперь, за воротами, у него появилась другая сторона.

Если лошадь действительно выиграет, у Али будут деньги.

Не обещанные когда-нибудь. Настоящие.

С ними можно снять жильё, уехать, оплатить дорогу. Отказаться от особняка хотя бы на время. Она ведь уже выходила из него без всяких последствий. Ездила в магазины, провожала Лину. Двери не удерживали её постоянно.

Брюнетка уверяла, что мужчина найдёт её и вне дома. Но пока Аля знала это только с её слов.

«Ты не откажешься».

Так говорят тому, чьего отказа не хотят допустить.

Аля прибавила шаг.

В табачном магазине принимали ставки и подавали кофе. Над стойкой висел телевизор. Несколько посетителей уже рассматривали таблицу участников, переговаривались, спорили о фаворитах.

Она уточнила номер заезда и нашла двенадцатую лошадь.

Коэффициент восемнадцать.

Аля пересчитала в уме и тут же сделала это ещё раз на телефоне.

Двадцать семь тысяч евро с полутора тысяч.

Слишком большая сумма, чтобы не соблазниться. И слишком маленький у неё оставался запас, чтобы спокойно рисковать.

Она постояла у стойки, пропуская вперёд мужчину, который пришёл купить сигареты. Потом ещё одного. Кассир вопросительно посмотрел на неё.

— Вы выбрали?

Аля назвала заезд, номер и сумму.

Сказала быстро, пока не передумала.

Кассир переспросил, верно ли понял размер ставки. Несколько человек рядом обернулись. Аля почувствовала себя особенно умной: мало ей демонов в купленном доме, теперь ещё и последние свободные деньги решила скормить лошади.

— Да. Всё верно.

Вскоре у неё в руках оказалась квитанция. Она отошла в дальний угол, заказала кофе и села так, чтобы видеть экран.

Бумага была лёгкой, почти невесомой. Альке хотелось, чтобы она хотя бы выглядела на полторы тысячи евро.

На экране показывали подготовку к старту. Французский комментатор быстро перечислял участников. Аля узнавала отдельные слова и ловила номер двенадцать, как если бы от этого зависело, заметят ли её лошадь вообще.

Кофе принесли, но она к нему не притронулась.

Стартовые боксы открылись.

Лошади рванули вперёд, почти сразу сбившись в плотную группу. В баре заговорили громче. Один из завсегдатаев поднялся со стула, чтобы лучше видеть.

Двенадцатый номер отстал уже на первом повороте.

Аля наклонилась к экрану. Рослый гнедой жеребец шёл позади, будто происходящее его не слишком занимало. Впереди боролись шестой и девятый. Между ними и её ставкой оставалось слишком много чужих спин.

«Господи, какая же я дура».

Она сжала квитанцию. Весь запас на срочный ремонт, лекарства, дорогу — туда. На лошадь, которую видела впервые в жизни. По указанию женщины, не удосужившейся назвать даже собственного имени.

Хотелось встать и уйти, не дожидаясь конца. Но Аля осталась сидеть.

На последнем вираже девятый неожиданно вильнул в сторону. Шестой потерял ритм. Жокее за ними натянули поводья, пытаясь избежать столкновения, и по внутренней бровке открылся просвет.

Туда ворвался двенадцатый.

Аля выпрямилась.

Гнедой прибавлял с каждым движением, словно вся предыдущая дистанция была ему нужна лишь для разгона. Обошёл одного соперника, второго, вышел вперёд. Комментатор выкрикивал его номер. Люди вокруг уже стояли.

Финишную черту двенадцатый пересёк первым, опередив ближайшего преследователя на корпус.

— Et c'est le douze!

В баре кто-то выругался. Мужчина у стойки всплеснул руками, его сосед сердито засмеялся.

Аля не двигалась.

На экране повторяли последние секунды. Гнедой снова выходил в просвет, снова обогнал, снова побеждал. Она смотрела и чувствовала, как начинают дрожать колени.

Двадцать семь тысяч.

Брюнетка не солгала про лошадь.

Мысль была радостной и страшной одновременно. Если женщина могла знать такое заранее — или устроить победу, — что мешало ей с той же уверенностью говорить и обо всём остальном?

Аля заставила себя подняться.

У стойки ей подтвердили выигрыш, объяснили порядок получения крупной суммы. Пришлось достать паспорт, ответить на вопросы, оформить необходимые бумаги. Всё это заняло время. Аля слушала внимательнее, чем когда покупала дом: сейчас ей было необходимо понять каждую деталь.

Выигрыш не превратился мгновенно в пачки купюр. Но он был подтверждён, оформлен на её имя и уже не зависел от того, пожелает ли брюнетка исполнить обещание завтра.

Аля сложила документы в сумку, отдельно от смятой квитанции.

Двадцать семь тысяч евро.

На гостиницу и такси у неё хватало и сейчас. А с такими деньгами впереди можно было позволить себе гораздо больше одной ночи вне дома.

Она вышла на улицу и остановилась у стены, пропуская людей.

Возвращаться сегодня она не будет.

Решение пришло без прежних долгих уговоров. За весь день ей не удалось добиться ни одного прямого ответа о гостях. Брюнетка предложила деньги — и Аля их взяла. Но отсюда не следовало, что она обязана послушно явиться обратно и снова открыть объявления.

Можно попробовать.

Риск был. Она помнила угрозу слишком хорошо. Однако оставаться означало заранее принять всё: чужое старение, молчание, приказ на каждую следующую ночь.

Аля открыла приложение и вызвала машину до гостиницы.

Пока такси ехало, она нашла свободный номер, проверила стоимость. Затем ещё раз посмотрела на документы о выигрыше. Хватит на аренду, на переезд, на время, чтобы придумать что-нибудь лучше. Дом пусть стоит. Одежда подождёт. Чемодан тоже.

Хомяк...

При мысли о нём она поморщилась. Воды и корма оставила достаточно. Если ночь пройдёт спокойно, завтра можно вернуться днём, забрать клетку и необходимые вещи. Или попробовать кого-нибудь сопроводить её. Решать это следовало после первой проверки.

Сегодня она хотя бы попробует уснуть в другом месте.

Подъехало такси.

Аля села сзади, назвала гостиницу и только после этого выдохнула. Водитель спросил, не слишком ли сильно работает кондиционер. Она ответила, что всё хорошо, и откинулась на сиденье.

За окномплыли знакомые улицы. Люди с покупками. Терраса кафе. Чужие окна, за которыми жили без договоров с обитателями чердака.

Паспорт был при ней. Телефон тоже. Объявления закрыты.

Никого нового в дом она сегодня не приведёт.

* * *

В гостинице пахло чистым бельём и кофе.

Аля получила ключ, поднялась на лифте и вошла в номер. Небольшая кровать, стол, телевизор, плотные шторы. Ванная за обычной дверью. Соседний номер отделяла стена, за которой негромко разговаривали люди.

Она опустила сумку на стол.

Несколько минут просто ходила по комнате, рассматривая всё с нелепой благодарностью. Проверила замок. Заглянула в шкаф. Открыла воду в ванной.

Здесь нечему было придавать зловещий смысл. Потёртость возле выключателя оставалась потёртостью. Шум в трубах — шумом в трубах. За дверью прошли люди, посмеялись, остановились у лифта.

Аля прислушалась, потом села на край кровати.

В голове всё ещё звучало: он найдёт её во сне.

Пока она не уснёт, проверить это невозможно.

Она достала телефон и посмотрела, где находится стойка регистрации относительно её этажа. Запомнила номер для связи с администратором. Положила аппарат возле подушки. Приоткрыла шторы: ей хотелось, чтобы утром здесь сразу было светло.

Это были мелочи. Но сегодня у неё оставались только мелочи, которыми она могла распоряжаться сама.

Аля долго стояла под душем. Вода стекала по спине, смывала пот, успокаивала натянутые мышцы. Она наклонила голову, опёрлась ладонями о стену и наконец позволила себе не следить за каждым звуком.

Когда вышла, за окном уже темнело.

Она поела, ответила на несколько обычных сообщений, ещё раз проверила подтверждение выигрыша. Новые письма с площадок путешественников не открывала: часть запросов успела прийти до того, как она закрыла даты. Сейчас эти письма означали чужие лица, которым она не хотела придумывать оправданий.

В постели Аля включила телевизор.

На экране спорили участники какого-то французского ток-шоу. Ведущий пытался вклиниться в разговор, публика смеялась. Она почти не понимала, из-за чего шум, но оставила передачу. Человеческие голоса помогали.

Аля легла на бок, натянула одеяло до плеч.

На секунду ей представилось, что утром она просто проснётся. Спустится завтракать, выпьет кофе. Позвонит нотариусу, вернётся за хомяком. Найдёт квартиру подальше отсюда. И постепенно сумеет вспоминать эту историю как кошмарный, но закончившийся отрезок жизни.

Мечта была совсем небольшой: обычное утро в обычном номере.

Она закрыла глаза.

Сначала всё ещё слышала телевизор. Потом слова начали расплываться. Последняя ясная мысль касалась телефона: лежит рядом, если понадобится — сразу дотянется.

Аля уснула.

Мужчина стоял перед ней на коленях.

Его губы коснулись пальцев её ног и медленно поднялись выше, по голени к бедру. Знакомое начало сна. Вчера она подалась бы ему навстречу, не задумываясь, но сейчас в прикосновениях чувствовалось что-то чужое. От них тело напрягалось вместо того, чтобы расслабиться.

Он поднял голову.

Лицо оставалось в темноте. Глаза Аля увидела сразу.

Ярость.

Она попыталась отодвинуться, но его рука уже сомкнулась на шее. Пальцы сжались, перекрывая дыхание. Аля вцепилась в запястье, дёрнулась, беззвучно раскрыла рот.

Другой рукой он сорвал с неё бельё и грубо вошёл в неё. Боль заставила выгнуться. Он продолжал двигаться, удерживая её за горло; с каждым движением становилось больнее, словно тело не могло вместить его.

Аля пыталась закричать. Из пережатой гортани вырывался только хрип. Пальцы скользили по его руке, перед глазами вспыхивали красные точки.

Она смотрела ему в лицо и уже ничего не могла сказать. Только просила взглядом прекратить.

Хватка внезапно ослабла.

Аля судорожно вдохнула. Он навис над ней, не позволяя отстраниться.

— Если ты немедленно не вернёшься в дом, — произнёс он, — то, что было сейчас, покажется тебе самым сладким удовольствием по сравнению с тем, что тебя ждёт.

Она проснулась с хрипом.

Телевизор продолжал работать. Теперь на экране шла реклама. У стены стояла её сумка, из-под шторы пробивалась узкая полоска утреннего света.

Аля села, задыхаясь.

Каждый вдох обрывался, хотелось вдохнуть ещё глубже. Она схватилась за горло и тут же отдернула руку от боли.

Низ живота саднило. Это не исчезло вместе со сном.

Она медленно спустила ноги с кровати. Дождалась, пока перестанет темнеть в глазах, и поднялась, держась за край стола.

В ванной включила свет.

Сначала наклонилась к раковине и плеснула водой в лицо. Потом подняла голову.

Из зеркала смотрела незнакомая пожилая женщина.

Аля замерла.

Она узнавала черты. Линию губ, глаза, форму подбородка. Но кожа обвисла, под глазами залегли глубокие борозды. Волосы у лица посеребрила седина. За одну ночь у неё отняли вчерашнюю свежесть и прибавили годы, которых она ещё не прожила.

Лет пятьдесят.

Она поднесла руку к щеке. Отражение повторило движение.

Потом её взгляд опустился ниже.

На шее темнели следы пальцев.

Широкие, багровые, переходящие в синеву. Аля осторожно коснулась одного, поморщилась. Во сне рука сжимала её именно здесь.

— Нет...

Она придвинулась к зеркалу, словно вблизи можно было увидеть ошибку. Но ни седина, ни кровоподтёки не исчезали.

Вчера она рассматривала молодое лицо и не могла поверить удаче. Сегодня точно так же не верила этому.

Он забрал подаренное. И, судя по отражению, взял ещё.

Аля опёрлась о раковину. Вода продолжала течь. Она закрыла кран и прислушалась к номеру.

За стеной кто-то включил душ. По коридору прокатили тележку. Обычная гостиница жила обычным утром. Помощь была совсем близко — достаточно открыть дверь или поднять трубку.

Аля вернулась к кровати и взяла телефон.

Что она скажет? Что её душили — это можно показать. Что ей больно — объяснить. Но как удержать того, кто приходит во сне и исчезает до пробуждения? Даже если рядом будут люди, даже если её отвезут туда, где безопаснее, рано или поздно она снова закроет глаза.

Он велел вернуться немедленно.

Теперь у этой угрозы были следы на её коже.

Аля некоторое время смотрела на экран. Потом открыла вызов такси.

Она не поверила ему на слово. Проверила.

Ответ получила.

* * *

Собиралась Аля медленно. Движения отзывались болью, руки плохо слушались. Она натянула одежду, расправила ворот, пытаясь прикрыть шею, убрала в сумку паспорт и документы о выигрыше.

Бумаги остались на месте.

Двадцать семь тысяч евро куда не исчезли. Просто за ночь выяснилось, что купить на них свободу не получится.

У стойки регистрации Аля отвечала коротко. Ей хотелось поскорее выйти, не поднимать лицо, не смотреть, заметил ли администратор перемены. Он спросил, всё ли в порядке, она сказала, что плохо спала, и попросила закрыть счёт.

До такси дошла сама.

Всю дорогу сидела с прямой спиной, не отрывая взгляда от переднего сиденья. Водитель включил негромкую музыку. Один раз спросил, открыть ли окно. Аля отрицательно покачала головой.

Вчера в такой же машине она ехала прочь от дома и перебирала будущие адреса. Сегодня считала повороты до знакомых ворот.

Когда машина остановилась, пришлось заставить себя потянуться к дверце.

Особняк выглядел по-прежнему. Светлые стены, зелень, дорожка, по которой накануне шли гости. Аля отперла дверь и вошла.

Связка ключей со стуком упала на столик.

Брюнетка появилась почти сразу.

Она оглядела Алю с головы до ног. Взгляд задержался на шее, потом вернулся к лицу. Ни удивления, ни вопроса о том, что случилось.

— Ну что? Проверила?

Аля молчала.

— Теперь поняла, что от нас некуда бежать?

Пальцы сами потянулись к вороту. Аля заставила себя опустить руку.

— Ты знала.

Голос прозвучал хрипло. Гораздо тише, чем ей хотелось.

— Я предупреждала.

— Ты знала, что он сделает.

Брюнетка не отвела глаз.

— Ты решила проверить. Он объяснил.

Вчера Аля кричала на неё, стучала телефоном по столу, требовала ответов. Сейчас для крика не хватало ни голоса, ни сил. Но от этих спокойных слов злость стала почти осязаемой.

— Хорошо у вас с объяснениями, — выговорила она.

Женщина не улыбнулась.

— Он мог переломать тебе кости. Разорвать изнутри. Считай, что отделалась предупреждением.

Аля смотрела на неё и запоминала.

Это называлось предупреждением.

То, что случилось в гостинице. То, из-за чего больно было глотать, ходить и касаться собственной шеи.

Брюнетка произносила это так буднично, словно речь шла о неудачном разговоре, которого при некоторой вежливости вполне можно было избежать.

— Теперь тебе придётся быть хорошей девочкой, — продолжила она. — Если хочешь вернуть свою красоту.

Аля сглотнула, поморщилась.

— А если мне нужно вернуть своё тело?

— Это зависит от тебя.

Она отвернулась. Ещё немного — и сказала бы что-нибудь, за что заплатит новым уроком. Сейчас Аля слишком ясно представляла цену.

Молчать оказалось унижительно. Но она промолчала.

Брюнетка выдержала паузу, позволяя ей усвоить разницу между вчерашним бунтом и сегодняшним возвращением. Потом кивнула в сторону лестницы.

— Иди проверь почту.

Аля медленно повернула голову.

— Зачем?

— Тебе оставили заявки. Люди хотят переночевать в твоём доме.

Перед глазами возникли письма, которые она вчера так и не открыла.

На губах брюнетки появилась слабая усмешка.

— Не стой столбом, Алька. У тебя работа.

Аля посмотрела на лестницу. Там ждали компьютер, две гостевые спальни и чистое бельё в шкафу. Всё, что требовалось радушной хозяйке.

Она взялась за перила и начала подниматься.

Медленно, чтобы не стало больнее.

Глава 8. Чужие желания

На экране действительно ждали два письма.

Аля села, осторожно, чтобы не отозвалась боль, и открыла первое. Студентка путешествовала одна, искала комнату на сегодняшнюю ночь. Второй запрос пришёл от мужчины, которому тоже требовалось остановиться до утра.

Аля положила пальцы на клавиатуру.

«Да, конечно. Буду рада вас принять».

Она прочитала фразу и почти физически почувствовала, как та прилипает к ней. Вчера это ещё была попытка убедить себя, что всё обойдётся. Сегодня — готовая формула, которую можно отправить, не думая о смысле.

Аля скопировала ответ во второй диалог.

Отправила адрес. Уточнила время приезда. Закрыла почту.

Телефон сразу звякнул благодарностью.

Она перевернула его экраном вниз.

В доме было тихо. Брюнетка оставалась внизу или уже исчезла — проверять Аля не собиралась. Мужчина тоже не подавал голоса. Он добился своего без необходимости стоять над ней и следить за каждым нажатием клавиши.

Она вернулась.

Она ответила.

Теперь предстояло застелить две постели.

Аля поднялась со стула и прошла в гостевую, где ночевала первая пара. На подушке ещё виднелась вмятина. В ванной на крючке висело аккуратно расправленное полотенце: женщина не бросила его на пол, не оставила скомканным. Позаботилась о хозяйке.

Аля сняла его и отнесла в стирку.

Простыня не хотела ровно ложиться на матрас. Она тянула угол, второй сползал, и в конце концов эта мелкая, бессмысленная возня едва не довела её до слёз.

— Да ложись ты уже, зараза.

Голос прозвучал сипло. Аля замолчала, приложила ладонь к горлу и некоторое время стояла, опустив голову.

Ночью она думала о том, как уедет отсюда. Утром выбирала, каким движением удобнее заправить чужую кровать, чтобы не стало больнее.

Она заставила себя закончить.

Открыла окна, протёрла пыль, приготовила чистые полотенца. Во второй спальне пришлось убрать вещи, которые она сложила туда во время ремонта. Коробку с мелочами Аля передвинула ногой: наклоняться лишний раз не хотелось.

В ванной задержалась перед зеркалом.

Лицо всё ещё было старым. На шее темнели отпечатки пальцев. Аля посмотрела на них без вчерашней надежды, что стоит моргнуть — и наваждение исчезнет.

Потом нашла в шкафу лёгкий платок и повязала его на шею.

Синяки удалось прикрыть. С лицом сделать ничего не получилось.

Впрочем, ни гости первой пары, ни Лина собственного старения не замечали. Может быть, и сейчас приезжие увидят совсем другую хозяйку. Аля не знала, распространялось ли это на неё. И не собиралась встречать незнакомых людей вопросом, на сколько лет она выглядит.

Ей хватало того, что она сама видела в зеркале.

День прошёл за уборкой и готовкой. Она нарочно выбирала дела, которые не требовали решений. Почистить овощи. Поставить стирку. Развесить бельё. Проверить, есть ли хлеб.

Когда Аля проходила мимо клетки, хомяк высунулся из домика. Она остановилась, опустилась перед ним на корточки и только тогда заметила, как сильно устала.

Он потянул носом, проверяя, принесла ли она что-нибудь интересное.

— Да, я тоже не рассчитывала так быстро вернуться.

Аля протянула ему кусочек корма. Маленькие лапки сомкнулись на нём с деловой уверенностью. Здесь хотя бы всё было честно: просил еду, получал еду. Никаких дополнительных условий за хорошее поведение.

Она встала и пошла проверять ужин.

Первой приехала девушка.

Ей было около двадцати пяти. Она вышла из автомобиля с рюкзаком и дорожной сумкой, запрокинула голову, рассматривая фасад, и улыбнулась Але так открыто, что та на секунду замедлила шаг.

— Здравствуйте. Я вам писала.

— Да, помню. Проходите.

Гостя назвала своё имя. Аля кивнула, но не стала переспрашивать: по дороге к дому она уже забыла, как оно прозвучало.

Сегодня ей хотелось как можно меньше знать об этих людях.

Вчерашняя карта дорог до Марселя до сих пор стояла перед глазами. Где сейчас та пара? Уже добралась до следующего города? Остановилась позавтракать? Мужчина всё ещё смеётся над тем, как разговаривал с немецким рыбаком?

Аля открыла дверь.

— Вы голодны? Я приготовила ужин.

— Очень. С дороги ничего толком не ела.

Она проводила девушку на кухню, предложила воду, поставила тарелку. Та с облегчением сняла рюкзак, огляделась, поблагодарила. Аля занялась кастрюлей, чтобы не поддерживать разговор.

Через четверть часа раздался звонок.

Второй гость выглядел старше, чем на фотографии в профиле, — лет на тридцать пять. Подтянутый, с дорожной сумкой через плечо. Поздоровался, уточнил, туда ли приехал.

— Туда. Проходите.

На кухне он и девушка обменялись приветствиями. Аля дала ему воды, достала ещё одну тарелку и подождала, пока гостья закончит есть.

— Давайте я сначала покажу комнаты. Оставьте вещи, а потом сможете спокойно поужинать.

Они поднялись за ней. Каждому Аля открыла отдельную спальню, показала ванную и выключатели. Говорила коротко, стараясь не напрягать горло.

— Кухней можете пользоваться. Если что-то понадобится, скажите.

— Вы, кажется, простыли? — участливо спросила девушка.

Аля машинально поправила платок.

— Голос сорвала. Ничего страшного.

— Тогда мы вас не будем беспокоить.

— Спасибо.

Это было неправильно — благодарить их за обещание не беспокоить. Но другого ответа у неё сейчас не нашлось.

Она спустилась вместе с гостями, показала, где чай и чашки, и сослалась на усталость. Они сразу согласились, уверили, что справятся сами. Мужчина уже спрашивал девушку, откуда она едет.

Аля не стала слушать ответ.

В своей комнате она закрыла дверь, села на край кровати и развязала платок.

Внизу звякала посуда, негромко разговаривали. Гости нашли общий язык, им было чем заняться без неё. Так даже лучше. Не придётся сидеть напротив, улыбаться и узнавать, кто ждёт их дома.

Она прекрасно понимала, зачем ей понадобилось это незнание.

Людьми они от него быть не переставали.

Аля долго сидела в полумраке. Несколько раз брала телефон и откладывала, не открыв. Ни читать, ни работать не получалось. Всё, что требовало внимания, сразу рассыпалось перед одним вопросом: как пережить следующую ночь?

Гости поднялись позднее. Пожелали друг другу спокойной ночи. Закрылись две двери.

Аля легла поверх покрывала.

Ей не хотелось засыпать. После гостиницы даже тяжесть век пугала: тело собиралось сделать то, против чего она ничего не могла придумать.

Она включила бра и некоторое время смотрела на освещённую стену.

Потом свет расплылся.

* * *

Брюнетка стояла перед ней и улыбалась.

— Ты ведь хотела узнать, что здесь происходит? Идём. Покажу.

Аля не успела ответить. Пространство дрогнуло, и они оказались в гостевой спальне.

Девушка лежала на белых простынях, широко раздвинув бёдра. Между её ног склонился мужчина. Его язык двигался быстро и ритмично, вылизывая её; гостя стонала, зарыв пальцы в его тёмные волосы и прижимая его лицо к себе.

Аля замерла возле кровати.

Потом он приподнялся и вошёл в девушку глубоким толчком. Та выгнулась, вцепилась в него, и её стоны стали громче. Оргазмы следовали один за другим; едва тело переставало дрожать, новая волна заставляла её снова прогнуться ему навстречу.

Аля смотрела и против воли вспоминала собственные сны. Не гостиничный кошмар — то, что было раньше. Прикосновения, после которых исчезали все мысли. Удовольствие, которого она не знала с живыми мужчинами.

Ей захотелось оказаться на месте девушки.

Это желание ударило так неожиданно, что Аля почти отступила. Ещё днём она с трудом наклонялась над чужой кроватью. На шее оставались следы его руки. Она знала, чего он способен потребовать и как наказывает за отказ.

А тело всё равно отзывалось.

У мужчины появился второй член. Он вошёл в девушку сзади, одновременно заполняя её в двух местах. Гостя вскрикнула и застонала ещё громче, судорожно сжимая простыню.

По телу Али прокатилась волна возбуждения.

Брюнетка перехватила её подбородок, повернула к себе и поцеловала — глубоко, требовательно. Аля на мгновение ответила, потеряв нить собственных мыслей. Потом оторвалась от её губ и снова посмотрела на кровать.

Мужчина повернул голову.

Его глаза остановились на Але.

В них была та же ненависть, которую она видела в гостиничном сне.

Возбуждение оборвалось страхом. Она дёрнулась назад, пытаясь уйти из-под этого взгляда, — и открыла глаза.

Собственная спальня. Утренний свет.

Аля задыхалась, но руки на горле не было.

Она повернула голову.

Брюнетка лежала на соседней подушке и лениво потягивалась, словно провела здесь всю ночь.

— Ну что, понравилось?

Аля села.

Ответить хотелось сразу несколькими словами, и ни одно не было приличным. Но женщина смотрела слишком понимающе. Знала, что Аля увидела. И что почувствовала.

— Ты обещала объяснить, — сказала Аля.

— Я показала.

— Что с ней будет?

— Сейчас встанет и уедет. Как остальные.

— А то, что я видела...

Брюнетка усмехнулась, не дав договорить.

— Тебе было интересно.

Аля стиснула зубы. Она не собиралась обсуждать с ней собственное желание. Тем более позволять превращать его в оправдание всего, что происходило в доме.

Женщина ещё несколько секунд изучала её, затем кивнула в сторону ванной.

— Иди посмотри на себя.

— Зачем?

— Тебе вернули часть лет. Считай авансом за послушание.

Аля опустила ноги на пол.

— Часть?

— Если хочешь стать ещё моложе, придётся делить постель с ним. Не со мной.

Она произнесла это без раздражения, но Аля всё равно вспомнила, как мужчина отталкивал её в прежнем сне. Как прервал их поцелуй одним взглядом.

Его недовольство распространялось даже туда, где он уже был занят другой женщиной.

— Он и это решает?

Брюнетка улыбнулась уголком рта.

— Иди в ванную, Алька.

Она встала.

В зеркале было знакомое лицо.

Не вчерашняя невозможная молодость, которой Аля успела обрадоваться до бегства. И не женщина за пятьдесят, встретившая её в гостинице. Обычные тридцать восемь. Собственные черты, привычная кожа, та самая небольшая складочка, которую она давно знала и сейчас едва не приветствовала вслух.

Аля придвинулась ближе.

Седина ушла. Лицо снова стало её лицом.

На шее по-прежнему темнели синяки.

Она провела пальцем рядом с одним, не касаясь болезненного места. Годы вернули. Отпечатки оставили.

Получалось, одно вовсе не обязано было исчезать вместе с другим.

Аля посмотрела на дверь, за которой осталась брюнетка. Хотелось спросить, почему не убрать и это. Неужели мало того, что она вернулась, ответила гостям, приготовила постели? Но следом пришла другая мысль: просить того, кто причинил боль, стереть следы было ещё одним способом признать его власть над собой.

Она умылась и снова повязала платок.

Когда вышла, соседняя половина кровати была пуста.

* * *

Гости уехали по отдельности.

Мужчина торопился, девушка перед выходом попросила набрать воды в бутылку. Аля отдала ей бутылку, заметив морщинки у глаз, которых вчера не было. На мгновение стало трудно смотреть в лицо госте.

Та улыбнулась.

— Я так хорошо выспалась. Спасибо вам.

Мужчина тоже выглядел старше, хотя двигался бодро и жаловался только на то, что впереди длинная дорога. Ни он, ни девушка не задали вопросов о своём состоянии. Аля уже ожидала этого, и оттого было особенно тяжело.

Она проводила обоих и закрыла дверь.

Третье утро с чужой благодарностью.

Лина, первая пара, теперь эти двое. Все считали её заботливой хозяйкой. Если бы кто-нибудь выслушал обе стороны, версия постояльцев наверняка показалась бы убедительнее.

Дом красивый. Постели чистые. Спали отлично.

Жалуеться только женщина, которая сама их пригласила.

Аля поднялась к компьютеру и открыла профиль.

Первая пара уже оставила отзыв. Благодарили за ужин, чистоту, радушие. Особенно отмечали, что чувствовали себя спокойно и защищённо, почти как дома.

Она перечитала это место.

Защищённо.

Далее шли пять звёзд и рекомендация другим путешественникам.

Чуть позже появился отзыв девушки. Та тоже поставила высшую оценку, назвала хозяйку деликатной: не навязывала разговоров, позволила отдохнуть после дороги. Мужчина написал короче, но так же благодарно.

Аля откинулась на спинку кресла.

То, что она вчера спряталась от них в спальне, оказалось достоинством.

Не расспрашивала о жизни, потому что боялась потом помнить каждую подробность, — чуткость. Оставила ужин и ушла, потому что не могла смотреть в глаза, — ненавязчивый сервис. Дом всю ночь молчал — редкая тишина.

Ещё немного, и ей дадут премию за гостеприимство.

Она закрыла лицо ладонями.

Для остальных каждая новая ночь становилась доказательством того, что сюда стоит приехать.

Телефон звякнул уведомлением.

Аля не посмотрела.

Сначала следовало открыть даты. Брюнетка ждала гостей снова, мужчина уже показал, чем закончится попытка отказаться. Вчерашнее отключение заявок оставалось жестом, который ещё недавно казался ей началом бунта.

Она вернула возможность написать о ночлеге на ближайшее время.

Сделала это молча, не обращаясь к потолку.

Потом налила кофе и вернулась к столу.

Письма начали приходить не сразу. Первое уведомление оказалось напоминанием, второе — благодарностью. Аля просидела около часа за обычной работой, трижды перечитала один и тот же абзац, ответила клиенту и только тогда увидела новый запрос.

Затем ещё один.

Люди находили дом по фотографиям и чужим рекомендациям. Им не нужно было ничего обещать сверх бесплатной комнаты. Некоторые спрашивали о следующей неделе, другие — о сегодняшнем вечере.

У Али появилась очередь.

Она выбрала сообщение молодой женщины, путешествовавшей через их город. В профиле стоял возраст — двадцать шесть. Нужна была одна ночь.

«Можете приезжать сегодня к вечеру».

Аля отправила адрес, записала время. Одно место занято.

Открыла следующее письмо.

Имя прочитала машинально, ещё думая о расписании.

Марк.

Рука остановилась на мышке.

Она посмотрела на маленькую фотографию возле сообщения. Не сразу решилась нажать. Имя было обычным. Совпадение могло остаться совпадением, если не увеличивать снимок.

Аля открыла профиль.

С фотографии смотрел он.

* * *

Несколько секунд она слышала только гудение компьютера.

Марк почти не изменился. Чуть другой поворот головы, непривычная одежда, фон незнакомого города. Но его лицо Аля узнала бы и на плохом снимке.

Когда-то она любила этого человека так, что весь остальной мир приходилось размещать вокруг него. Долго потом училась жить иначе. Не возвращаться мыслями к разговорам, не искать в чужих лицах знакомое выражение, не придумывать, что сказала бы при случайной встрече.

А он написал ей три вежливые строчки.

«Здравствуйте! Сегодня буду проезжать через ваш город. Нашёл объявление и хотел спросить: можно ли остановиться на одну ночь?»

Ни узнавания, ни намёка.

Марк не знал, кому пишет.

В её профиле не было фотографии лица — только дом, комнаты, сад. По имени хозяйки он тоже не догадался. Для него это был свободный ночлег в удобной точке маршрута.

Аля медленно отодвинулась от стола.

— Только не ты...

Перед глазами возникло его лицо уже другим: тяжёлые веки, глубокие складки, седые волосы. Так утром выглядел мужчина из первой пары. Так она сама смотрела на себя в гостиничном зеркале.

Марк уедет, поблагодарив её.

Как все.

Аля вернулась к переписке. Отказать можно было одной фразой. Комнаты заняты. Планы изменились. Она не принимает гостей.

Ничего не объяснять, просто не дать ему приехать.

В почте были другие запросы. Не требовалось даже нарушать условие о мужчине и женщине: можно выбрать кого-то другого.

Аля почувствовала тошноту от собственного облегчения.

Кого-то другого. Незнакомого. Чья седина завтра будет мучить её чуть меньше.

Она не стала спорить с собой. Сейчас нужно было убрать Марка из этого дома ещё до того, как он найдёт дорогу к воротам.

Пальцы легли на клавиши.

Над головой скрипнула половица.

Аля подняла глаза. Кабинет находился на втором этаже; выше был чердак.

— Ну же, — произнесли над самым ухом. — Чего ты ждёшь? Отвечай.

Она дёрнулась так резко, что локтем ударила по краю стола.

Брюнетка стояла у её плеча и смотрела на экран.

— Хватит так появляться!

Женщина не ответила. Склонилась ближе к фотографии.

— Очень приятный мужчина.

— Не трогай его.

— Почему?

Аля повернулась к ней.

— Это Марк.

— Я вижу.

— Ты знаешь, что он для меня значит.

— Знаю.

Спокойствие в её голосе было хуже насмешки. Ни одного вопроса, ни малейшего удивления тому, что у Али было прошлое и она сейчас встретила с ним на странице сайта.

— Тогда найди себе другого, — сказала Аля. — Здесь есть ещё письма. Я отвечу кому-нибудь.

Брюнетка выпрямилась.

— Сегодня приедет этот.

— Тебе нужен мужчина. Какая разница, кто именно?

— Этот мне нравится.

Аля встала.

Стул отъехал назад, ударившись о ножку маленького столика. Несколько бумажных листов соскользнули на пол.

— А мне не нравится. Я не приглашу его.

Женщина посмотрела на неё, затем на платок, прикрывавший шею.

Аля поняла этот взгляд и возненавидела её ещё сильнее.

— Я не отказываюсь выполнять ваше условие, — выговорила она. — Я прошу оставить одного человека в покое.

— Ты уже привела людей, которых любишь. Почему этот должен стать исключением?

Лина.

Брюнетка произнесла это почти лениво, а попала точно туда, где у Али не было защиты.

— Я тогда не знала.

— Теперь знаешь.

Она наклонилась к компьютеру.

Аля потянулась закрыть страницу, но женщина перехватила её запястье. Не вывернула, не сдавила до боли — просто удержала так, что рука не двигалась.

Другой рукой быстро набрала ответ.

— Что ты делаешь?

На экране появились слова:

«Здравствуйте, Марк. Конечно. Буду ждать вас сегодня».

Брюнетка нажала отправку и отпустила Алю.

Несколько секунд та смотрела на сообщение. Оно ушло из её профиля. Под её именем. Тем же шрифтом, что и все остальные её ответы.

— Ты сама ему написала.

— Ты слишком долго думала.

Аля снова потянулась к клавиатуре.

— Я отменю.

Женщина накрыла ладонью клавиши.

— Нет.

— Напишу, что ошиблась. Такое бывает.

— Я сказала нет.

Отменить приглашение можно. Просто ей не позволяли.

Аля смотрела на чужую руку поверх клавиатуры и думала о том, с какой лёгкостью красивое слово «хозяйка» здесь теряло всякий смысл.

В переписке появился ответ.

Марк благодарил. Собирался приехать примерно к семи.

Брюнетка убрала руку.

— Видишь? Всё прекрасно.

— Для тебя.

— Готовь комнату, Алька.

Аля не двинулась. Женщина дождалась, пока она поднимет глаза, и только тогда улыбнулась — коротко, предупреждающе.

Аля опустила крышку ноутбука.

Ей хотелось ударить брюнетку. Хотя бы один раз стереть это выражение с красивого лица. Желание было настолько ясным, что она убрала руки за спину, боясь сделать движение раньше, чем успеет вспомнить последствия.

— Уходи, — сказала она.

На удивление, женщина исчезла.

Аля осталась стоять у стола. Потом медленно нагнулась и подобрала рассыпанные бумаги.

Среди них оказалась копия старого плана дома, присланная из архива. Проход в нижних помещениях. Линия, которой не было на позднем чертеже. Когда-то она собиралась выяснить, что здесь перестраивали и почему.

Сейчас от одного вида схемы стало горько.

Она ещё не разобралась даже с собственным вторым этажом.

Аля положила план в папку к остальным документам. Не выбросила. Просто убрала со стола, чтобы не помять во время очередного появления гостьи с чердака.

До семи оставалось несколько часов.

* * *

Готовить комнату Марку оказалось тяжелее, чем любому из прежних гостей.

Аля знала, как он относится к мелочам. Что не любит слишком высокие подушки. Что утром непременно ищет, куда положил телефон, хотя вечером оставляет его на одном и том же месте. Память подсовывала эти сведения услужливо и некстати, будто они расстались вчера и теперь ей следовало устроить ему хороший отдых.

Она достала другую подушку.

Постояла с ней в руках, выругалась и всё-таки положила на кровать.

В кухне двигала чашки, протирала уже чистый стол, заглядывала в духовку чаще, чем требовалось. Часы оставались в поле зрения, куда бы она ни повернулась. Иногда Але казалось, что стрелки совсем не движутся. Потом она обнаруживала, что прошло ещё полчаса.

Около шести написала вторая гостья. Её планы изменились: до города она сегодня не доберётся. Извинялась за позднюю отмену и надеялась, что не причинила хозяйке неудобств.

Аля перечитала сообщение.

Женщина не приедет.

Она испытала короткое, почти болезненное облегчение: хотя бы эта ночь пройдёт для кого-то без последствий. Следом вспомнила условие о двоих и невольно подняла голову к потолку.

Никто не отозвался.

Аля написала двум путешественницам, которые раньше спрашивали о сегодняшнем вечере. Одна уже нашла ночлег. Вторая пока не отвечала.

Что ещё она могла сделать? Заставить гостью приехать? Пойти ловить женщину на улице?

Она оставила телефон рядом, звук включила погромче и вернулась к ужину. Теперь оставалось ждать Марка — и надеяться, что чужую отмену ей не припишут как новый бунт.

Без пяти семь за воротами остановилась машина.

Аля слышала, как заглушили двигатель. Потом хлопнула дверца.

Она стояла посреди кухни с полотенцем в руках. Вытерла ладони, хотя они были сухими, аккуратно повесила полотенце на место и пошла открывать.

Марк позвонил один раз. Немного подождал и нажал снова.

За дверью ждал человек, которого она столько раз представляла себе случайно встретившимся на улице. В тех выдуманных встречах Алё всегда успевала подготовиться. Подобрать слова, спокойно улыбнуться, показать, что её жизнь сложилась прекрасно.

Ни в одной из них у неё не было синяков на шее и обязанности отдать его женщине с чердака.

Она поправила платок и нажала на ручку.

Марк стоял на крыльце с дорожной сумкой.

То же лицо. Та же привычка чуть склонять голову вправо, рассматривая собеседника. У висков появилось немного седины, под глазами обозначилась усталость. Он выглядел старше, чем в её памяти, и совершенно живым — гораздо ближе, чем позволяло выдержать спокойное приветствие.

Марк начал улыбаться незнакомой хозяйке.

Потом улыбка дрогнула.

— Алё?

Она кивнула.

— Привет.

— Это правда ты?

— Похоже на то.

Он поставил сумку, шагнул к ней и обнял. Алё успела чуть повернуть голову, чтобы не задел шею. Его губы коснулись щеки.

— Вот это встреча... Что ты здесь делаешь?

Она отступила, пропуская его в прихожую.

— Вообще-то живу. А вот ты что делаешь на моём пороге?

— Сам пытаюсь понять.

Марк рассмеялся. Алё заставила себя улыбнуться в ответ.

Он оглядывался, пока она закрывала дверь. Смотрел на лестницу, высокий потолок, проём гостиной. Обычное удивление человека, который рассчитывал на одну свободную комнату, а попал в большой старый дом.

— Это всё твоё?

— Да.

— Ничего себе.

— Не спеши завидовать. Тут к квадратным метрам прилагаются обстоятельства.

— Ремонт?

Алё посмотрела на него.

— И он тоже.

Она не стала нести его вещи наверх. Повела сначала на кухню, поставила чайник, предложила ужин. Марк согласился с явным облегчением и опустился на стул.

За столом он рассказал о дороге. Ехал в Испанию по работе, был в пути со вчерашнего дня, останавливался передохнуть, но всё равно устал. Решил попробовать ночлег через приложение: о таком способе путешествовать слышал давно, а воспользоваться не доводилось.

— Открыл карту, нашёл удобное место. У тебя ещё и отзывы прекрасные.

Алё потянулась за чашкой.

— Да. Отзывы у меня теперь хорошие.

— А по фотографиям разве поймёшь? Дом и дом. Если бы увидел тебя, написал бы совсем иначе.

Он улыбнулся, и она на секунду услышала прежнюю интонацию. Ту, из-за которой когда-то могла весь вечер разбирать самую обыкновенную фразу, пытаясь понять, что он хотел сказать.

— Ну, зато сюрприз получился, — ответила Аля.

Марк согласился. Отпил чай, снова оглядел кухню.

Ей хотелось взять его за руку и увести обратно к машине. Сказать: здесь нельзя спать. Езжай в другое место, и лучше прямо сейчас. Пусть сочтёт её странной, несчастной, больной — лишь бы уехал.

Аля посмотрела в тёмный проём коридора.

Брюнетка не показывалась. Ей больше не требовалось стоять у Али за плечом. После компьютера та слишком хорошо знала, что отменить приглашение ей не дадут.

— Ты какая-то тихая, — заметил Марк.

— Устала. И голос сорвала.

— Не буду долго мучить разговорами.

— Ты ешь. От тебя ещё тарелка не устала.

Он усмехнулся, и разговор пошёл легче.

Марк вспомнил общего знакомого, которого недавно встретил. Аля спросила, как тот устроился. За одним именем потянулось другое, затем всплыла история из университетских времён, и неожиданно они оба рассмеялись.

Она помнила тот случай совсем иначе. Марк возмущался, доказывал, что всё было именно так, как говорит он. Аля перебивала, вспоминала подробности, которые он предпочёл бы забыть.

На несколько минут дом отступил.

Она сидела напротив человека, с которым у неё были общие воспоминания. Ей не приходилось объяснять, кто сказал нелепую фразу и почему они до сих пор её помнят. Марк узнавал историю с первых слов, заранее начинал улыбаться.

Аля смеялась по-настоящему.

Потом взгляд падал на часы, и веселье обрывалось, но через какое-то время снова возвращалось. Марк ничего не замечал. Или относил её внезапную задумчивость к усталости.

О них двоих они не говорили.

Ни кто первым ушёл, ни кто чего не сказал, ни почему потом не попытались вернуть прежнее. Стоило разговору приблизиться к опасной границе, один из них называл следующее знакомое имя. Второй охотно подхватывал.

Получалась прогулка по общей жизни, в которой они тщательно обходили самое большое место.

Во время разговора звякнул телефон. Аля посмотрела на экран: вторая путешественница тоже нашла ночлег. Она убрала аппарат, стараясь не показать тревоги.

— Ты ждёшь кого-то ещё? — спросил Марк.

— Собиралась принять ещё одну женщину, но у неё изменились планы.

— Часто у тебя так?

— Я недавно начала. Пока набираюсь опыта.

Он принял её тон за иронию и улыбнулся.

Они ещё посидели за чаем. Марк всё чаще зевал, отворачиваясь и прикрывая рот. В конце концов Аля встала.

— Всё. Пора спать. Ты уже держишь чашку из одного упрямства.

— Есть немного.

Она отвела его наверх. Показала ванную, полотенца, открыла гостевую спальню. Марк поставил сумку возле стены и посмотрел на кровать с таким облегчением, что Аля отвернулась к окну.

— Утром можешь не торопиться, — сказала она. — Позавтракаешь перед дорогой.

— Спасибо, Аль. Правда, очень рад, что попал к тебе.

Она кивнула, не доверяя голосу.

У двери Марк остановился, словно хотел добавить что-то ещё. Но только пожелал спокойной ночи.

— И тебе.

Аля прикрыла дверь.

Она не ушла сразу. Постояла в коридоре, слушая, как он открывает сумку. Потом зашла к себе и села на кровать.

Больше не требовалось ничего готовить. Никому отвечать, проверять ужин, смотреть на часы. День, которого она боялась, закончился.

Теперь начиналась ночь.

Аля разделась, сняла платок, легла. Долго собиралась не спать, хотя прекрасно знала, чем кончались подобные решения. Усталость подступала медленно, с тяжестью в руках и ногах, и сопротивляться ей было нечем.

Последней мелькнула мысль о подушке. Она всё-таки положила Марку ту, что пониже.

Позаботилась.

От этого слова стало так больно, что Аля отвернулась к стене.

* * *

Она стояла в его комнате.

На краю кровати сидела брюнетка, закинув ногу на ногу. Перед ней, на коленях, был Марк. Его руки стягивала за спиной верёвка.

Аля шагнула вперёд и остановилась.

Он смотрел на женщину снизу вверх с обожанием. Не пытался освободиться, не отводил глаз. Ждал.

— Лижи мои туфли, сука, — приказала брюнетка.

Марк наклонился и припал губами к обуви. Жадно провёл языком по гладкой коже, по каблуку. Аля смотрела, не веря, что это тот самый человек, который несколько часов назад сидел напротив неё за кухонным столом.

Женщина поднялась. В её руке появилась тонкая плеть.

Первый удар пришёлся Марку по обнажённой спине. Он вздрогнул и застонал. Следом опустился второй, потом третий.

— Перестань! — Аля бросилась к ним. — Хватит!

Брюнетка повернула голову.

Марк даже не оглянулся. Он не слышал её.

— Не перестану.

Плеть снова свистнула. По телу Марка прошла дрожь, он подался ближе к женщине.

На его шее возник широкий кожаный ошейник с цепью. Брюнетка взяла поводок, потянула на себя. Верёвка на запястьях ослабла и исчезла, позволяя ему опереться на руки. Он двинулся за ней на четвереньках.

Аля остановилась.

— Ты не видишь, что ему нравится? — спросила женщина. — Он сам пожелал этот ошейник. Всё это — его фантазия.

Аля посмотрела на Марка. Ей хотелось назвать его по имени, заставить поднять голову, спросить самому. Но он видел только брюнетку.

На нём исчезло бельё. Член был напряжён, дыхание сбилось. Женщина указала носком туфли на свою щиколотку.

— А теперь подрочи на мою ножку, пёсик. Быстро.

Марк выпрямился на коленях и принялся мастурбировать, не отрывая взгляда от её ноги. Кончил почти сразу, содрогнувшись всем телом. Сперма попала на щиколотку и ступню.

Брюнетка схватила его за волосы, прижала лицом к своей ноге.

— Слизывай всё до капли, собака.

Он покорно принялся слизывать семя с её кожи.

Аля стояла рядом и не знала, куда смотреть. Ошеломление мешалось с чувством, которому она не сразу нашла название. Она увидела что-то глубоко личное. То, чего Марк ей никогда не показывал, о чём они не говорили, хотя когда-то были близки.

И он не знал, что она здесь.

Брюнетка подняла на неё глаза.

— Тебе пора уходить, Алька. То, чего он пожелает дальше, твоя нежная психика вряд ли выдержит.

Комната исчезла прежде, чем Аля успела ответить.

Она открыла глаза.

За шторами светлело. Собственная кровать, смятое одеяло, лампа на тумбочке. Аля лежала неподвижно, всё ещё видя Марка на коленях.

Рядом шевельнулась подушка.

Брюнетка устроилась на соседней половине постели.

* * *

Аля повернулась к ней.

— У тебя своей кровати нет?

Женщина приподняла бровь.

— Уже надоела?

— Я начинаю думать, что тебя выдают вместе с утренним светом. Открываешь глаза — и вот, обязательная комплектация.

Брюнетка усмехнулась, сладко потянулась и удобнее подложила руку под голову.

Аля села. Горло ещё болело, но после увиденного думать об этом почти не получалось.

— Объясни мне, что было с Марком.

— Ты всё видела.

— Я видела тебя с плетью. И его на коленях. Объясни остальное.

Женщина опёрлась на локоть.

— У людей есть тайные желания, Алька. Иногда совсем не похожие на то, что они позволяют себе днём. Не каждый решится рассказать даже любимому человеку, чего на самом деле хочет.

Аля опустила взгляд на одеяло.

— Ты говоришь, он сам этого хотел.

— Да.

— Всего?

— Всего, что ты увидела.

Несколько секунд Аля молчала. В её памяти Марк оставался другим — уверенным, привычным, хорошо ей знакомым. Но, возможно, знакомым лишь в той части, которую он хотел показать.

Из этого ещё не следовало, что брюнетка говорит правду обо всём.

— А девушка прошлой ночью?

— То же самое. Её желание.

— И ваши... возможности меняются под него?

На губах женщины появилась улыбка.

— Во сне возможно гораздо больше, чем ты привыкла представлять. Тело там не обязано подчиняться всем ограничениям яви. Фантазия может стать очень убедительной.

Аля вспомнила вторую мужскую плоть. То, как девушка двигалась ему навстречу. Собственную мгновенную, стыдную зависть.

Она не отвела глаз от брюнетки.

— Значит, вы видите, чего человек хочет, и даёте ему это.

— Наконец-то начинаешь понимать.

— А потом забираете годы.

Улыбка осталась на месте.

— У удовольствия есть цена.

— О которой они не знают.

Брюнетка промолчала.

Аля подтянула одеяло выше. Ей вдруг понадобилось чем-нибудь прикрыться, хотя дело было вовсе не в наготы.

— Марк писал мне о комнате на ночь, — сказала она. — Он не просил продать ему сон. Не соглашался отдать за него десять лет.

— Он получил то, чего желал.

— Ты опять отвечаешь на другой вопрос.

Женщина чуть прищурилась.

Раньше этот взгляд заставил бы Алю поспешно замолчать. Теперь она тоже испугалась, но всё-таки закончила:

— Человек может захотеть чего угодно и передумать, когда узнает цену. Вы даже не даёте ему её узнать.

— А ты дала ему чистую постель и хороший ужин.

Слова попали точно. Аля почувствовала, как вспыхнули щёки.

— Ты сама отправила приглашение.

— Зато ужин готовила ты.

Она замолчала. Брюнетка слишком хорошо умела поворачивать разговор так, чтобы виноватой в итоге оставалась хозяйка дома.

В коридоре было тихо. Марк ещё спал.

Аля посмотрела на дверь.

— Почему он меня не слышал?

— Потому что это был его сон. Ты смотрела. Он не приглашал тебя в свою фантазию.

— Зато ты пригласила меня посмотреть.

— Ты хотела знать.

Аля стиснула пальцами край одеяла. Она просила объяснить, что происходит с людьми, а получила зрелище, которое уже не сможет забыть. Брюнетка явно считала разницу несущественной.

— И то, что было в гостинице, ты тоже назовёшь моим желанием?

Женщина перестала улыбаться.

Аля коснулась шеи.

— Я хотела уйти. Вот чего я тогда хотела.

Брюнетка некоторое время смотрела на её руку.

— Он пришёл вернуть тебя, — сказала наконец.

— Я помню.

Этих слов оказалось достаточно. Аля не стала просить назвать случившееся иначе. Для себя она различие понимала очень хорошо: чужое желание, в которое заглянули без спроса, и чужая воля, которой её заставили подчиниться. Одно не объясняло и не оправдывало другого.

Брюнетка выпрямилась, уселась на постели, скрестив ноги.

— Ты задала вопрос о цене.

Аля снова посмотрела на неё.

— Да. Десять лет за одну ночь. По-твоему, это нормально?

— Сейчас интереснее другое.

— Тебе, возможно.

Женщина оставила колкость без ответа. Её взгляд изменился: насмешка ушла, появилось пристальное внимание. Так она ещё не смотрела на Алю — по крайней мере, открыто.

— Почему ты видишь их такими?

Аля нахмурилась.

— Какими?

— Постаревшими.

Она несколько секунд ждала продолжения, но брюнетка молчала.

— Потому что они стареют.

— Остальные этого не видят.

— Я заметила. Лина смотрела в зеркало. Та пара смотрела друг на друга. Они все...

Аля осеклась.

Брюнетка кивнула.

— Для себя они остаются прежними. Для других людей тоже. Выходят из дома с теми же лицами, с которыми вошли. Друзья, родственники, случайные прохожие ничего не замечают.

Лина дома. Её спокойный голос в трубке. Чужая благодарность в отзывах. Мужчина из первой пары, уверенный, что прекрасно отдохнул.

Аля вдруг поняла, сколько раз пыталась добиться от этих людей подтверждения того, чего они просто не могли увидеть.

— Значит, седина... морщины... они существуют только для меня?

— Ты видишь отнятые годы там, где обычный человек их не различает.

— Но сами годы вы всё равно забрали?

Женщина не отвела взгляда.

— Да.

На мгновение Аля почти позволила себе обрадоваться. Захотела услышать, что ошиблась, что всё случившееся было её кошмаром, а гости ничего не потеряли. Теперь надежда исчезла.

Они не стали безопаснее оттого, что не замечали потери.

— А я? — спросила она. — В гостинице я выглядела на пятьдесят. Администратор смотрел на меня... Я не знаю, что он видел.

— Ты видела то, что произошло с тобой.

— Это опять не ответ.

— Пока у тебя их будет не больше, чем у меня.

Аля замолчала.

Впервые брюнетка допустила, что может чего-то не знать. Сидела рядом и изучала её так, словно за знакомым лицом обнаружилось нечто неожиданное.

От этого не стало спокойнее.

Аля вспомнила первые голоса на чердаке. Тогда один сказал, что она их слышит. Другой спросил: почему?

Теперь прозвучало почти то же самое.

— Вы и раньше не понимали, — медленно произнесла она. — Ещё до гостей.

Брюнетка чуть заметно подняла подбородок.

— Что именно ты слышала?

Аля помедлила. До сих пор женщина распоряжалась объяснениями, выдавала их по одному и требовала за каждое послушания. Рассказывать всё сразу расхотелось.

— Вы говорили обо мне.

Брюнетка долго смотрела ей в глаза.

За дверью скрипнула половица. Марк, должно быть, проснулся. Скоро он придёт завтракать, и Аля увидит его лицо. Такое, каким не увидит никто из его знакомых.

Она снова повернулась к женщине.

— Почему я?

Та медленно покачала головой.

— Вот это, дорогая Алька, мне и самой чертовски хочется выяснить.

Глава 9. Цена защиты

Брюнетка продолжала смотреть на Алю. Прежнее выражение — ленивая насмешка, уверенность во всём на свете — возвращалось на её лицо постепенно, словно его пришлось надеть заново.

— Довольно вопросов на сегодня. Тебя тоже ждёт поощрение.

Аля насторожилась.

— Какое?

— Его.

Она сразу поняла, о ком речь.

— Нет.

Брюнетка чуть приподняла бровь.

— Только не он, — повторила Аля и невольно коснулась шеи. — Ты видишь, что осталось после гостиницы?

— Не дрожи раньше времени.

— Я не хочу, чтобы это повторилось.

Женщина протянула руку. Аля отшатнулась, но тяжесть уже разливалась по телу. Одеяло вдруг стало неподъёмным, воздух — густым, веки начали смыкаться помимо её воли.

— Подожди...

Она ещё видела лицо брюнетки и пыталась удержаться за его очертания. Потом исчезло и оно.

Аля стояла в незнакомой комнате, погружённой в полумрак.

На ней не было одежды.

Из тени вышел мужчина. Высокий, широкоплечий, с тем же неразличимым лицом. Он медленно обошёл её, и ладонь скользнула по коже — тёплая, тяжёлая, неожиданно приятная.

Аля задержала дыхание.

Пальцы поднялись к груди, коснулись соска. По телу разошлось желание. Она попыталась разглядеть его, заглянуть под пелену, скрывавшую черты, но тьма колыхнулась вместе с его движением.

Пространство качнулось.

Аля лежала на широкой кровати.

— Будь осторожна со своими фантазиями, — произнёс он возле её уха.

Она не успела спросить, что это значит. Он развёл её бедра и склонился между ног. Язык двигался ритмично, уверенно, лаская её так, что уже через несколько мгновений Аля вцепилась пальцами в простыню.

Потом её руки сами потянулись к его волосам. Она прижимала его лицо к себе, не желая, чтобы он отстранялся. Вспомнила девушку в гостевой спальне — и собственное желание оказаться на её месте. Сейчас движения Али почти повторяли увиденное.

Он поднялся над ней и вошёл глубоко, одним резким толчком.

На этот раз его тело словно подстроилось под её. Аля чувствовала наполненность, тяжесть, каждое движение внутри. Он двигался мощно, до самого упора, и она уже не могла сдерживать стоны.

Мысль о гостинице мелькнула неожиданно.

Его ладонь легла на горло.

Аля напряглась, но пальцы не сжались с прежней яростью. Рука удерживала её, слегка затрудняя дыхание, и это прикосновение вплелось в ощущения, которые она уже не успевала разделять.

В голове возникла другая мысль: что, если бы второй мужчина сейчас ласкал её грудь?

Она повернула голову — и увидела рядом его точную копию.

Второй склонился над ней, обхватил грудь, принялся ласкать соски губами и пальцами. Первый продолжал двигаться внутри. Алю выгнуло на постели, оргазм прошёл по телу так сильно, что она на несколько секунд перестала понимать, где чьи руки.

Рука на шее сжалась чуть крепче. Толчки стали быстрее. За одной волной удовольствия накатывала следующая, почти не оставляя передышки.

Поза сменилась.

Теперь Аля стояла на четвереньках, прогнувшись в пояснице. Один мужчина входил сзади, то замедляя движения, то снова ускоряясь. Второй лежал под ней и ласкал языком её клитор.

Она опустила голову, судорожно вцепилась в постель. Ей хотелось ещё. Стоило ритму хоть немного измениться, она подавалась навстречу, требуя продолжения.

Наслаждение казалось бесконечным. Оно наполняло не только тело — вытесняло усталость, страх, тяжёлые мысли, которые Аля ещё недавно не могла от себя отогнать. И чем больше получала, тем сильнее желала.

Сквозь её стоны прорезался женский голос:

— Хватит! Немедленно перестань!

Мужчина не остановился сразу.

— Ты сейчас отдашь ей всё! Она не выдержит!

Сон оборвался.

Аля открыла глаза и несколько секунд лежала, не двигаясь.

По телу ещё расходились остаточные волны удовольствия. Простыня сбилась под пальцами, дыхание никак не выравнивалось. Она смотрела на потолок и чувствовала себя невероятно, почти нелепо счастливой.

Хотелось улыбаться.

Вот просто так, без всякой причины: солнце за шторами, знакомая комната, собственные руки на одеяле. Всё было прекрасным. Даже усталость исчезла, будто она выпалась на месяц вперёд.

Аля тихо рассмеялась.

Потом услышала свой смех и замолчала.

Ничего ведь не изменилось. Марк оставался в соседней комнате. В доме по-прежнему распоряжались те двое. Полчаса назад — или сколько там прошло наяву? — она боялась одного упоминания мужчины.

Теперь ей хотелось встать, распахнуть окна и благодарить весь мир за то, что он существует.

— Господи... Что он со мной сделал?

Ответа не было. Брюнетка исчезла.

Аля легко поднялась, словно тело успели заменить, пока она спала. Прошла в ванную, включила свет.

Из зеркала на неё смотрела молодая женщина.

Аля придвинулась ближе.

Лет двадцать восемь. Она помнила себя в этом возрасте, но даже тогда не выглядела настолько свежей. Кожа гладкая, чистая, глаза яркие. Черты остались её собственными, только с лица убрали всё, что накапливалось годами.

— Двадцать восемь? — проговорила она. — Мне бы и тридцати хватило. Ты чего так разошёлся?

Шутка вырвалась сама. Аля снова улыбнулась и провела ладонями по щекам.

Грудь стала выше и полнее. Талия — тоньше, линия бёдер — плавнее. Она повернулась боком, потом другим, рассматривая себя с жадным изумлением.

Такое тело ей хотелось бы иметь.

Признать это оказалось легко. Гораздо труднее было следом вспомнить, откуда оно взялось.

Аля подняла подбородок. Следы на шее побледнели, но приглядевшись, она всё ещё различала их. Провела пальцем рядом: чувствительность оставалась, хотя уже не такая острая.

Они могли убрать с её лица десять лет. Больше десяти, если считать от гостиничного утра. Сделать её красивее, чем она была в молодости. Наполнить радостью так, что даже собственные беды отступали, как чужие.

Внутри всё ещё было светло и легко.

От этого Аля впервые по-настоящему испугалась самого подарка.

Забранное заставляло сопротивляться. Полученное хотелось оставить.

Она не перестала помнить боль. Но уже понимала, насколько соблазнительно будет однажды сказать себе, что хорошего стало больше, и больше к остальному не возвращаться.

Аля опустила руки.

Улыбка исчезла не сразу.

* * *

Одеваясь, она вспомнила вчерашнюю отмену.

Вторая гостя не приехала. Вместо неё Аля никого так и не нашла. В доме ночевал один Марк — мужчина, которого выбрала брюнетка.

А её после этого наградили.

Не просто оставили в покое, а вернули столько молодости, что собственное отражение стало трудно узнавать.

Что-то в навязанном правиле не сходилось.

Аля вновь повязала платок на шею и спустилась на кухню. Там поставила кофе, достала чашки, приготовила завтрак. Руки двигались легко, сил было непривычно много. Даже вопрос о наказании звучал теперь в голове спокойно, и это тоже настораживало.

На лестнице слышались шаги.

Марк вошёл с дорожной сумкой на плече.

— Доброе утро, хозяйка.

— Доброе. Кофе будешь?

— С удовольствием.

Он поставил сумку и сел.

Аля повернулась к кофеварке прежде, чем успела внимательно на него посмотреть. Налила напиток. Поставила чашку на стол. Подвинула хлеб.

Только потом подняла глаза.

Марк постарел.

Не так, как за годы, которые они провели порознь. Вчерашнее лицо она помнила слишком хорошо, чтобы спутать одно с другим. Кожа у глаз стала дряблее, складки на лбу — глубже. В волосах прибавилось седины.

Он же выглядел довольным, хорошо отдохнувшим человеком.

Аля опустилась напротив.

Никакой радости в эту секунду не осталось. Она смотрела на знакомое лицо и вспоминала, как разглядывала в ванной собственную молодую кожу.

Марк поднял чашку, сделал глоток. Потом задержал на ней взгляд.

— Алька... Ты изменилась.

Она застыла.

— В каком смысле?

— Не пойму. Вчера вечером ты выглядела по-другому.

Аля попробовала улыбнуться.

— Ты вчера почти сутки был в дороге. Мог и не всё разглядеть.

— Да нет, я тебя разглядел.

Она отвела глаза к его чашке.

— Может, свет другой. Здесь утром солнце.

Марк оглянулся на окно, но недоумение с лица не ушло.

— Возможно. Наверное, просто вымотался.

Он не выглядел окончательно убеждённым. И всё-таки не стал расспрашивать. Люди не молодеют за ночь, а значит, должно было существовать какое-то более привычное объяснение.

Аля слишком хорошо знала, как охотно за него хватаются.

Они завтракали, разговаривая о дороге. Марк рассчитывал проехать сегодня большой участок пути. Аля спросила, не хочет ли взять воды, и ушла к шкафчику за бутылкой, лишь бы ненадолго оказаться спиной к нему.

Из головы не уходил ночной сон.

Его склонённая голова. Верёвки. Ошейник.

Теперь он сидел на её кухне, держал чашку, отвечал обычным голосом. Ей не хотелось выдавать ни взглядом, ни неловким словом, что она видела то, чего он ей не доверял.

Марк имел право оставить это при себе.

Даже здесь, где с его правами вообще никто не считался.

После завтрака он встал и поблагодарил за приём. У двери снова обнял её, на этот раз осторожнее: заметил, как она повернула шею.

— Береги себя, Аль.

Она на секунду закрыла глаза.

— И ты.

— Будешь на связи?

— Буду.

Марк перехватил сумку и вышел. Аля стояла в прихожей, пока не затих мотор.

Вчера она боялась встретиться с ним. Сегодня — запомнить таким.

Она закрыла дверь и подняла голову к потолку.

— Дамочка. Нам нужно поговорить.

Голос больше не срывался так сильно, как накануне, но кричать Аля не стала.

— Ты знаешь, что я тебя зову. Выходи.

Несколько секунд ничего не происходило. Потом возле лестницы возникла брюнетка.

— Что ещё?

Аля уже открыла рот, но неожиданно остановилась на самом простом.

— Как тебя зовут?

Женщина улыбнулась.

— Наконец-то спросила.

— Я была немного занята. Старела, молодела, гостей развлекала. Не до светского знакомства.

Улыбка стала шире.

— Азелла.

Аля повторила про себя имя. Оно звучало странно, но хотя бы переставало быть вечным «ты» или «эй, дамочка».

— Хорошо, Азелла. Девушка вчера не приехала.

— Я знаю.

— Тогда почему меня не наказали? Вы же требовали мужчину и женщину.

Азелла пожала плечами.

— Ты её пригласила. Она сама отменила. Твоей вины нет.

Аля посмотрела на неё с недоверием.

— То есть разница между «не захотела» и «не смогла» у вас всё-таки существует?

— Как видишь.

— Очень полезная информация. Могла бы сообщить раньше.

Азелла оставила колкость без внимания.

— На этот раз нам хватило Марка.

Аля помедлила.

— Вам?

Женщина чуть приподняла бровь.

В памяти всплыли её слова о том, что Марк пожелает дальше. Аля поняла не сразу, а поняв, отвела взгляд.

— Он хотел... и с ним тоже?

Азелла усмехнулась.

Прямого ответа не последовало, но Аля его уже не ждала. Ей хватило намёка. Гораздо больше задело то удовольствие, с которым женщина наблюдала за её догадкой.

Аля действительно покраснела.

И вопросов не задала.

То, о чём фантазировал Марк, не объясняло, почему он должен был расплачиваться за это годами жизни. В этом её отношение не изменилось.

— Ты поэтому настояла именно на нём?

— Сегодня утром ты слишком любопытна.

— Я такой была ещё до покупки дома.

— Теперь у тебя больше поводов.

Азелла исчезла, не дожидаясь ответа.

Аля посмотрела на пустое место и выдохнула.

Одно правило всё-таки стало понятнее. Им требовалась энергия, а не две галочки в списке гостей. Мужчина и женщина были способом обеспечить её, но исключения они разрешали себе сами.

Хозяйке полагалось узнавать об исключениях после случившегося.

* * *

Следующая заявка пришла от компании из трёх человек.

Двое мужчин и женщина. Ехали вместе, искали ночлег до утра, готовы были обойтись без особых удобств.

Аля прочитала сообщение и посмотрела на часы.

День уже начинался заново. Постели, полотенца, ужин. Ещё недавно она представляла, что будет жить здесь иначе: работать, гулять, иногда встречать друзей. Теперь её расписание определяли люди, которых она даже не успевала запомнить.

Она открыла профиль отправителя. Там были фотография и несколько обычных сведений. Ничего, за что мог бы зацепиться взгляд. После прекрасных отзывов о собственном доме доверять чужому спокойному описанию стало труднее — и всё же выбирать приходилось по нему.

Аля ответила, что свободны две спальни.

«Если вас устраивает самим решить, кто с кем разместится, могу принять всех троих».

Согласие пришло почти сразу.

Она отправила адрес и время.

Не стала выяснять, кто из них кому приходится. После Марка особенно остро чувствовала, что не хочет ещё одной экскурсии в чужую личную жизнь. Достаточно, чтобы они переночевали и утром ушли.

В почте осталось несколько других писем. Аля ответила на те, что касались будущих дат, потом закрыла страницу. За обычную работу взялась с неожиданной лёгкостью: голова была ясной, усталость не возвращалась.

Это пугало меньше, чем утром, и она заметила это тоже.

К молодости привыкалось быстро.

К тому, что платье сидит лучше. Что не ломит спину после стирки. Что в зеркале не нужно искать удачный угол.

Аля застала себя за тем, что задержалась перед отражением, и сердито отвернулась.

Нельзя было позволить подарку заслонить всё остальное.

Она вспомнила слова Азеллы, прервавшей сон: «Ты отдашь ей всё. Она не выдержит».

Мужчина, судя по тому, как пришлось вмешаться Азелле, не всегда останавливался вовремя.

Аля записала фразу в телефон рядом с прежними заметками о доме. Коротко, без выводов. Затем добавила про отменённую гостью и про то, что Марк заметил её перемену.

Чужие потери оставались невидимыми. Её подарок оказался замечен.

Это следовало помнить.

К вечеру комнаты были готовы. Аля проверила ужин, открыла окно в гостиной и услышала подъезжающую машину.

У ворот остановился тёмный автомобиль.

Первым вышел мужчина лет сорока. Рослый, широкоплечий. Посмотрел на дом, оглядел двор, одёрнул воротник расстёгнутой рубашки.

Второй был примерно того же возраста. Держал в руке телефон, обернулся на дорогу прежде, чем закрыть дверцу.

Последней вышла женщина.

Она увидела Алю в окне, улыбнулась и направилась к воротам. В отличие от спутников, никуда не оглядывалась.

Аля вышла встретить их.

— Добрый вечер. Это вы писали?

— Мы, — ответила женщина. — Надеюсь, не слишком рано.

— Нет, всё хорошо. Проходите.

Она отступила с дорожки, пропуская людей с сумками. Теперь, вблизи, мужчины выглядели просто уставшими. Один пожаловался на долгую дорогу, другой спросил, можно ли оставить машину здесь до утра.

Аля показала, где удобнее припарковаться. Подождала, пока они закончат, и открыла дом.

В прихожей женщина снова улыбнулась.

— Как у вас красиво.

— Спасибо.

Один из мужчин запрокинул голову, разглядывая потолок.

— Только привидений не хватает.

Аля посмотрела на него.

— С ними отдельная договорённость.

Женщина рассмеялась. Мужчины тоже улыбнулись, и на несколько секунд встреча стала похожа на все предыдущие. Уставшие путешественники, любезная хозяйка, старая шутка о доме с историей.

Аля предложила ужин. Они согласились, но сначала хотели оставить вещи.

— Тогда наверх. Покажу комнаты.

Она взяла ключи и пошла первой.

На площадке второго этажа открыла гостевую дверь, включила свет.

Удар в спину бросил её внутрь.

* * *

Аля едва успела выставить руку, чтобы не упасть. Мужчина схватил её сзади, прижал к себе, и возле горла блеснуло лезвие.

— Где деньги, сука?

Несколько секунд она не понимала, что происходит. Ещё мгновение назад показывала людям спальню. Держала ключ. Собиралась объяснить, где ванная.

Теперь нож касался кожи.

— Где наличка? Золото? Говори быстро.

Второй мужчина вошёл следом и прикрыл дверь. Женщина неторопливо поставила сумку на пол.

Аля посмотрела на неё.

Та больше не улыбалась приветливо. На лице осталось спокойное, заинтересованное выражение человека, которому предстоит наблюдать за работой других.

— У меня ничего нет, — выговорила Аля.

— Не пизди, — бросил второй. — В таком доме живёшь и денег нет?

Она попыталась повернуть голову, но нож прижался сильнее. Платок съехал, зацепившись за лезвие.

— Всё ушло на дом. На ремонт...

Мужчина толкнул её к кровати.

Аля ударилась коленом о край, упала на матрас и сразу попыталась отползти. Он перехватил её за ногу, потянул обратно. Ключи выскользнули из руки и звякнули об пол.

— Сейчас вспомнишь.

Он убрал нож от её лица и принялся расстёгивать ремень.

Аля посмотрела на его руки. Поняла раньше, чем он успел сказать.

— Выебу разок — сама всё покажет, — произнёс он, обернувшись к спутникам.

Женщина устроилась на стуле возле стены.

— Давай. Люблю смотреть, как ломают.

Она раздвинула ноги, сдвинула бельё и принялась ласкать себя, не отрывая глаз от кровати.

Аля дёрнулась в сторону. Мужчина навалился коленом на матрас, ухватил её одежду. Второй подошёл к изголовью, расстегнул брюки и начал мастурбировать перед её лицом.

— Не надо!

Она закрылась руками. Попыталась ударить того, кто держал её за ногу, но он только сильнее сжал пальцы.

— Тихо, сука. Лежи.

Аля закричала.

Крик больно прошёл через ещё чувствительное горло, сорвался, но она снова набрала воздух. На секунду в голове возникла нелепая мысль: голос слышен на улице? Окно гостиной осталось открытым. Если кто-то проходит мимо ворот...

Мужчина дёрнул ткань её белья.

Сверху ударил грохот.

Такой силы, что вздрогнула кровать. Со стола упала мелкая вещица, на потолке дрогнула тень люстры.

Все замерли.

Потом послышались шаги.

Тяжёлые. Медленные. Узнаваемые с первого удара по доскам.

Аля перестала кричать.

Она боялась этого звука. Помнила, как ждала его в запертой спальне. Сейчас же всем телом тянулась к нему, желая, чтобы следующий шаг прозвучал ближе.

— Кто там? — рывкнул мужчина у изголовья.

Аля смотрела на дверь.

— Он.

— Какой ещё он?

Ответа не последовало. Мужчина выругался и повысил голос:

— Пусть заходит! Мы и его пристроим. Вон Майя сидит, ждёт, пусть ей отлизет!

Аля перевела на него взгляд.

Он действительно не понимал, кого звал.

За дверью скрипнула последняя ступень. Второй нападавший, стоявший у кровати, попытался вернуться к тому, что начал, но его член оставался вялым. Он дёргал его, злился, всё чаще косился в сторону выхода.

— Что за херня...

Дверь вылетела из петель.

Дубовая створка ударилась о стену, перекосилась и упала. Мужчина у изголовья отскочил, заслоняясь рукой от щёпок.

В проёме стоял чёрный.

Огромный, рогатый, едва помещавшийся под притолокой. По смоляной коже стекала прозрачная вязкая влага. Между мощных бёдер высился огромный напряжённый член.

Он посмотрел на мужчин.

— Кто здесь меня звал?

Никто не ответил.

— И кому нужно было отлизать?

Несколько секунд назад они заполняли собой всю комнату. Громкими голосами, руками, движениями, уверенностью в том, что могут сделать с ней что угодно.

Теперь оба молчали.

Один медленно опустил руку. Второй застыл у кровати с расстёгнутыми брюками, не решаясь даже прикрыться. Взгляд бегал от рогов к лицу демона и обратно.

Майя продолжала двигать пальцами между ног.

Аля слышала её частое дыхание и с отвращением отвернулась. Женщина смотрела на чёрного с жадным возбуждением. Его появление не испугало её так, как спутников, — словно зрелище лишь стало интереснее.

Демон шагнул к ней.

Майя шире раздвинула бёдра.

Он опустил руку между её ног, ввёл в неё длинный палец и начал двигать им резко и глубоко. Женщина закричала, выгнулась на стуле. Второй палец вошёл в её анус. Несколько движений — и её тело свело сильным оргазмом.

Она обмякла, соскользнула со стула и потеряла сознание.

— Азелла, — произнёс демон, не повышая голоса.

В комнате и без того было слышно каждое слово.

— Займись ею. Пусть вымотается от собственных желаний. Исполни всё, что захочет.

Аля вспомнила, как легко сбывалась во сне каждая мысль. И голос Азеллы, приказавшей остановиться, потому что она сама могла не выдержать.

Теперь остановить, похоже, никто не собирался.

Демон повернулся к мужчинам.

Того, кто нависал над Алей, он сдёрнул с кровати одним движением. Человек отлетел в сторону, выпустив нож. Лезвие звякнуло возле ножки стула.

— А вам пора спать, мальчики.

Один из них открыл рот. Кажется, хотел что-то сказать или попросить, но не успел.
— Быстро.

Аля сползла с матраса, прижимая к себе разорванную одежду.

Мужчины легли на освободившуюся постель. Без спора, без попытки бежать. Будто услышали приказ, который тело выполнило раньше, чем разум понял смысл.

Через несколько секунд оба спали.

Аля стояла возле стены. Колени тряслись, ступни казались чужими. Она не знала, можно ли теперь уйти.

Демон повернулся к ней.

Она сжалась, ожидая знакомого гнева. Но он смотрел иначе. Ненависти, которую она видела во сне, не было. В его взгляде мелькнуло что-то тёплое, почти покровительственное.

Аля не могла перестать смотреть.

Он пришёл из-за неё.

Не позволил им продолжить.

Она отчаянно нуждалась в этом простом объяснении и всё же не знала, что ещё стояло за его взглядом. Забота? Злость на тех, кто тронул принадлежащее ему? Разницы в эту секунду тело не чувствовало: опасные руки убрали с неё, нож больше не касался горла.

Демон исчез.

Аля осталась посреди комнаты с двумя спящими мужчинами, женщиной на полу и сорванной дверью.

Несколько щепок лежали возле её босой ноги. Она заметила их, переступила и вышла в коридор.

До лестницы дошла, держась за стену.

* * *

На кухне всё оставалось как прежде.

Ужин ждал в посуде. Три чистые тарелки стояли у плиты. Аля посмотрела на них и почувствовала, как к горлу подступает тошнота.

Она готовила им еду.

Проверяла постели. Думала, как удобнее разместить троих людей в двух комнатах. Они в это время ехали сюда, обсуждая, что можно забрать у одинокой женщины в большом доме.

Аля открыла шкафчик.

Бутылка водки стояла за посудой. Она достала её, попыталась отвернуть пробку, не смогла с первого раза. Пальцы дрожали слишком сильно.

— Да что ж такое...

Пробка поддалась.

Аля сделала глоток из горлышка и закашлялась. Спирт обжёг горло, выступили слёзы. Она поставила бутылку, наклонилась над столом и ждала, пока сможет нормально вдохнуть.

Потом выпила ещё.

Ей хотелось, чтобы перестали дрожать руки. Чтобы из головы исчезли их лица, рука с ножом, женщина на стуле. Но стоило закрыть глаза, всё появлялось снова.

Она не успела даже добраться до телефона.

В голове крутилась собственная фраза: «У меня ничего нет». Как будто деньги были главным. Как будто можно было правильно ответить — и они сразу бы отстали.

Аля посмотрела на дверь кухни.

Наверху было тихо.

Демон остановил их. Тот самый, от которого она пыталась сбежать в гостиницу. Она видела его руку на своей шее — и видела, как этой рукой он убрал от неё другого мужчину.

Воспоминания не соединялись в удобную, понятную картину.

Она была благодарна: без него не представляла, чем всё закончилось бы. Вместе с тем тело помнило его ничуть не хуже, чем сегодняшний нож.

Аля опустилась на стул, положила ладони на стол. В пальцах всё ещё подрагивали мелкие мышцы. Она просидела так долго, потом подняла бутылку и снова отпила.

Позже вспомнила о телефоне.

Он лежал в гостиной, там, где она оставила его перед приездом троицы. Аля принесла его на кухню. Экран засветился, показывая обычные значки и уведомления.

Можно было позвонить в полицию.

Сказать о нападении, ноже. Это было настоящим, человеческим преступлением. Его не требовалось объяснять рогами, снами или чужими годами.

Аля открыла набор номера.

Потом посмотрела на потолок.

Там спали трое. Вернее, с ними теперь делали то, о чём она могла только догадываться. Мужчина с чердака уже вынес своё решение. Что произойдёт, если в дом войдут ещё люди и попытаются забрать у него этих троих?

Она вспомнила вылетевшую дверь.

Телефон остался у неё в руке. Аля долго смотрела на экран, не нажимая вызов. В конце концов положила его рядом с собой.

Сейчас она не могла решать ничего.

Алкоголь начал действовать. Дрожь понемногу стихала, зато голову повело, а движения стали неловкими. Аля закрыла бутылку, отодвинула её подальше и кое-как убрала еду в холодильник. Тарелки оставила на столе.

На лестнице пришлось держаться за перила обеими руками.

Мимо гостиной она прошла, не заглядывая. Проём зиял тёмным прямоугольником. Внутри тихо посапывали.

Аля добралась до своей комнаты, закрыла дверь и легла прямо в одежде.

Сон провалился под ней сразу.

* * *

Утром болела голова.

Аля открыла глаза, некоторое время смотрела в потолок. Во рту пересохло. Платок сбил на бок, одежда смялась.

Никаких снов она не помнила.

Потом вернулся вечер.

Аля села так резко, что перед глазами потемнело.

— Блядь...

Они были здесь.

Все трое остались в гостиной. Она уснула, пока они лежали за стеной.

Несколько секунд Аля прислушивалась, не решаясь спустить ноги на пол. Затем взяла телефон, поднялась и вышла в коридор.

Дверь гостиной стояла на месте.

Аля остановилась.

Вчера створка лежала на полу, вырванная из петель. Она видела щепки, переступала через них. Теперь дерево выглядело целым. Даже возле замка не осталось трещины.

Аля провела пальцем по кромке.

Дом снова был готов принимать гостей.

Она не слышала, когда дверь вернули. Не видела, кто это сделал.

Осторожно нажала на ручку.

В комнате спали трое. Майя теперь лежала на кровати рядом с мужчинами. Одежда была на месте, сумки стояли у стены. Ножа на полу Аля не увидела.

На первый взгляд — неудачно разместившаяся компания, которой тесно на одной постели.

Потом она посмотрела на лица.

Волосы у всех троих стали белыми. Не отдельная седина у висков, а сплошная, почти бесцветная масса. Щёки обвисли, губы запали. Лица пересекали глубокие морщины, руки лежали на покрывале сухими, узловатыми ветвями.

Лет восемьдесят.

Не меньше.

Аля осталась на пороге. Приближаться не хотелось — даже к таким. Но она всмотрелась, убеждаясь, что видит вчерашних нападавших.

Их. Того, кто держал нож. Того, кто встал у изголовья. Майю на стуле.

Азелла говорила, что чужие годы видны только ей.

Значит, кому-то другому эти люди показались бы обычными сорокалетними постояльцами. Аля же видела, сколько у них осталось сил. Мало. До страшного мало.

Один мужчина пошевелил рукой, и она поспешно отступила.

Закрыла дверь.

Снова целую дверь.

На кухне Аля налила воды, выпила почти весь стакан и поставила кофе. На вчерашнюю бутылку даже не посмотрела.

Азелла появилась, когда она доставала чашку.

— Сейчас они проснутся и уедут.

Аля повернулась к ней.

— Что вы с ними сделали?

— Ты видела.

— Они...

— Ничего не помнят о вчерашнем вечере, — перебила Азелла. — Спустятся, возьмут вещи и выйдут. На тебя больше не нападут.

Аля посмотрела на лестницу, потом обратно на женщину.

— А на других?

Взгляд Азеллы стал холодным.

— Не успеют.

Она подошла ближе.

— И не вздумай сейчас жалеть их, Алька. Ты даже не представляешь, что они собирались с тобой сделать.

— Некоторое представление я получила.

— Только начало.

Аля почувствовала, как к коже снова будто прикасается лезвие. Опустила чашку на стол, прежде чем та выскользнула из пальцев.

— За ними тянется много таких историй, — продолжила Азелла. — Женщины. Мужчины. Люди, которые тоже открывали дверь и думали, что встретили кого-то вполне обычного. Ты не знаешь, сколько они сломали.

Говорила она без вчерашней насмешки. Не смаковала подробностей, но каждое слово звучало жёстко.

— За последнюю сотню лет мне редко попадалась такая гниль.

Аля уставилась на неё.

Сотню лет.

В другой день она зацепилась бы за это сразу. Сегодня вопрос о возрасте Азеллы не смог вытеснить вопрос о людях наверху.

— Сколько они проживут?

Женщина помолчала.

— Неделю. Может, меньше. У них почти ничего не осталось.

Аля опёрлась ладонью о стол.

— Они умрут?

— Да.

Никакого торжества. Будничная констатация, от которой почему-то стало холоднее, чем от угроз.

Азелла смотрела на неё прямо.

— Для остальных они останутся прежними. Но снаружи можно скрыть возраст. Вернуть потраченную жизнь одним этим нельзя.

Аля не ответила.

Она боялась их. Даже сейчас, зная, как они выглядят, не хотела оказаться рядом с ними без стены или закрытой двери. Мысль, что они уедут и никогда не вернуться, приносила облегчение.

Мысль, что они скоро умрут, была другой.

Азелла явно ждала, что обе сложатся для неё в одно простое, удобное чувство.

Не складывались.

— Я не просила их убивать, — тихо сказала Аля.

— Они тоже не спросили, чего хочешь ты.

Женщина исчезла.

Аля осталась на кухне с горячей чашкой в руках. Кофе пах так же, как вчера. И позавчера. Этот запах сопровождал все утра, каким бы ни оказывалось продолжение.

На лестнице скрипнула ступень.

Она отступила за край кухонного проёма.

Троица спускалась медленно. Один мужчина держался за перила, второй неловко переставлял ноги, тяжело опираясь на стену. Майя шла последней. На её лице не осталось ни возбуждения, ни злорадства — лишь пустая усталость.

Аля смотрела на сторбленные спины и сухие руки. Знала, что для другого наблюдателя картина была бы иной, но двигались они и в самом деле с трудом. Силы ушли независимо от того, кто мог увидеть возраст.

Мужчина поднял на неё глаза.

Она задержала дыхание.

Он только кивнул в знак прощания.

Второй подхватил сумку. Майя пробормотала:

— До свидания.

Аля не ответила сразу. Потом всё-таки произнесла:

— До свидания.

Ей было важно увидеть, как они выйдут. Как закроется дверь и между ними окажется двор, дорожка, ворота.

Вскоре завёлся двигатель.

Машина тронулась медленно, остановилась перед выездом, потом покатила дальше.

Аля дождалась, пока она исчезнет из виду, и только тогда позволила себе выдохнуть.

Они уехали.

На кухонном столе всё ещё стояли три тарелки, приготовленные к вчерашнему ужину. Аля взяла их и убрала в шкаф по одной, стараясь не стучать фарфором.

Дом снова стал тихим.

Она подняла глаза к потолку. Теперь тишина означала для неё ещё и то, что наверху находится единственный, кто сумел остановить тех троих.

Она всё ещё боялась его.

И всё сильнее хотела понять, почему он за неё вступился.

Глава 10. Неосторожное желание

Аля поднялась на чердак сама.

Никто не звал её, не приказывал идти наверх. От этого каждый шаг казался особенно странным. Она могла вернуться на кухню, выпить кофе, открыть рабочую почту. Вместо этого держалась за перила и прислушивалась к тишине над головой.

Последняя ступень скрипнула.

Аля остановилась перед дверью. Вспомнила, как та же тяжёлая поступь вчера приближалась к гостевой, и коснулась ручки.

Ей нужно было поговорить с ним. Хотя бы один раз — самой, по собственной воле.

Она открыла дверь.

Под крышей пахло пылью и старым деревом. Сквозь узкое окно падал косой свет. Паутина натянулась между балками тонкими нитями, в дальних углах стояла плотная тень.

Никого.

Аля сделала несколько шагов и обняла себя за плечи.

— Ты здесь?

Ответа не было.

— Я знаю, что слышишь.

Она остановилась, не решаясь пройти дальше. До сих пор встречаться с ним приходилось там, где он сам выбирал: в спальне, во сне, рядом с кроватью. Теперь она оказалась в той части дома, куда он уходил после своих появлений.

— Почему ты за меня вступился?

Пылинки медленно кружились в полосе света.

— Вчера. Ты не позволил им... — Аля сглотнула и договорила иначе: — Ты остановил их.

Его голос раздался из темноты под балками:

— Тебе объяснили, что они собирались сделать.

Она вздрогнула, но не отступила.

— Я спрашиваю о тебе.

Пауза.

— Ты принадлежишь мне, Алечка. А я своё берегу.

В этой фразе было столько уверенности, что на секунду она ощутила почти облегчение. Если он действительно намерен беречь, то с ножом к её горлу больше не подойдут. Не придётся снова ждать, лежа под чужими руками, успеет ли кто-нибудь вмешаться.

Потом вспомнилась гостиница.

Аля коснулась шеи.

— Очень избирательно бережёшь.

Темнота перед ней не изменилась. Но тишина стала другой, настороженной.

— Я тебя боюсь, — сказала она. — Ты сам сделал всё, чтобы боялась. С Азеллой хотя бы можно разговаривать. Иногда она отвечает, даже если сначала обложит со всех сторон.

— Тебе мало ответили?

— Мне много приказывали.

Произнести это было трудно. Аля слушала собственный голос и ждала, когда придётся пожалеть о каждом слове.

Вместо угрозы раздался низкий смешок.

— Во сне ты не всегда такая испуганная.

Она замерла.

— Когда я касаюсь тебя, ты хочешь меня. Очень сильно.

Он говорил так, будто этого было достаточно, чтобы закончить разговор.

Аля смотрела в тень.

Она давно подозревала. Азелла почти не скрывала, кого посылает к ней; совпадали голоса, глаза, властные движения. Но между чёрным рогатым телом наяву и мужчиной с закрытым тьмой лицом оставалась щель, в которой ещё можно было держать сомнение.

Сейчас он убрал её сам.

— Значит, это всё время был ты.

— Да.

Слово прозвучало совсем близко, возле уха. Аля резко повернула голову, никого не увидела.

— И когда мне было хорошо. И в гостинице.

— Ты уже знаешь ответ.

Она выдохнула.

Признание не сделало его понятнее. Просто теперь окончательно исчезла возможность мысленно разделить нежного любовника и того, кто душил её. Это был один человек. Или одно существо. Тот же, кто вчера вышиб дверь и остановил нападавших.

Аля стояла под балками, пытаясь вместиť всё сразу.

— Ты хоть лицо своё покажешь? — спросила она.

Снова короткая пауза.

— Иди к себе. Ложись в постель.

Голос стал ниже, мягче. Он уже не отражался от дальних стен, а словно звучал внутри.

— Я хочу тебя видеть.

Аля посмотрела на выход.

Она могла бы спросить, почему обязательно во сне. Почему он сам не выйдет из тени, раз уж она сюда пришла. Но желание увидеть его лицо оказалось сильнее вопроса. К нему примешивалось знакомое влечение, которому трудно было сопротивляться, пока голос касался её имени.

Она развернулась.

По дороге вниз ощущение его присутствия не исчезло. Аля вошла в спальню, закрыла дверь, села на кровать. На мгновение задержалась, глядя на собственные руки.

Потом легла и прикрыла глаза.

* * *

Под ногами была трава.

Белые цветы тянулись до самой дальней линии деревьев. Тёплый воздух пах летом. Посреди поляны стояла огромная кровать, застеленная белым шёлком.

Аля посмотрела на неё и невольно подумала, что у местного хозяина представление о необходимых удобствах совершенно не зависит от пейзажа.

За спиной кто-то шевельнулся.

Она обернулась.

Он стоял рядом — высокий, сильный, совсем близко. Аля медленно протянула руку. Мужчина принял её пальцы и коснулся губами.

Она подняла глаза.

Лицо больше не скрывалось.

На вид ему было около сорока. Густые чёрные волосы, тёмная щетина на подбородке, резкие, уверенные черты. Глубокая складка на лбу, выразительные губы. Его глаза оставались тёмными, но сейчас в них не было ни огня, ни ненависти.

Он смотрел на неё с нежностью.

Она не могла отвести глаз.

Вот каким он мог быть.

Мужчина шагнул ближе и обнял её. Поцеловал шею, ключицы, спустился губами к груди. Аля положила руки ему на плечи, почувствовала под ладонями тепло кожи и напряжённые мышцы.

Он поднял её.

Она обвила ногами его бёдра, и он глубоко вошёл в неё. Аля выдохнула ему в шею, вцепилась в плечи, удерживаясь, хотя его руки держали надёжно.

Он двигался то медленно, давая почувствовать каждый толчок, то ускорялся, и тогда она уже не могла сдержать голос. Оргазмы накатывали один за другим. Аля прижималась к нему, цеплялась пальцами, шептала что-то возле уха и забывала слова сразу после того, как произносила.

На краю сознания оставалось удивительное чувство: она всё ещё может думать.

Она видела его лицо. Чувствовала, как он держит её. Ей было так хорошо, что на мгновение захотелось сохранить это навсегда, получить нечто, что останется после пробуждения.

«Я хочу ребёнка от него».

Мысль возникла целиком, внезапно, без рассуждений о том, что будет завтра.

«Хочу почувствовать, как он наполняет меня своим семенем».

Мужчина напрягся.

Он излился в неё с такой силой, что Аля судорожно прижалась к нему. Горячее семя переполняло её, стекало по бёдрам. Он всё ещё держал её на руках, а она задыхалась от последней волны удовольствия, не успевая осознать, что изменилось в его лице.

Поле исчезло.

— Алька!

Кто-то тряс её за плечи.

— Открывай глаза, дура!

Она очнулась в собственной постели.

Азелла склонилась над ней. Пальцы сжимали плечи так сильно, что стало больно.

— Как ты это сделала?!

Аля моргнула, пытаясь понять, где находится.

— Что?

— Не прикидывайся! Как?!

Она ещё чувствовала его руки. Траву под ногами, которой уже не было. Тепло, исчезавшее медленно, неохотно.

Азелла снова встряхнула её.

— Отпусти, — выговорила Аля. — Ты мне плечи оторвёшь.

Женщина убрала руки и отступила от кровати.

Её лицо было почти неузнаваемым. Ни лени, ни привычной усмешки. Только злость и что-то похожее на панику.

— Как ты заставила его кончить?

Аля села, прижав к себе простыню.

— Я никого не...

— Кто ты такая вообще?

— Ты меня спрашиваешь?

Азелла резко провела рукой по волосам.

— Ты понимаешь, что сейчас произошло?

Аля хотела сказать, что прекрасно понимает: они занимались сексом, а потом её снова выдернули из сна. Но в памяти всплыла собственная мысль, и слова застряли.

— Я просто подумала...

Женщина замерла.

— Что именно?

Аля отвела глаза.

— Что хочу ребёнка от него.

В спальне стало тихо.

Азелла смотрела на неё так, будто та произнесла фразу на языке, которого не имела права знать.

— Ты думала во сне?

— Да.

— Осознанно?

— А как ещё?

Аля поёжилась под её взглядом и пояснила:

— Я понимала, чего хочу. Как в прошлый раз. Подумала, что второй мужчина мог бы ласкать меня, пока первый... Ну, ты понимаешь. И появился второй.

— Это сделала ты?

— Я не знаю, кто это сделал. Я подумала — он появился.

Азелла отвернулась и прошла к окну. Сразу вернулась, снова остановилась у кровати.

— Ты меняешь сон.

Аля подтянула простыню выше.

— Ты сама говорила, что вы исполняете фантазии. Я решила, так и должно быть.

— Люди обычно не распоряжаются нашими снами, Алька. Они желают. Мы видим, чего именно, и воплощаем это. Человек идёт за ощущениями, почти не понимая, что происходит. А ты...

Она не закончила.

Аля смотрела на неё всё внимательнее. Вот теперь вопросы женщины пугали сильнее крика. В них не было готового ответа.

— Я думала, он сам это делает, — повторила она.

— До некоторого момента так думала и я.

— А сейчас?

— Сейчас мне нужно понять, где кончается его воля и начинается твоя.

* * *

Азелла опустилась на край кровати, но тут же встала.

Сидеть спокойно у неё не получалось.

— Вспоминай. Ты знала, что спишь?

Аля помедлила.

— Не всё время думала об этом. Но да. Знала, что поляны в моей спальне нет.

— Могла пожелать что-нибудь другое?

— Наверное.

— Почему не оттолкнула его?

Аля подняла глаза.

— Потому что в этот раз не хотела отталкивать.

Сказать это вслух оказалось неожиданно легко. Куда легче, чем объяснить самой себе всё, что стояло за ответом.

— Мне было хорошо, — добавила она. — Я сама хотела продолжения.

Азелла скрестила руки.

— Прекрасно. А в гостинице? Почему там не приказала ему остановиться?

Аля замолчала.

Ей не пришлось долго вспоминать. Достаточно было снова почувствовать во рту невозможность вдохнуть, увидеть его глаза над собой.

— Я боялась.

— Значит, там не могла думать?

— Могла. Только об одном: пусть перестанет. Я не знала, что могу что-то изменить. Я даже сейчас не понимаю, что именно умею.

Азелла медленно кивнула.

— Когда страх захватывает тебя целиком, ты перестаёшь управлять вниманием. Смотришь туда, куда тебя заставляют смотреть. Ждёшь следующего удара. Весь сон для тебя становится одной угрозой.

Аля слушала, сжав простыню в пальцах.

— А когда страх отступает, — продолжила женщина, — ты начинаешь действовать. Не просто получаешь то, что мы показываем. Вмешиваешься сама.

— То есть я могу это делать только тогда, когда не боюсь?

— Пока похоже на то.

Слово «пока» прозвучало непривычно. Азелла обычно не оставляла места сомнениям. Сейчас была вынуждена.

— В гостинице ты отдала власть кошмару, — сказала она.

Аля резко подняла голову.

— Я никому ничего не отдавала. Он пришёл и сделал это.

Женщина посмотрела на неё.

— Я объясняю, почему у тебя не получилось сопротивляться.

— Тогда так и говори. Я не знала, что могу. И не приглашала его меня душить.

Азелла поджала губы, но спорить не стала.

Некоторое время обе молчали.

Аля смотрела на смятую ткань у себя на коленях. Почему не догадалась раньше? Почему не попробовала? Можно было избежать гостиницы, приказать исчезнуть, оказаться в другом месте...

Она остановила себя.

Легко придумывать решения, сидя на кровати утром, когда воздух свободно проходит в горло. Тогда она едва понимала, как пережить ещё одну секунду.

— И что теперь? — спросила Аля. — Мне нужно научиться?

— Сначала нужно понять, что ты уже натворила.

— Ты всё время это повторяешь.

Азелла подошла ближе.

— Ты заставила его сделать то, чего он не собирался делать.

Аля вспомнила, как напряглось его тело, как исчезло поле. До этой минуты она воспринимала случившееся как исполнение желания. Теперь услышала другую сторону и растерялась.

— Я думала, он сам... Ты же говорила, он воплощает фантазии.

— Оказалось, не только он.

— Вы предупредили меня обо всём, кроме того, что действительно нужно знать.

— Мы не знали, что ты способна на такое!

Голос Азеллы снова сорвался.

Аля вздрогнула.

Женщина отвернулась, сделала несколько шагов, потом остановилась у окна. За стеклом шевелились листья. Ничего похожего на катастрофу во дворе не происходило.

— Он за тысячи лет ни разу этого не делал, — произнесла Азелла. — Ни с одной женщиной. А ты просто подумала.

— Я не знала, что мысль может...

— Теперь знаешь.

Аля обхватила себя руками.

Она действительно не знала. Не могла представить, что фантазия внутри сна окажется приказом, которому подчинится даже он. Но от этого новое понимание не становилось легче.

Желать и распоряжаться другим телом — разные вещи. До сих пор она слишком болезненно чувствовала эту разницу на себе.

— Он злится, — сказала она.

— Мягко сказано.

— Поэтому ты разбудила меня?

Азелла повернулась.

— Алька. Ты беременна.

* * *

Сначала слова не соединились со смыслом.

Аля смотрела на неё, всё ещё думая о сне, о его лице, о том, что, возможно, сделала нечто непоправимое. Беременность прозвучала откуда-то из другой жизни. Там были месяцы, врачи, тесты, планы. Здесь прошло всего несколько минут.

— Что?

— Беременна, — повторила Азелла. — Ребёнка захотела. Теперь будем разбираться, как его нянчить.

Аля опустила глаза на живот.

Ничего не изменилось.

Она положила ладонь поверх простыни, но так и не почувствовала ничего, что могло бы подтвердить эти слова.

— Откуда ты знаешь?

— Чувствую.

— Ты же только что ничего не понимала.

— Я не понимаю, как это получилось. Результат ощущаю прекрасно.

Аля медленно покачала головой.

— Это был сон.

— И синяки у тебя тоже были из сна.

Она замолчала.

Этот ответ оказался убедительнее любого объяснения. Следы на шее оставались там, где его пальцы сжимались в гостиничном кошмаре. Значит, граница между постелью и сновидением уже давно не защищала её так, как она привыкла считать.

Сверху раздался гул.

Люстра дрогнула. В оконной раме тонко звякнуло стекло.

Аля вскинула голову.

— Это он?

Азелла не ответила.

Гул повторился, ниже, тяжелее. Дом словно удерживал внутри слишком большую силу, которой стало тесно.

Аля прижала простыню к груди.

— Я пойду к врачу.

Слова вырвались быстро, раньше, чем она успела обдумать их.

— Я не могу... Я не готова. Я сделаю аборт.

Азелла посмотрела на неё без прежней насмешки, но ответила жёстко:

— Ты думаешь, это обычная беременность? Я уже чувствую вокруг неё защиту. Человеческим врачам с ней не справиться.

— Ты не можешь решать за меня.

— Я сейчас пытаюсь понять, как ты вообще осталась жива и зачала от высшего демона.

Решать тут пока нечего: мы даже не знаем, с чем столкнулись.

Аля слушала и не могла отделить объяснение от очередного запрета. Вчера ей говорили, что невозможно уйти. Сегодня — что невозможно распоряжаться собственным телом. Каждый новый факт почему-то сокращал число доступных ей действий.

— Девочка, — сказала Азелла.

Она подняла голову.

— Что?

— Это девочка.

Слово изменило всё, хотя Аля ещё не была готова признать это. До него в голове стояло пугающее, общее «беременность». Теперь там оказалась дочь.

Та, которой она минуту назад не представляла.

Та, о которой успела подумать во сне, не задумавшись ни о чём остальном.

Аля посмотрела на свою ладонь поверх живота.

Радости не было. Слишком много страха. Но руку она не убрала.

Азелла проследила за этим движением, затем снова подняла взгляд к потолку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.